

INSPIRIA

ДВЕ СЕРЬЕЗНЫЕ
ДАМЫ

ДЖЕЙН БОУЛЗ

18+

INSPIRIA

Annotation

Эксцентричная и авантюрная Кристина Гёринг встречается на вечеринке тревожную, но столь же решительную миссис Копперфилд.

Две серьезные дамы, страстно желающие выбраться из скорлупы, отправляются на поиски себя: миссис Копперфилд – с мужем в Панаму, где находит утешение среди женщин из публичных домов, а мисс Геринг познает новых мужчин. Две дамы встречаются снова. Преображенные опытом, они уже совершенно не те неудовлетворенные аккуратной жизнью представительницы высшего общества. А кто они?

Анархическая, глубокая и очень забавная, «Две серьезные дамы» – история, которую не вписать ни в какие рамки.

Джейн Боулз многие знают как жену Пола Боулза, признанного классика американской литературы двадцатого века. Однако Джейн – гений непризнанный. Хотя ее работы немногочисленны, Джейн Боулз по праву считается одной из лучших писательниц своего поколения. Ее проза остра, как бритва, забавна и чрезвычайно умна. В ней находит отображение то неуловимое состояние женщины, которая живет "аккуратно", прячась в скорлупе, и страстно желает выйти из зоны комфорта, даже если за ее пределами может быть опасно.

-
- [Джейн Боулз](#)
    -
    - [Часть первая](#)
    - [Часть вторая](#)
    - [Часть третья](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)

- [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
-

Джейн Боулз

Две серьезные дамы

Полу, Матери и Хелвеше^[1].

© Немцов М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Отец Кристины Гёринг был американским промышленником немецкого происхождения, а мать – нью-йоркской дамой из весьма именитой семьи. Первую половину своей жизни Кристина провела в очень красивом доме (не дальше часа езды от города), который унаследовала от матери. Именно здесь растили ее вместе с сестрой Софи.

Ребенком Кристина очень не нравилась другим детям. Из-за этого она никак особенно не страдала, поскольку вела, даже в очень раннем возрасте, насыщенную внутреннюю жизнь, которая урезывала ей наблюдения за всем, что бы ни происходило вокруг нее, до такой степени, что она так и не набралась манер, бывших тогда в моде, и в десять лет другие маленькие девочки называли ее старомодной. Даже тогда вид у нее был, как у определенных изуверов, что считают себя вожжами, ни разу не заслужив уважения ни единого человека на свете.

Крестину кошмарно беспокоили мысли, что никогда б не пришли в головы ее сверстницам, и в то же время она принимала как должное такое положение в обществе, какое любой другой ребенок счел бы невыносимым. Время от времени какая-нибудь соученица жалела ее и пыталась сколько-то водиться с нею, но Кристина отнюдь не бывала за это благодарна – напротив, она изо всех сил пробовала втянуть новую подружку в культ того, во что бы сама она в то время ни верила.

Сестрой же ее Софи в школе все весьма восхищались. Та обнаружила в себе заметный талант к сочинению стихов и все время проводила с тихой девочкой по имени Мэри, на два года ее младше.

Когда Кристине исполнилось тринадцать, волосы у нее были очень рыжими (почти такими же рыжими остались они и когда она выросла), щеки – водянистыми и розовыми, а нос являл следы аристократизма.

В тот год Софи приводила с собой Мэри домой обедать почти каждый день. Поев, она брала Мэри на прогулку в лесок и прихватывала им обеим по корзинке, в каких приносить обратно цветы. Кристине ходить на такие прогулки Софи не разрешала.

– Ты должна чем-то своим заняться, – говорила ей Софи. Но Кристине было трудно придумать такое, что понравилось бы ей самой. Она привыкла претерпевать множество умственных борений – обыкновенно религиозной природы – и предпочитала быть с другими и устраивать игры. Как правило, игры эти оказывались весьма нравственны и в них часто фигурировал Бог. Однако больше никому не нравились они, и ей приходилось почти весь день проводить в одиночестве. Разок-другой она пробовала ходить в лесок одна и возвращаться оттуда с цветами, подражая Мэри и Софи, но всякий раз, опасаясь, что вернется, а цветов на красивый букет ей не хватит, она так нагружала себя корзинками, что прогулка казалась скорей испытанием, а не удовольствием.

Кристина желала, чтобы после обеда Мэри принадлежала ей одной. Однажды солнечным днем Софи ушла в дом на свой урок фортепиано, а Мэри осталась сидеть на травке. Кристина, бывшая неподалеку и это увидевшая, вбежала в дом, сердце у нее билось от возбуждения. Она скинула туфли и чулки и осталась в короткой белой сорочке. Смотреть на это оказалось не очень приятно, поскольку Кристина в то время была весьма громоздка, а ноги у нее выглядели довольно толстыми. (Невозможно было предвидеть, что превратится она в высокую и элегантную даму.) Она выбежала на лужайку и велела Мэри смотреть, как она танцует.

– Только не отводи от меня глаз, – сказала она. – Я исполню танец поклонения солнцу. А затем покажу, что лучше уж у меня будет Бог и не будет солнца, чем солнце и без Бога. Понимаешь?

– Да, – ответила Мэри. – Ты это сейчас будешь?

– Да, прямо здесь. – Внезапно она затанцевала. Танец был неуклюж, а все жесты ее – нерешительны. Когда из дома вышла Софи, Кристина занималась тем, что бегала взад и вперед, молитвенно сложив руки.

– Что это она делает? – спросила у Мэри Софи.

– Кажется, танец солнцу, – ответила та. – Велела мне сидеть и смотреть на нее.

Софи подошла туда, где Кристина как раз крутилась на одном месте и вяло трясла руками в воздухе.

– Прилипала! – произнесла она и вдруг толкнула сестру на траву.

Кристина после этого долго держалась подальше от Софи, а стало быть – и от Мэри. Однако выпал ей еще один случай оказаться с Мэри наедине, и случилось это потому, что однажды утром у Софи ужасно разболелся зуб, и гувернантке пришлось немедленно вести ее к зубному. Мэри же об этом ничего не слышала и днем пришла, рассчитывая, что Софи окажется дома. Кристина была в башне, где часто собирались дети, и увидела, как та подходит по дорожке.

– Мэри, – завопила она, – поднимайся сюда. – Когда девочка пришла в башню, Кристина спросила, не хотелось бы ей сыграть с нею в одну очень особенную игру. – Называется «Прощаю тебя за все твои грехи», – сказала Кристина. – Только тебе нужно снять платье.

– Будет интересно? – спросила Мэри.

– Мы в нее играем не ради интереса, а потому что играть в нее необходимо.

– Ладно, – ответила Мэри, – я с тобой поиграю. – Она сняла платье, и Кристина надела Мэри на голову старый джутовый мешок. В джUTE она вырезала две дырочки, чтоб Мэри могла смотреть, а на поясе ей завязала веревку.

– Пойдем, – сказала Кристина, – и тебе отпустят все твои грехи. Повторяй сама себе: «Пускай Господь простит мне все мои грехи».

Вместе с Мэри поспешила она вниз по лестнице, а затем по лужайке к леску. Кристина пока еще толком не знала, что намерена делать, но была очень сильно взбудоражена. Они подошли к ручейку, бежавшему по лесной опушке. Берега у него были мягкими и грязными.

– Подойди к воде, – сказала Кристина, – думаю, вот как мы смоём с тебя грехи. Тебе надо встать в грязь.

– Возле грязи?

– В *саму* грязь. Горек ли грех у тебя во рту? Должен быть горек.

– Да, – неуверенно ответила Мэри.

– Тогда ты же хочешь быть чиста и беспорочна, как цветочек, правда?

Мэри не ответила.

– Если не ляжешь в грязь и не дашь мне обложить всю тебя грязью, а потом не вымоешься в ручье, останешься навеки проклята. Хочешь быть навеки проклята? Решать нужно сейчас же.

Под своим черным клобуком Мэри стояла, не произнося ни слова. Кристина толкнула ее наземь и принялась обмазывать мешковину грязью.

– Грязь холодная, – пожаловалась Мэри.

– Зато адское пламя жаркое, – сказала Кристина. – Если дашь мне доделать – не отправишься в ад.

– Только ты недолго, – сказала Мэри.

Кристина была очень взволнована. Глаза у нее сверкали. Она лепила на Мэри все больше и больше грязи, а потом сказала ей:

– Теперь ты готова очиститься в водах.

– Ох, прошу тебя, нет, только не в воду – я ненавижу в воду заходить. Я боюсь воды.

– Забудь обо всем, чего боишься. Бог смотрит сейчас за тобой, и Он тебе пока что не сочувствует.

Она подняла Мэри с земли и вошла в ручей с нею на руках. Свои туфли и чулки снять она забыла. Платье у нее все было в грязи. Затем она погрузила в воду тело Мэри. Та смотрела на нее через дыры в джуте. Ей не пришлось в голову сопротивляться.

– Трех минут хватит, – сказала Кристина. – Я немножко за тебя помолюсь.

– Ой, не надо, – взмолилась Мэри.

– Конечно, надо, – произнесла Кристина, подняв к небу взгляд. – Милый Боженька, – проговорила она, – сделай эту девочку Мэри такой же чистой, как Сын Твой Иисус. Смой с нее грехи так, как вода сейчас смывает с нее грязь. Этот черный мешок доказывает тебе, что она считает себя грешницей.

– Ой, хватит, – прошептала Мэри. – Он тебя слышит, даже если ты про себя говоришь. А ты так орешь.

– Три минуты, кажется, прошло, – сказала Кристина. – Пойдем, дорогая, теперь можно встать.

– Побежали к дому, – сказала Мэри. – Я до смерти замерзла.

Они побежали к дому и по задней лестнице, что вела в башню. В комнате башни было жарко, потому что там не отпирали окон. Кристине вдруг стало очень скверно.

– Ступай, – сказала она Мэри, – иди в ванну и смой с себя все. Я буду рисовать. – Ей было очень не по себе. «Все кончено, – сказала

себе она, – наигрались. Велю Мэри идти домой, когда вытрется. Дам ей с собой цветных карандашей».

Мэри вернулась из ванны, завернувшись в полотенце. Она еще дрожала. Волосы у нее были мокрыми и прямыми. Лицо выглядело меньше, чем обычно.

Кристина отвернулась от нее.

– Игра закончена, – сказала она, – всего несколько минут – тебе уже пора высохнуть – я пошла отсюда. – И она удалилась из комнаты, а Мэри осталась, туже укутывая себе плечи полотенцем.

Взрослой женщиной мисс Гёринг нравилась не больше, чем ребенком. Теперь жила она у себя под Нью-Йорком со своей приживалкой мисс Гэмелон.

Тремя месяцами ранее мисс Гёринг сидела в гостиной, разглядывая безлистные деревья снаружи, и тут горничная объявила гостя.

– Господин или дама? – поинтересовалась мисс Гёринг.

– Дама.

– Проси немедленно, – сказала мисс Гёринг.

Горничная вернулась в сопровождении посетительницы. Мисс Гёринг поднялась с места.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Полагаю, что до сего мига я в глаза вас не видела, но будьте добры, садитесь.

Гостья была низкоросла и коренаста, с виду – под или чуть за сорок. Носила она темное и немодное, и если б не большие серые глаза, лицо ее осталось бы во всяком случае непримечательным.

– Я двоюродная сестра вашей гувернантки, – сообщила она мисс Гёринг. – Она у вас прослужила много лет. Вы ее помните?

– Помню, – ответила мисс Гёринг.

– Так вот, меня зовут Люси Гэмелон. Кузина моя постоянно рассказывала о вас и вашей сестре Софи. Я уже много лет собиралась нанести вам визит, но мешало то одно, то другое. Но, опять же, вечно оно так с нами.

Мисс Гэмелон покраснела. Она еще не разоблачилась и сидела в пальто и шляпке.

– У вас прелестный дом, – сказала она. – Полагаю, вам это известно и вы очень это цените.

К тому времени мисс Гёринг уже исполнилась любопытства касательно мисс Гэмелон.

– Чем вы занимаетесь в жизни? – спросила она.

– Боюсь, что немногим. Всю свою жизнь я перепечатывала рукописи знаменитых авторов, но теперь на авторов, похоже, спроса стало не очень много – ну, или же они сами себя печатают.

Погрузившись в мысли, мисс Гёринг не ответила ничего.

Мисс Гэмелон беспомощно огляделась.

– Вы здесь почти все время или главным образом путешествуете? – внезапно спросила она у мисс Гёринг.

– Никогда не думала о путешествиях, – ответила та. – Путешествия мне без надобности.

– С таким семейным происхождением, как у вас, – проговорила мисс Гэмелон, – полагаю, вы родились уже со знанием обо всем. Путешествовать вам не обязательно. Мне два-три раза выпадала возможность путешествовать с моими авторами. Они были не прочь оплатить все мои расходы, а кроме того – мое полное жалованье, но я никуда не поехала – вот только раз, и то в Канаду.

– Вам не нравится путешествовать, – произнесла мисс Гёринг, не сводя с нее взгляд.

– Мне это не по душе. В тот раз я попробовала. У меня расстроился желудок и не прекращались нервные головные боли. Этого хватило. Я вняла предупреждению.

– Полностью вас понимаю, – сказала мисс Гёринг.

– Я глубоко убеждена, – продолжала мисс Гэмелон, – что нас предупреждают. Некоторые на такие предупреждения не откликаются. Вот тогда-то эти люди и вступают в противоречие. Думаю, на то, что вам странно или же нервно, вы и не годитесь.

– Продолжайте, – сказала мисс Гёринг.

– Ну, к примеру, я знаю, что я не гожусь в авиаторы. Мне всегда снилось, как я разбиваюсь оземь. Много чего я не стану делать, пусть даже меня сочтут упрямой ослицей. Например, не буду пересекать большой водоем. Мне б досталось все, чего я хотела, если б я только переплыла океан в Англию, но я ни за что этого делать не стану.

– Что ж, – произнесла мисс Гёринг, – давайте выпьем чаю с сэндвичами.

Мисс Гэмелон ела прожорливо и хвалила мисс Гёринг за хорошую еду.

– Мне нравится питаться хорошим, – сказала она; – хорошей еды мне теперь не хватает. Была, когда я работала у авторов.

Допив чай, мисс Гэмелон стала раскланиваться с хозяйкой.

– Я весьма светски провела время, – сказала она. – Мне бы хотелось задержаться и подольше, но сегодня я обещала своей племяннице, что послежу вместо нее за детьми. Она собирается на бал.

– Должно быть, мысль об этом вас очень угнетает, – произнесла мисс Гёринг.

– Да, вы правы, – ответила мисс Гэмелон.

– Приходите же вскорости еще, – сказала мисс Гёринг.

На следующий день горничная объявила мисс Гёринг, что у нее гостья.

– Та же дама, что заходила сюда вчера, – сказала она.

«Так-так, – подумала мисс Гёринг, – это хорошо».

– Как вы себя сегодня чувствуете? – спросила у нее мисс Гэмелон, входя в комнату. Говорила она очень естественно и, похоже, вовсе не считала странным, что вернулась так скоро после своего первого визита. – Я думала о вас всю минувшую ночь, – сказала она. – Забавно это. Всегда считала, что мне нужно с вами познакомиться. Кузина моя, бывало, рассказывала, до чего вы были странная. Думаю, впрочем, что вы быстрее подружитесь со странными людьми. В этом смысле у меня такое преимущество сближения, какого нет у большинства людей. И мне кое-что известно о тех, кого я зову беззаветными одержимцами.

Мисс Гёринг пригласила мисс Гэмелон с нею отужинать. С женщиной этой, поняла она, ей быть утешительно и приятно. На мисс Гэмелон произвело большое впечатление то, что мисс Гёринг так нервничает. Едва они собрались сесть, как она сказала, что не перенесет, если трапезничать они станут в столовой, а потому попросила служанку накрыть им стол в гостиной. Довольно много времени потратила она и на то, чтобы погасить и зажечь свет.

– Я знаю, каково вам, – сказала ей мисс Гэмелон.

– Мне это не особо нравится, – произнесла мисс Гёринг, – но рассчитываю, что в будущем я возьму себя в руки.

За вином на этом ужине мисс Гэмелон рассказала мисс Гёринг, что пребывать в таком состоянии – правильно и никак иначе.

– А чего вы ждали, дорогая, – сказала она, – если сами из подобной семьи? Вы все нацелены высоко – все до единого. Нужно позволять себе такое, чего у других и права-то нет себе позволять.

Мисс Гёринг чуть опьянела. Мечтательно поглядела она на мисс Гэмелон – та как раз ела добавку цыпленка, приготовленного в вине. В уголке ее рта осталось пятнышко жира.

– Люблю пить, – сказала мисс Гэмелон, – но в этом мало толку, если нужно работать. Достаточно прекрасно, когда у вас много времени на досуг. Сейчас у меня такого времени много.

– У вас есть ангел-хранитель? – спросила мисс Гёринг.

– Ну, у меня имеется покойная тетушка – возможно, вы это имели в виду; быть может, она за мною присматривает.

– Я имела в виду не это – я кое о чем совершенно ином.

– Ну, разумеется... – сказала мисс Гэмелон.

– Ангел-хранитель приходит, когда вы очень молоды, и дает вам особое поощрение.

– От чего?

– От мира. Вашим может быть удача; мое – деньги. У большинства ангел-хранитель есть; именно потому они и движутся не спеша.

– Оригинально говорить так об ангелах-хранителях. Наверное, меня хранит именно то, что я вам рассказала о моем внимании к предупреждениям. Думаю, моя хранительница предупредила бы меня о нас обеих. Так я бы могла уберечь вас от неприятностей. С вашего позволения, разумеется, – добавила она, с виду слегка смутившись.

У мисс Гёринг возникло в тот миг четкое ощущение, что мисс Гэмелон ни в малейшей степени женщина не милая, но она отказалась признавать это, поскольку слишком уж наслаждалась тем, что за нею ухаживают и ее ублажают. Себе она сказала, что, если ненадолго, вреда от такого не будет.

– Мисс Гэмелон, – произнесла мисс Гёринг, – сдастся мне, прекрасный это замысел – если вы поселитесь здесь, как у себя дома, по крайней мере – пока. Не думаю, что у вас имеется какое-либо настоятельное дело, требующее вашего присутствия где-либо еще, не так ли?

– Нет, никаких дел у меня нет, – ответила мисс Гэмелон. – Я не вижу, почему бы мне тут не остаться, – мне только понадобится забрать свои вещи из дома моей сестры. А помимо этого я больше ничего и не знаю.

– Какие вещи? – нетерпеливо спросила мисс Гёринг. – Вообще туда больше не возвращайтесь. Мы все можем раздобыть в магазинах. – Она встала и быстро прошла по комнате.

– Что ж, – промолвила мисс Гэмелон, – думаю, я все же лучше перевезу вещи.

– Но не сегодня вечером, – сказала мисс Гёринг, – завтра – завтра на машине.

– Завтра на машине, – следом за нею повторила мисс Гэмелон.

Мисс Гёринг распорядилась выделить мисс Гэмелон комнату рядом со своею, куда и привела ее вскоре после того, как завершился ужин.

– Из этой комнаты, – произнесла мисс Гёринг, – открывается один из прекраснейших видов во всем доме. – Она раздвинула шторы. – Вот вам сегодня луна и звезды, мисс Гэмелон, а также славный очерк деревьев напротив неба.

Мисс Гэмелон стояла в полутьме возле туалетного столика. Пальцами она покручивала брошку у себя на блузке. Ей бы хотелось, чтобы мисс Гёринг ушла, а она б могла осмыслить и дом, и предложение мисс Гёринг по-своему.

Вдруг в кустах под окном завопили. Мисс Гёринг вздрогнула.

– Что это? – Лицо ее было очень бело, и она поднесла руку ко лбу. – Так долго болит у меня сердце всякий раз после того, как я пугаюсь, – тихонько произнесла она.

– Думаю, мне лучше сейчас лечь и уснуть, – сказала мисс Гэмелон. Ее неожиданно одолело все выпитое вино. Мисс Гёринг неохотно удалилась. Она была готова проговорить полночи. Наутро мисс Гэмелон отправилась домой собрать вещи и дать своей сестре новый адрес.

Три месяца спустя мисс Гёринг немного больше узнала о представленьях мисс Гэмелон, нежели в тот первый вечер, когда они вместе отужинали. Довольно много чего, однако, узнала она о личных особенностях мисс Гэмелон посредством тщательного наблюдения. Когда та только прибыла в дом, она много распространялась о своей

любви к роскоши и красивым предметам, но мисс Гёринг с тех пор брала ее с собою в бесчисленные прогулки по магазинам; и она вроде бы никогда не интересовалась ничем, кроме простейших предметов первой необходимости.

Держалась она тихо, даже немного хмуро, но казалась вполне довольной. Ее привлекало питаться в крупных, дорогих ресторанах, а особенно – если трапезу сопровождала обеденная музыка. Театр ей, похоже, не нравился. Очень часто мисс Гёринг покупала билеты на пьесу, а мисс Гёринг в последний миг идти отказывалась.

– До чего же лень мне, – говорила она, – ничего прекрасней постели я сейчас и вообразить не могу.

Когда же в театр она приходила, тот ей легко наскучивал. Если только действие пьесы не разворачивалось стремительно, мисс Гёринг заставляла ее за тем, что она смотрит себе в колени и перебирает пальцами.

Казалось, теперь она неистовее относится к занятиям мисс Гёринг, нежели к своим собственным, пусть даже уже не слушала так сочувственно само-объяснения мисс Гёринг, как в начале.

В среду днем мисс Гэмелон и мисс Гёринг сидели под деревьями перед домом. Мисс Гёринг пила виски, а мисс Гэмелон читала. Вышла горничная и объявила мисс Гёринг, что ее зовут к телефону.

Звонила старинная приятельница мисс Гёринг Анна – пригласить ее завтра в гости. Мисс Гёринг вернулась на лужайку очень разгоряченная.

– Завтра иду в гости, – сказала она, – но даже не знаю, как дотерплю до завтрашнего вечера: мне так нравится ходить в гости, а приглашают меня так редко, что я и не ведаю, как мне там себя вести. Как же нам скоротать оставшиеся часы? – Она взяла обе руки мисс Гэмелон в свои.

Становилось прохладно. Мисс Гёринг поежилась и улыбнулась.

– Вам нравится наша маленькая жизнь? – спросила она у мисс Гэмелон.

– Я всегда удовлетворена, – ответила та, – поскольку знаю, что брать, а что оставлять, но вы-то всегда подневольны.

Мисс Гёринг прибыла к Анне, вся покрасневшись и немного чересчур разодевшись. На ней был бархат, а к волосам ей мисс Гэмелон приколола какие-то цветы.

Мужчины, в большинстве своем – средних лет, – стояли вместе в одном углу комнаты, курили и внимательно слушали друг друга. Дамы же, свеженапудренные, расселись по всей комнате и говорили очень мало. Казалось, Анна несколько напряжена, хоть и улыбалась. На ней был наряд хозяйки, скроенный по мотивам крестьянского костюма центральной Европы.

– Напитки вам подадут через минуту, – объявила она гостям, после чего, завидя мисс Гёринг, подошла к ней и подвела к креслу рядом с миссис Копперфилд, не сказавши ни слова.

У миссис Копперфилд было очень острое личико и очень темные волосы. Сама она была необычайно мала и худа. Миссис Копперфилд нервно потирала себе голые предплечья и оглядывала комнату, когда мисс Гёринг устроилась в кресле рядом с нею. Уже много лет встречались они в гостях у Анны и время от времени пили друг с дружкой чай.

– О! Кристина Гёринг, – воскликнула миссис Копперфилд, вздрогнув от неожиданности, что рядом вдруг уселась знакомица, – я уезжаю!

– Вы имеете в виду, – уточнила мисс Гёринг, – что уходите отсюда?

– Нет, еду путешествовать. Вот погодите, я вам расскажу. Это же ужас.

Мисс Гёринг заметила, что глаза у миссис Копперфилд ярче обычного.

– Что стряслось, миленькая миссис Копперфилд? – спросила она, поднимаясь со своего места и озирая комнату с бодрой улыбкой на лице.

– О, я уверена, – ответила миссис Копперфилд, – что вам не захочется это выслушивать. Вы никак не можете меня уважать, но это не имеет никакого значения, потому что я вас уважаю до крайности. Я услышала как-то раз, что мой муж утверждает, будто природа ваша набожна, и мы с ним тогда едва ли не поссорились крепко. Разумеется, чтоб так говорить, нужно сойти с ума. Вы великолепно непредсказуемы и не боитесь никого, кроме себя. Терпеть не могу набожности в других.

Мисс Гёринг пренебрегла ответить миссис Копперфилд, потому что последнюю секунду-другую пристально смотрела на коренастого

темноволосого мужчину, который тяжелой поступью шагал к ним через всю комнату. Когда приблизился, она увидела, что у него приятное лицо с широкими щеками, выступавшими по обеим сторонам, но не обвисавшими, как у большинства полных людей. Одет он был в синий деловой костюм.

– Позвольте ли присесть рядом с вами? – спросил у них он. – Вот с этой юной дамой я уже встречался, – произнес он, пожимая миссис Копперфилд руку, – но, боюсь, еще не знаком с ее подругой. – Он повернулся и кивнул мисс Гёринг.

Миссис Копперфилд так раздосадовало это вмешательство, что она не удосужилась представить господину мисс Гёринг. Тот подтащил стул к креслу мисс Гёринг и посмотрел на нее.

– Я только что с изумительнейшего ужина, – сообщил он ей, – умеренного по стоимости, но поданного с тщанием и превосходно приготовленного. Если это вас интересует, могу записать вам название ресторанчика.

Из жилетного кармашка он вытянул бумажник. Отыскал в нем единственный клочок бумаги, еще не покрытый адресами.

– Я его вам запишу, – сказал он мисс Гёринг. – Несомненно, вы еще будете видеться с миссис Копперфилд, и тогда сможете ей это передать – или же, возможно, она вам телефонирует.

Мисс Гёринг приняла у него клочок бумаги и тщательно всмотрелась в написанное.

Он вовсе не писал там названия ресторана; он попросил согласия мисс Гёринг на то, чтобы позднее она отправилась с ним к нему в квартиру. Это ей невероятно понравилось, поскольку обычно она с восторгом засиживалась как можно позднее, раз уж вышла из дому.

Она подняла взгляд на мужчину, чье лицо оставалось непроницаемым. Напиток свой он потягивал со спокойствием и озирал комнату, как человек, наконец-то завершивший деловые переговоры. Однако на лбу его все же выступили капли пота.

Миссис Копперфилд уставилась на него с отвращением, а лицо мисс Гёринг вдруг просияло.

– Позвольте мне вам рассказать, – произнесла она обоим, – о странном переживании, которое я испытала нынче утром. Сидите тихо, миленькая миссис Копперфилд, и слушайте меня. – Миссис

Копперфилд подняла взгляд на мисс Гёринг и взяла руку знакомицы в свои.

– Вчера вечером я осталась в городе у своей сестры Софи, – начала мисс Гёринг, – а сегодня утром стояла перед окном и пила кофе. Здание рядом с домом Софи сносят. Полагаю, на его месте намерены строить многоквартирный дом. Сегодня утром было не только до крайности ветрено, но к тому же то и дело накрапывал дождик. Из своего окна мне видны были комнаты этого здания, потому что стену напротив меня уже снесли. В комнатах еще оставалась кое-какая обстановка, и я стояла и смотрела, наблюдала, как дождь забрызгивает обои. Те были в цветочек и уже покрылись темными пятнами, которые все больше расползались.

– Вот так развлечение, – произнесла миссис Копперфилд, – или, быть может, это угнетало.

– Наконец мне стало довольно грустно за этим наблюдать, и я уже совсем собралась отойти, как в одну из этих комнат вошел мужчина и, целенаправленно подойдя к кровати, снял с нее покрывало, свернул его и сунул под мышку. Несомненно, то была личная вещь, которую он вовремя не забрал с собой и теперь за нею вернулся. После чего он немного походил бесцельно по комнате и наконец остановился у самого ее края и поглядел вниз во двор, руки в боки. Теперь я различала его яснее и легко определила, что он художник. Пока он там стоял, меня все больше наполняло ужасом – совсем как если б я смотрела сцену из кошмара.

В этом месте мисс Гёринг неожиданно встала.

– Он прыгнул, мисс Гёринг? – с чувством спросила миссис Копперфилд.

– Нет, он некоторое время постоял, глядя во двор с выражением приятной любознательности на лице.

– Поразительно, мисс Гёринг, – сказала миссис Копперфилд. – Я действительно считаю, что это интересная история, честное слово, только она меня напугала до полного беспометства, и слушать еще одну такую же мне наверняка не понравится. – Едва она договорила, как ее муж произнес:

– Поедем в Панаму и сколько-то пробудем там, а затем проникнем вглубь. – Миссис Копперфилд сжала руку мисс Гёринг.

– Мне кажется, я этого не вынесу, – произнесла она. – В самом деле, мисс Гёринг, отъезд меня так пугает.

– Я бы поехала все равно, – сказала мисс Гёринг.

Миссис Копперфилд соскочила с подлокотника кресла и убежала в библиотеку. Тщательно заперла за собою дверь, а после рухнула на диван и горько зарыдала. Наплакавшись, напудрила себе нос, уселась на подоконник и выглянула в темный сад вниз.

Через час-другой Арнолд – плотный мужчина в синем костюме – все еще разговаривал с мисс Гёринг. Предложил ей уйти из гостей и отправиться в его собственный дом.

– Считаю, мы гораздо приятнее проведем время там, – сказал ей он. – Не так шумно, и мы сможем свободнее разговаривать.

Однако у мисс Гёринг не было никакого желания уходить, она весьма наслаждалась тем, что находится в комнате, полной людей, но толком не понимала, как ей выпутаться и не принимать его приглашение.

– Разумеется, – произнесла она, – давайте же тронемся в путь. – Они встали и молча вместе вышли из комнаты.

– Ничего не говорите Анне о том, что мы ушли, – велел мисс Гёринг Арнолд. – Это лишь вызовет суматоху. Обещаю вам, завтра я пришлю ей каких-нибудь сладостей или цветов. – Он сжал руку мисс Гёринг и улыбнулся ей. Та не была уверена, что не считает его немного чересчур фамильярным.

Выйдя от Анны, Арнолд некоторое время прошел с мисс Гёринг пешком, а потом остановил такси. Дорога к его дому вела по множеству темных и пустых улиц. Мисс Гёринг поэтому так нервничала и впала в такую истерику, что Арнолд встревожился.

– Я всегда думаю, – проговорила мисс Гёринг, – что шофер только и ждет, чтоб его пассажиры увлеклись беседой, а сам пронесется какой-нибудь улицей к труднодоступному и одинокому месту, где либо станет их пытаться, либо убьет. Уверена, что большинство к этому так же относится, как я, но им достает хорошего вкуса об этом не упоминать.

– Раз вы живете так далеко от города, – сказал Арнолд, – не провести ли вам ночь у меня? У нас в доме есть лишняя спальня.

– Вероятно, так и сделаю, – ответила мисс Гёринг, – хотя это противоречит всему моему кодексу – но вместе с тем я свой кодекс еще

и не начала применять, пусть даже сужу обо всем согласно ему. – Сказав это, мисс Гёринг немного помрачнела, и дальше они ехали молча, покуда не достигли места назначения.

Квартира Арнолда располагалась во втором этаже. Он открыл дверь, и они вошли в комнату, уставленную книжными стеллажами до потолка. Была застелена тахта, а на коврике с нею рядом стояли шлепанцы Арнолда. Мебель была тяжелой, а там и сям лежали маленькие восточные половики.

– Сплю я здесь, – сообщил Арнолд, – а маменька и папенька мои занимают спальню. У нас есть кухонька, но в общем и целом мы предпочитаем питаться не дома. Есть еще одна крохотная спаленка, первоначально предназначавшаяся для горничной, но я больше склонен ночевать здесь, чтобы глаз скользил с книги на книгу; книги – великое для меня утешение. – Он тяжело вздохнул и возложил обе руки мисс Гёринг на плечи. – Видите ли, дорогая моя, – произнес он, – я занимаюсь не вполне тем, чем бы мне хотелось... Недвижимостью.

– А чем бы вам хотелось заниматься? – спросила мисс Гёринг с усталым и безразличным видом.

– Чем-то, естественно, – ответил Арнолд, – связанным с книгами или с живописью.

– И не можете?

– Нет, – произнес Арнолд, – моя семья не считает подобное занятие делом серьезным, а поскольку мне приходится зарабатывать себе на жизнь и оплачивать свою долю этой квартиры, я вынужден был принять должность в конторе моего дядюшки, где, должен признаться, очень быстро стал его самым ценным продавцом. Вечерами, однако, у меня остается много времени вращаться среди людей, которые не имеют к недвижимости никакого отношения. Более того, они вообще очень мало думают о заработках. Само собой, людей этих интересует то, чтобы им доставало пропитания. Пусть даже мне тридцать девять лет, я все еще весьма серьезно надеюсь, что сумею раз и навсегда разойтись со своею семьей. Жизнь я не рассматриваю той парой глаз, какая имеется у них. И мне все больше и больше кажется, что мое существование здесь с ними становится невыносимым, невзирая на то, что я волен принимать у себя кого мне угодно, раз уж я плачу свою долю содержания этой квартиры.

Он сел на тахту и потер глаза руками.

– Вы меня простите, мисс Гёринг, но мне вдруг очень захотелось спать. Я уверен, что чувство это пройдет.

Выпитое мисс Гёринг уже выветривалось, и она подумала, что теперь самое время вернуться к мисс Гэмелон, только ей недоставало мужества самой ехать к себе домой.

– Что ж, я полагаю, вы очень разочарованы, – проговорил Арнолд, – но видите ли, я влюбился в вас. Мне хотелось привезти вас сюда и рассказать вам всю свою жизнь, а теперь мне вообще ни о чем не хочется разговаривать.

– Быть может, вы расскажете мне о своей жизни в какой-нибудь другой раз, – сказала мисс Гёринг, принимаясь очень быстро расхаживать по комнате взад-вперед. Она остановилась и повернулась к нему. – Что вы посоветуете мне сделать? – спросила у него она. – Ехать домой или остаться здесь?

Арнолд присмотрелся к своим часам.

– Непременно оставайтесь, – сказал он.

И тут вошел отец Арнолда в домашнем халате и с чашкой кофе в руке. Был он весьма шупл и носил бородку клинышком. Он представлял собою более внушительную фигуру, нежели Арнолд.

– Добрый вечер, Арнолд, – проговорил отец. – Не будешь ли добр представить меня этой юной даме?

Арнолд их познакомил, а затем его отец спросил мисс Гёринг, почему она не снимет плащ.

– Раз уж вы так припозднились, – сказал он, – и не наслаждаетесь удобством и надежностью собственной постели, с таким же успехом можно с приятностью устроиться и здесь. Арнолд, мой сын, никогда о таком не задумывается. – Он снял с мисс Гёринг плащ и сделал комплимент ее прелестному платью.

– А теперь расскажите мне, где были и что делали. Сам я в свет не выхожу, меня вполне устраивает общество жены и сына.

Арнолд пожал плечами и сделал вид, будто рассеянно оглядывает комнату. Но любой, кому достало бы даже чуточку наблюдательности, заметил бы, что лицо у него решительно враждебно.

– Так расскажите мне об этих гостях, – произнес отец Арнолда, поправляя шарф, который носил на шее. – *Вы* мне расскажите. – Он показал на мисс Гёринг, которой уже стало намного веселей. Она мгновенно предпочла Арнолдова отца самому Арнолду.

– Я тебе расскажу, – проговорил Арнолд. – Там было много народу, в большинстве своем – люди творческие, художники, некоторые преуспевающие и богатые, другие богатые просто потому, что унаследовали средства от какого-нибудь родственника, а иным там едва хватало на пропитание. Никого из тех людей, однако, не интересовали деньги как самоцель – они все до единого были бы довольны, если бы им всего лишь хватало на еду.

– Как дикие животные, – произнес его отец, вставая. – Как волки! Что отделяет человека от волка, как не то, что человек желает получать прибыль?

Мисс Гёринг смеялась, пока по лицу ее не заструились слезы. Арнолд взял со стола какие-то журналы и принялся очень быстро их проглядывать.

Тут в комнату вошла мать Арнолда, неся в одной руке блюдо с горкой кексов, а в другой чашку кофе.

Выглядела она неряшливо, не производила впечатления, а сложена была примерно так же, как и Арнолд. На ней был розовый шлафрок.

– Добро пожаловать, – сказала матери Арнолда мисс Гёринг. – Можно мне кусочек кекса?

Но мать Арнолда, женщина очень неотесанная, не предложила мисс Гёринг ни кусочка; напротив, прижав блюдо к себе, она сказала мисс Гёринг:

– Вы давно знаете Арнолда?

– Нет, я с вашим сыном познакомилась сегодня вечером в гостях.

– Что ж, – произнесла мать Арнолда, ставя поднос и садясь на тахту, – сдается мне, это не долго, правда?

Супруга вызвала у Арнолдова отца раздражение, которое ясно проступило у него на лице.

– Терпеть не могу этот розовый шлафрок, – вымолвил он.

– Почему ты заговорил об этом сейчас, когда мы в обществе?

– Потому что от общества шлафрок не станет смотреться иначе. – Он размашисто подмигнул мисс Гёринг, а после расхохотался. Мисс Гёринг снова от души посмеялась над его замечанием. Арнолд помрачнел еще больше, чем даже мгновение назад.

– Мисс Гёринг, – проговорил он, – боялась ехать домой одна, поэтому я сказал ей милости просим переночевать в лишней комнате.

Хотя кровать там не очень удобная, думаю, что там ей будет хотя бы уединенно.

– А почему, – спросил Арнолдов отец, – мисс Гёринг боялась ехать домой одна?

– Ну, – ответил Арнолд, – даме вообще-то не очень безопасно бродить по улицам или даже ездить в такси без спутника в такой поздний час. Особенно если ехать ей очень далеко. Разумеется, если бы ей не нужно было так далеко ехать, я сопровождал бы ее сам.

– Рассуждаешь как слюнтяй, – произнес его отец. – Я-то думал, ты и твои приятели такого не боятся. Я считал вас необузданными, думал, что изнасиловать для вас – все равно что воздушный шарик запустить.

– Ох, не надо так, – вмешалась мать Арнолда с настоящим ужасом. – Почему ты с ними так разговариваешь?

– Лучше бы ты спать шла, – произнес Арнолдов отец. – Вообще-то я намерен распорядиться, чтобы ты ступала спать. Простудишься.

– Ну какой же он несносный, а? – проговорила мать Арнолда, улыбаясь мисс Гёринг. – Даже когда у нас в доме общество, не способен сдержать своей львиной природы. А натура у него и *впрямь* как у льва – ревет в квартире день-деньской да расстраивается из-за Арнолда и его друзей.

Отец Арнолда с топотом выскочил из комнаты, и они услышали, как в глубине коридора хлопнула дверь.

– Извините меня, – сказала мать Арнолда мисс Гёринг, – я не хотела расстраивать посиделки.

Мисс Гёринг была очень раздосадована, поскольку старика сочла вполне потешным, а вот сам Арнолд угнетал ее все больше и больше.

– Наверное, я покажу вам, где переночуете, – произнес Арнолд, вставая с тахты и позволяя при этом журналам соскользнуть у него с колен на пол. – Ох, что ж, – продолжал он, – пойдете сюда. Я довольно сонный, и мне все это противно.

Мисс Гёринг с неохотой проследовала за Арнолдом по коридору.

– Подумать только, – сказала она Арнолду, – должна признаться, мне совсем не хочется спать. Нет ничего хуже, верно?

– Да, это ужас, – согласился Арнолд. – Лично я готов рухнуть на ковер и пролежать там до завтрашнего полудня, столь полно я изможден.

Мисс Гёринг сочла такое замечание весьма негостеприимным, и ей сделалось как-то страшновато. Арнолду пришлось пойти искать ключ от свободной комнаты, и мисс Гёринг на некоторое время осталась перед дверью одна.

– Держи себя в руках, – вслух прошептала она, поскольку сердце у нее забилося очень быстро. Как же позволила она себе так далеко уехать от собственного дома и мисс Гэмелон? Наконец вернулся с ключом Арнолд и открыл дверь в комнату.

Та была очень маленькой и гораздо холодней гостиной, где все они сидели. Мисс Гёринг рассчитывала, что Арнолд по этому поводу смутится, но тот, хоть ежился и потирал руки, не сказал ничего. На окне штор не было, но имелись желтые жалюзи, уже спущенные. Мисс Гёринг кинулась на кровать.

– Что ж, дорогая моя, – сказал Арнолд, – спокойной ночи. Я иду спать. Возможно, завтра отправимся посмотреть какую-нибудь живопись – или, если хотите, я приеду к вам домой. – Он взялся руками за ее шею, очень легонько поцеловал ее в губы и вышел из комнаты.

Она так рассердилась, что на глазах выступили слезы. Арнолд немного постоял за дверью, а через несколько минут ушел.

Мисс Гёринг подошла к бюро и опустила голову на руки. В такой позе она пробыла долго, пусть и дрожала от холода. Наконец к ней легонько постучали. Плакать она перестала так же резко, как и начинала, и поспешила открыть дверь. В скверно освещенном коридоре стоял Арнолдов отец. На нем была розовая полосатая пижама, и в виде приветствия он отдал мисс Гёринг честь. После чего остался стоять очень неподвижно, очевидно, ожидая, когда мисс Гёринг пригласит его войти.

– Входите, входите, – сказала ему она, – я в восторге от того, что вижу вас. Небеса! А то было такое чувство, что меня все бросили.

Отец Арнолда вошел и устроился у изножья кровати мисс Гёринг, уселся, болтая ногами. Довольно манерно закурил трубку и оглядел стены комнаты.

– Что ж, дама, – проговорил он, – вы тоже художница?

– Нет, – ответила мисс Гёринг. – Когда я была совсем юна, мне хотелось стать религиозным вождем, а теперь я всего-навсего

проживаю в своем доме и стараюсь быть не очень несчастной. Со мною живет подруга, так проще.

– Что вы думаете о моем сыне? – спросил он, подмигивая ей.

– Я только что с ним познакомилась, – ответила мисс Гёринг.

– Довольно скоро поймете, – сказал отец Арнолда, – что человек он довольно-таки никудышный. У него нет представления о том, что значит сражаться. Я б заключил, что женщинам это очень не нравится. Вообще-то не думаю, что у Арнолда в жизни было много женщин. Уж простите меня за то, что передаю вам эти сведения. Сам-то я сражаться привык. Всю свою жизнь я сражался с ближними моими, а не садился чай с ними гонять, как Арнолд. И ближние со мною дрались, как тигры. А вот Арнолд – нет, не боец. Моим честолюбивым замыслом всегда было подняться по дереву на ветку повыше, чем мои ближние, и я к тому ж с готовностью признавал полный свой позор, если оказывался на том дереве ниже кого угодно из своих знакомых. В свете я не бывал уже много лет. Никто не приходит со мною повидаться, и я ни к кому не хожу. А вот у Арнолда и его приятелей никогда ничего толком не начинается и не заканчивается. Они для меня – что рыбка в грязной воде. Если жизнь их с какой-то стороны не устраивает и в каком-то месте они кому-то не нравятся, то просто переплывают куда-то еще. Они желают ублажать и нравиться; именно поэтому так легко подойти и треснуть их сзади по башке – они никогда в своей жизни всерьез не ненавидели.

– Что за странное ученье! – произнесла мисс Гёринг.

– Это не ученье, – ответил отец Арнолда. – Это мои собственные мысли, почерпнутые из моего личного опыта. Я очень верю в личный опыт, а вы?

– О да, – ответила мисс Гёринг, – и я действительно считаю, что про Арнолда вы правы. – Она переживала примечательный восторг от того, что они чернят Арнолда.

– Итак, Арнолд, – продолжал его отец и, казалось, веселел все больше по мере того, как говорил, – Арнолд никогда не мог вынести, если кто-то заставлял его на самой нижней ветке. Всем известно, насколько велик у вас дом, и мужчины, желающие тем устроить свое счастье, – мужчины железные.

– Арнолд во всяком случае – не художник, – вставила мисс Гёринг.

– Нет, в том-то и дело, – произнес отец Арнолда, все более горячась. – Ему недостает ни мяса, ни нервов, ни упорства быть хорошим художником. У художника должны быть мышцы, дерзость и сила характера. Арнолд же – как моя жена, – продолжал он. – Я женился на ней, когда ей исполнилось двадцать лет, из неких деловых соображений. Всякий раз, когда я ей это говорю, она плачет. Еще одна дура. Она меня ничуть не любит, но ее пугает об этом задумываться, вот она и плачет. Вся зеленая от ревности и свернулась вокруг своей семьи и дома своего, как питон, хоть ей здесь и невесело. Жизнь у нее, коли на то пошло, – жалкая, должен признать. Арнолд ее стыдится, а я ею день-деньской помыкаю. Но несмотря на то, что женщина из робкого десятка, она способна какую-никакую силу показать, поиграть мышцами. Потому что, как и я, полагаю, она верна одному идеалу.

Тут в дверь резко постучали. Отец Арнолда ни слова не вымолвил, а вот мисс Гёринг выкрикнула ясным голосом:

– Кто там?

– Это я, мать Арнолда, – донесся ответ. – Впустите меня, пожалуйста, немедленно.

– Одну секундочку, – произнесла мисс Гёринг, – и я вам непременно открою.

– Нет, – сказал отец Арнолда. – Не открывайте дверь. У нее вообще нет никакого права приказывать кому-то открыть дверь.

– Лучше б вам ее открыть, – сказала его жена. – А иначе я вызову полицию – и я при этом нисколько не шучу. Сам знаешь, я никогда не грозилась ее вызвать.

– Нет, однажды грозилась, – сказал Арнолдов отец, и вид у него при этом был очень встревоженный.

– У меня такая жизнь, – проговорила мать Арнолда, – что я уж скорее распахну все двери, пускай все заходят в дом и любуются моим позором.

– Это последнее, что она сделает, – сказал отец Арнолда.

– Когда злится, она рассуждает, как дура. Я ее впусти, – произнесла мисс Гёринг, направляясь к двери. Пошла открывать. Она не очень испугалась матери Арнолда, рассудив по голосу, что та скорее печалится, нежели злится. Но когда мисс Гёринг открыла дверь – изумилась тому, что, напротив, лицо женщины побелело от гнева, а глаза ее превратились в узенькие щелочки.

– Почему ты всегда притворяешься, будто так хорошо спишь? – спросил отец Арнольда. Только это замечание и пришло ему на ум, хоть он и сам осознавал, до чего несообразно оно, должно быть, для жены.

– Вы распутница, – сказала его жена мисс Гёринг. Ту не на шутку потрясло это замечание – и к ее собственному немалому изумленью, потому что она всегда считала, будто подобное для нее ничего не значит.

– Боюсь, вы взяли совершенно не тот след, – сказала мисс Гёринг, – и я верю, что настанет такой день, когда мы с вами станем лучшими подругами.

– Уж позвольте мне, будьте любезны, самой выбирать себе подруг, – ответила ей мать Арнолда. – У меня вообще-то уже есть подруги, и я не рассчитываю пополнять их список, тем паче – вами.

– И все ж нипочем нельзя быть уверенной, – довольно вяло парировала мисс Гёринг, отступая и пытаясь непринужденно опереться о бюро. К сожалению, назвав мисс Гёринг распутницей, мать Арнолда подсказала своему супругу позицию, которую он займет для собственной защиты.

– Да как ты смеешь! – воскликнул он. – Как тебе хватает духу называть гостью нашего дома распутницей! Ты нарушаешь законы гостеприимства стократ, а я такого не потерплю.

– А ты на меня не ори, – ответила мать Арнолда. – Пускай убирается сию же минуту – или я устрою скандал, и ты об этом пожалеешь.

– Послушайте, дорогая моя, – сказал мисс Гёринг отец Арнолда. – Возможно, лучше будет, если вы в самом деле уедете – ради своего же блага. Уже светает, поэтому бояться вам вовсе не стоит.

Отец Арнолда нервно огляделся, после чего поспешил из комнаты и прочь по коридору, жена его – следом. Мисс Гёринг услышала, как хлопнула дверь, и представила себе, как они продолжают ссору наедине.

Сама она опрометью прошмыгнула по коридору и выскочила из дому вон. Пройдя пешком совсем немного, нашла таксомотор и, не успев проехать в нем и нескольких минут, заснула.

На следующий день солнце сияло, и мисс Гэмелон и мисс Гёринг обе сидели на лужайке и спорили. Мисс Гёринг вытянулась на травке.

Из них двоих мисс Гэмелон казалась недовольнее. Она хмурилась и поглядывала через плечо на дом, стоявший у них за спинами. А мисс Гёринг зажмурила глаза, и по лицу ее гуляла слабая усмешка.

– Ну, – произнесла, поворачиваясь, мисс Гэмелон, – вы до того мало знаете о том, чем занимаетесь, что недвижимость в ваших руках – настоящее преступление против общества. Собственность должна быть у тех, кому она нравится.

– Думаю, – сказала мисс Гёринг, – что мне она нравится больше, чем многим. Она мне придает уютное ощущение надежности, как я вам объясняла, по крайней мере, уже десяток раз. Однако, чтобы претворить мой собственный маленький замысел спасенья, я в самом деле верю, что мне необходимо пожить в каком-то более безвкусном месте, а особенно – не там, где я родилась.

– По моему мнению, – проговорила мисс Гэмелон, – вы могли бы отлично претворять свое спасение днем в течение определенных часов без нужды все перемещать.

– Нет, – ответила мисс Гёринг, – тогда это не будет в согласии с духом времени.

Мисс Гэмелон поерзала в кресле.

– Дух времени, чем бы он ни был, – сказала она, – я уверена, и без вас прекрасно справится – вероятно, даже предпочел бы справляться без вас.

Мисс Гёринг улыбнулась и покачала головой.

– Мысль в том, – сказала она, – чтобы измениться в первую очередь по собственному произволу и согласно нашим собственным внутренним побуждениям прежде, чем они принудят нас к совершенно случайным переменам.

– У меня никаких таких побуждений нет, – ответила мисс Гэмелон, – и мне сдается, что вам колоссально достает наглости вообще сопоставляться с кем бы то ни было. Вообще-то я думаю, что, если вы этот дом покинете, я сочту вас безнадежно полоумной. В конце концов, я не из тех, кого интересуется жить с полоумными, – как и вообще кого бы то ни было.

– Когда я отрекусь от вас, – проговорила мисс Гёринг, садясь и экзальтированно откидывая голову, – когда я от вас отрекусь, Люси, то отрекусь я отнюдь не только от своего дома.

– Это одна из ваших мерзостей, – сказала мисс Гэмелон. – Она влетает мне в одно ухо и вылетает из другого.

Мисс Гёринг пожала плечами и ушла в дом.

Немного постояла в гостиной, поправляя цветы в вазе, и уже собралась было зайти к себе в комнату и вздремнуть, когда явился Арнолд.

– Здравствуйте, – сказал он, – собирался заехать и с вами увидаться раньше, но не вполне удалось. У нас случился этакий долгий семейный обед. Мне кажется, цветы в этой комнате смотрятся прекрасно.

– Как поживает ваш папенька? – спросила у него мисс Гёринг.

– О, – ответил Арнолд, – с ним, наверное, все в порядке. Мы с ним мало общаемся. – Мисс Гёринг заметила, что он снова потеет. Очевидно, он был ужасно взволнован тем, что приехал к ней домой, поскольку даже забыл снять свою соломенную шляпу. – Это поистине прекрасный дом, – сказал он ей. – В нем меня восторгает свойство бывшего великолепия. Должно быть, вы вообще терпеть не можете его покидать. Ну а папенька, судя по всему, вами весьма проникся. Не позволяйте ему слишком с собою нагличать. Он считает, что девушки по нему с ума сходят.

– Я им увлечена, – ответила мисс Гёринг.

– Ну, я надеюсь, то, что вы им увлечены, – промолвил Арнолд, – не помешает нашей с вами дружбе, поскольку я решил видаться с вами часто – при условии, конечно, что вам это не претит.

– Разумеется, – ответила мисс Гёринг, – когда б ни пожелали.

– Думаю, мне понравится бывать у вас в доме, и вам ни к чему считать это обузой. Я вполне удовлетворюсь сиденьем в одиночестве и раздумьями, потому что, как вам известно, мне весьма не терпится утвердиться как-то иначе, нежели нынче, – так меня не устраивает. Как вы легко можете вообразить, мне даже невозможно закатить званый ужин для горстки друзей, поскольку ни папенька, ни маменька из дому ни ногой, если я не уйду.

Арнолд уселся в кресло у большого эркерного окна и вытянул ноги.

– Подите сюда! – молвил он мисс Гёринг, – и посмотрите, как ветер треплет верхушки деревьев. Нет ничего прелестнее на свете. – Он недолго смотрел на нее очень серьезно.

– У вас не найдется немного молока, хлеба и конфитюра? – спросил он. – Надеюсь, между нами не будет лишних церемоний.

Мисс Гёринг удивилась, что Арнолд просит еды сразу после своего семейного обеда, и она подумала, что в этом, несомненно, причина того, что он так толст.

– Найдется, разумеется, – любезно ответила она и ушла распорядиться.

Между тем мисс Гэмелон пожелала вернуться в дом и, если возможно, продолжить спор с мисс Гёринг. Увидев ее, Арнолд сообразил, что она и есть та приживалка, о которой накануне вечером упоминала мисс Гёринг.

Он тут же поднялся, решив, что ему очень важно подружиться с мисс Гэмелон.

Та и сама ему весьма обрадовалась, поскольку общество у них бывало редко, а ей почти с кем угодно беседовать нравилось больше, чем с мисс Гёринг.

Оба представились, и Арнолд подтащил кресло для мисс Гэмелон к своему.

– Вы компаньонка мисс Гёринг, – сказал он. – Думаю, это прелестно.

– Вы считаете это прелестным? – переспросила мисс Гэмелон. – Это и впрямь очень интересно.

Арнолд со счастливым видом улыбнулся на это замечание мисс Гэмелон и сидел дальше, некоторое время ничего не произнося.

– Этот дом отделан с изысканным вкусом, – наконец произнес он, – и полон покоя и мира.

– Все зависит от того, как на него взглянуть, – быстро ответила мисс Гэмелон, дернув головою и выглянув в окно. – Бывают люди, – сказала она, – которые дают миру от ворот поворот, как будто это красный дракон пыхает пламенем из ноздрей, а бывают и такие, кто и Бога в покое не оставит.

Арнолд подался вперед, стараясь выглядеть почтительным и в то же время заинтересованным.

– Сдается мне, – рассудительно проговорил он, – я думаю, понимаю, что вы имеете в виду.

Затем оба они посмотрели в окно одновременно и увидели вдалеке мисс Гёринг – на плечах у нее была пелерина, и она

беседовала с молодым человеком, которого они едва могли различить, потому что стоял он прямо против солнца.

– Это агент, – сказала мисс Гэмелон. – Полагаю, отныне ждать больше нечего.

– Какой агент? – спросил Арнолд.

– Через которого она собирается продавать дом, – ответила мисс Гэмелон. – Ну не ужас ли это такой, что и словами не выразить?

– О, простите, – произнес Арнолд. – Сдается мне, это с ее стороны очень глупо, но, полагаю, меня это не касается.

– Мы намерены жить, – добавила мисс Гэмелон, – в четырехкомнатном каркасном домишке и сами себе стряпать. Это будет в сельской глуши, среди лесов.

– До чего же мрачно, разве нет? – сказал Арнолд. – Но зачем же мисс Гёринг решила на такое?

– Утверждает, что это лишь начало претворения грандиозного замысла.

С виду Арнолд весьма опечалился. Он больше не разговаривал с мисс Гэмелон, а просто сжал губы и уставился в потолок.

– Полагаю, самое важное на свете, – в конце концов промолвил он, – это дружба и пониманье. – Он вопросительно глянул на мисс Гэмелон. Похоже, внутри он от чего-то отрекся. – Что ж, мисс Гэмелон, – вновь заговорил он, – разве не согласны вы со мною, что дружба и пониманье – самое важное на свете?

– Да, – ответила мисс Гэмелон, – а также не терять голову.

Вскоре вошла мисс Гёринг с пачкой бумаг под мышкой.

– Это, – произнесла она, – договоры. Ух и многословные же они, но мне кажется, агент – человек милый. Сказал, что считает этот дом прелестью. – Она протянула договоры сперва Арнолду, а затем мисс Гэмелон.

– Я бы предположила, – сказала мисс Гэмелон, – что вы побоялись бы глянуть в зеркало из страха увидеть нечто необузданное и причудливое. Не желаю я смотреть эти ваши договоры. Уберите их, пожалуйста, у меня с колен сию же минуту. Господи боже мой всемогущий!

Мисс Гёринг вообще-то действительно выглядела диковато, и мисс Гэмелон настороженным взором своим тут же заметила, что рука ее, державшая бумаги, дрожит.

– Где располагается ваш домик, мисс Гёринг? – спросил Арнолд, стараясь, чтобы в беседе прозвучала нота поестественней.

– На острове, – сказала мисс Гёринг, – невдалеке от города, если паромом. Помню, я навещала этот остров ребенком, и никогда он не нравился мне, потому что там смердело клеевыми фабриками с большой земли, даже если ходишь там по лесам и полям. Один конец острова населен очень густо, хотя во всех магазинах можно купить лишь третьесортные товары. Дальше остров глуше и старомоднее; однако паром часто встречает там маленький поезд и перевозит вас на другой конец. А там вы оказываетесь в городке, довольно-таки затерянном и очень суровом на вид, и вам, наверное, страшновато обнаружить, что большая земля напротив этого мыса так же убога, как и сам остров, и никакой защиты вам не предоставит.

– Похоже, вы рассмотрели ситуацию очень тщательно и со всех сторон, – промолвила мисс Гэмелон. – Примите мои поздравления! – Не вставая с места, она помахала мисс Гёринг, но легко было заметить, что держится она отнюдь не легкомысленно.

Арнолд неловко поерзал в кресле. Кашлянул, а затем очень мягко заговорил с мисс Гёринг.

– Уверен, что и на острове имеются свои преимущества, о которых вам известно, однако, быть может, вы предпочтете нас ими удивить, а не разочаровать.

– В настоящее время мне о них ничего не известно, – ответила мисс Гёринг. – А вы что, едете с нами?

– Думаю, мне хотелось бы провести с вами там сколько-то времени; то есть если вы меня пригласите.

Арнолду было грустно и не по себе, но он чувствовал, что любой ценой должен держаться близ мисс Гёринг, в какой бы мир та ни предпочла перебраться.

– Если вы пригласите меня, – повторил он, – я буду рад отправиться с вами ненадолго в любом случае, а там посмотрим, как оно пойдет. Я б мог и дальше держать за собою часть той квартиры, какую делю со своими родителями, а все время там не проводить. Но не советую вам продавать свой прекрасный дом; лучше сдавайте его или заколотите, пока вас не будет. Само собой, точка зрения у вас может измениться, и вы захотите в него вернуться.

Мисс Гэмелон зарделась от удовольствия.

– Задуматься, чтобы поступить так, с ее стороны будет слишком уж по-человечески, – произнесла она, однако надежды в ней, казалось, прибавилось.

Мисс Гёринг вроде бы грезила и не слушала того, что они оба ей говорят.

– Как, – промолвила мисс Гэмелон, – вы разве не станете ему отвечать? Он сказал: почему бы вам не заколотить свой дом или не сдать его, а потом, когда передумаете, – вернетесь.

– О нет, – ответила мисс Гёринг. – Благодарю покорно, но так я не могу. Поступить так не имело бы смысла.

Арнолд кашлянул, чтобы скрыть свое смущение от того, что предложил нечто настолько противное мисс Гёринг.

«Не должен я, – сказал он себе самому, – не следует мне слишком уж вставать на сторону мисс Гэмелон, иначе мисс Гёринг начнет думать, будто у меня ум того же калибра».

– Наверное, лучше всего в конце концов, – вслух проговорил он, – взять и все продать.

Часть вторая

Мистер и миссис Копперфилд стояли на палубе полубака, а судно входило в панамский порт. Миссис Копперфилд была очень рада наконец увидеть сушу.

– Вот теперь ты признаёшь, – сказала она мистеру Копперфилду, – что суша приятнее моря. – Сама она очень боялась утонуть. – Дело ведь не только в боязни моря, – продолжала она, – а в том, что оно скучно. Все время одно и то же. Цвета, конечно, красивые.

Мистер Копперфилд рассматривал береговую линию.

– Если встать неподвижно и заглянуть между зданий в порту, – произнес он, – можно заметить какие-то зеленые вагоны, груженные бананами. Эти поезда, похоже, отправляются каждые четверть часа.

Жена ему не ответила; вместо этого надела шлем от солнца, который раньше держала в руке.

– Ты разве еще не почувствовал жару? Я уже, – сказала наконец ему она. Не получив ответа, двинулась вдоль леерного ограждения, глядя вниз на воду.

Вот к ней подошла поговорить дородная женщина, с которой она познакомилась на судне. Миссис Копперфилд просияла.

– Вы завили себе волосы! – произнесла она. Женщина улыбнулась.

– Не забудьте, – сказала она миссис Копперфилд, – как только доберетесь до гостиницы, лягте и отдохните. Не давайте им таскать себя по улицам, каких буйных развлечений они б вам ни сулили. Все равно на улицах одни мартышки. Во всем городишке не найдется ни единой симпатичной личности, какая не была б связана с Американской армией, а американцы по большей части держатся собственного квартала. Американский квартал называется Кристобаль. Он отделен от Колона. В Колоне нет ничего, одни полукровки и мартышки. А в Кристобале славно. У всех там по своей затененной веранде. В Колоне же мартышки и не помыслят затеняться. Они все равно не понимают, когда их жалит москит, а если б и понимали, то и пальцем бы не шевельнули, чтоб его согнать. Ешьте побольше фруктов

и осторожней в лавках. Ими владеют преимущественно индусы. Они, знаете, как евреи. Обжулят вас слева и справа.

– Меня не интересует ничего покупать, – сказала миссис Копперфилд, – но можно ли мне будет вас навестить, покуда я в Колоне?

– Вас я обожаю, дорогуша, – ответила женщина, – но, пока я тут, мне хочется каждую минуту проводить со своим мальчиком.

– Это ничего, – молвила миссис Копперфилд.

– Конечно же, ничего. У вас же такой красивый муж.

– Без толку, – сказала миссис Копперфилд, но не успела она это произнести, как сама себе ужаснулась.

– Так-так, у вас случилась размолвка? – поинтересовалась женщина.

– Нет.

– Тогда я считаю, что вы ужасная женушка, раз отзываетесь так о своем супруге, – произнесла она, отходя прочь. Миссис Копперфилд поникла головой и вернулась стоять рядом с мистером Копперфилдом.

– Зачем ты разговариваешь с подобными клушами? – спросил он.

Она не ответила.

– Ну, – произнес он, – ради всего святого посмотри же, какие тут виды, а?

Они сели в таксомотор, и мистер Копперфилд настоял ехать в гостиницу в самом центре города. Обыкновенно же все приезжие даже с небольшими сбережениями останавливались в отеле «Вашингтон» с видом на море и в нескольких милях за Колоном.

– Не верю, – сказал своей жене мистер Копперфилд, – не верю я в трату денег на роскошь, какая может быть моею в крайнем случае всего неделю. Я считаю, гораздо приятней покупать такие вещи, что прослужат мне, возможно, всю жизнь. Мы уж точно сумеем найти в городе гостиницу, где нам будет удобно. А потом вольны будем тратить деньги на что-нибудь более волнительное.

– Мне очень важно, что это за номер, где я буду спать, – сказала миссис Копперфилд. Она едва не постанывала.

– Дорогая моя, номер – всего лишь комната, где ночуют и одеваются. Если там тихо, а кровать удобна, ничего больше и не требуется. Разве ты со мною не согласна?

– Тебе прекрасно известно, что я с тобой не согласна.

– Если ты намерена быть несчастной, отправимся в отель «Вашингтон», – сказал мистер Копперфилд. Он вдруг растерял все свое достоинство. Взор его затуманился, а сам он надул губы. – Но мне там будет скверно, могу тебя в этом заверить. Там такая проклятущая скука. – Вел он себя, как маленький ребенок, и миссис Копперфилд пришлось его утешать. Умел он обманом вынудить ее чувствовать собственную ответственность.

«В конце концов, это же в основном мои деньги, – сказала она себе. – Я оплачиваю все основные расходы по этой поездке». Тем не менее она не сумела вернуть себе ощущение силы, напомнив себе об этом. Мистер Копперфилд над нею совершенно тяготел – как и почти все, с кем она соприкасалась. И все же некоторые люди, неплохо знавшие ее, подтверждали, что она способна на внезапное очень резкое и независимое движение, даже если в нем ее не поддержит ни единая душа.

Она выглянула в окно таксомотора и заметила, что вокруг нее на улицах происходит какое-то жуткое обилие деятельности. Люди, главным образом – негры и мужчины в мундирах флотов всех стран – вбегали и выбегали и так шумели, что миссис Копперфилд стало непонятно, не праздник ли какой-то у них.

– Похоже на город, который постоянно разграбляют, – произнес ее муж.

Дома были окрашены в яркие цвета, на верхних этажах имелись широкие веранды, а ниже их поддерживали деревянные столбы. Так они образовывали нечто вроде галереи, затеняющей тех, кто ходил по улице.

– Архитектура изобретательна, – заметил мистер Копперфилд. – Улицы были б невыносимы, гуляй по ним люди, а над головой у них ничего.

– Вы б не выдержали, мистер, – сказал таксист, – гулять, чтоб над головой ничего.

– В любом случае, – произнесла миссис Копперфилд, – давай же побыстрее выберем какую-нибудь одну гостиницу и уже остановимся в ней.

Одну они обнаружили в самой сердцевине квартала красных фонарей и согласились осмотреть номера на пятом этаже.

Управляющий сообщил им, что там уж точно будет меньше всего шума. Миссис Копперфилд, боявшаяся лифтов, решила подняться по лестнице пешком и дожждаться там, когда ее муж прибудет с багажом. Взобравшись на пятый этаж, она с удивлением обнаружила, что в главном вестибюле там держат по меньшей мере сотню жестких обеденных стульев – и больше ничего. Пока она озиралась, в ней нарастал гнев, и она уже едва могла дожждаться, когда мистер Копперфилд приедет на лифте, чтобы сообщить ему, что она о нем думает. «Я должна попасть в отель “Вашингтон”», – сказала себе она.

Наконец объявился мистер Копперфилд – вместе с мальчиком, несшим багаж. Она подбежала к нему.

– Уродливей я никогда ничего не видела, – сказала она.

– Подожди секундочку, пожалуйста, и дай мне сосчитать наш багаж; хочу удостовериться, что все на месте.

– По мне, так пускай он хоть на дне моря окажется, весь.

– Где моя пишущая машинка? – спросил мистер Копперфилд.

– Поговори со мной сию же минуту, – произнесла его жена вне себя от гнева.

– Тебе не все равно, будет у тебя своя ванная или нет? – спросил мистер Копперфилд.

– Нет, нет. Мне это безразлично. Вопрос не в комфорте. Дело тут в гораздо большем.

Мистер Копперфилд хмыкнул.

– Ты такая сумасшедшая, – снисходительно сказал ей он. Он был в восторге от того, что оказался наконец в тропиках, и более чем доволен, что ему удалось разубедить жену останавливаться в до нелепого дорогом отеле, где их будут окружать одни туристы. Он признавал, что эта гостиница зловеща, но именно это ему в ней и нравилось.

Вслед за коридорным они двинулись к одному из номеров, и едва до него дошли, как миссис Копперфилд принялась дергать дверь взад и вперед. Открывалась та в обе стороны, а запиралась лишь на маленький крючок.

– В этот номер может вломиться кто угодно, – сказала миссис Копперфилд.

– Пожалуй, может, но вряд ли станет, а? – Мистер Копперфилд подчеркнуто никогда не успокаивал свою жену. Ее страхам он отдавал

должное. Однако здесь он упорствовать не стал, и они все же решили поселиться в другом номере, с дверью покрепче.

Миссис Копперфилд поражалась живости своего мужа. Тот умылся и вышел купить папайю.

Она лежала на кровати, думала.

«Итак, – сказала себе она, – когда люди верили в Бога, они возили Его с места на место. Таскали по джунглям и через Полярный круг. Бог присматривал за всеми, и все люди были братья. А теперь с места на место возить с собой нечего, а если по мне, так все люди пусть были б кенгуру; однако должен же найтись здесь хоть кто-то, кто мне будет о чем-то напоминать... Я обязана отыскать гнездышко в этом нелепом месте».

Единственной целью миссис Копперфилд в жизни было счастье, хотя те, кто наблюдал за ее поведением не один год, с удивлением обнаружили бы, что цель эта – единственная.

Она встала с кровати и вытащила из саквояжа подарок мисс Гёринг – маникюрный набор.

– Память, – прошептала она. – Память о тех вещах, какие я любила с детства. Мой муж – человек без памяти. – При мысли об этом человеке, кто нравился ей превыше всех прочих людей, человеку, для кого все, чего он еще не знал, было радостью, ей стало очень больно. Ее же все, что уже не было старым сном, возмущало. Она снова легла и крепко уснула.

А когда проснулась, мистер Копперфилд стоял у изножья кровати и ел папайю.

– Ты должна попробовать, – сказал он. – Дает много энергии, а кроме того, вкусно. Не хочешь кусочек? – Он робко взглянул на нее.

– Где ты был? – спросила у него она.

– О, гулял по улицам. Вообще-то много миль прошел. Тебе в самом деле следует выйти наружу. Там дурдом. На улицах полно солдат, матросов и шлюх. Все женщины в длинных платьях... невероятно дешевых. Они все с тобой разговаривают. Давай выйдем.

Они шли по улицам рука об руку. Лоб у миссис Копперфилд горел, а руки зябли. Она чувствовала, как что-то трепещет у нее под ложечкой. Когда она глядела вперед, сам конец улицы, казалось,

изгибался, а потом выпрямлялся вновь. Об этом она сообщила мистери Копперфилду, и тот объяснил, что происходит это в результате того, что они только что сошли на берег с судна. Над головами у них на деревянных верандах дети скакали так, что тряслись все дома. Кто-то толкнул миссис Копперфилд в плечо и чуть не сшиб ее наземь. В то же время она весьма ощутила крепкий и ароматный запах розовых духов. Личность, столкнувшаяся с нею, была негритянкой в вечернем платье из розового шелка.

– Несказанно сожалею. Не выразить словами, – сказала она им. Затем неопределенно огляделась и принялась что-то мурлыкать себе под нос.

– Я тебе говорил, что здесь дурдом, – сказал жене мистер Копперфилд.

– Послушайте, – произнесла негритянка, – зайдите в следующую улицу, там вам больше понравится. А мне надо своего хахалю вон в том баре встретить. – Она им показала. – Там буфет прекрасный. Туда все ходят, – сказала она. Придвинулась поближе и обратилась к одной лишь миссис Копперфилд: – Пойдем-ка со мной, дорогая, и такой счастливой будешь, как раньше с тобой и не бывало никогда. Буду тебе в самый раз. Пошли.

Руку миссис Копперфилд она взяла в свою и потащила ее прочь от мистера Копперфилда. Она была крупнее их обоих.

– Вряд ли она прямо сейчас стремится в бар, – произнес мистер Копперфилд. – Нам бы хотелось сначала немного присмотреться к городу.

Негритянка погладила лицо миссис Копперфилд ладонью.

– Ты этого желаешь, дорогая, – или пойдем со мной? – В нескольких шагах от них остановился полицейский. Негритянка отпустила руку миссис Копперфилд и, хохоча, поскакала прочь по улице.

– Ты видел ли что-нибудь страннее? – переводя дух, произнесла миссис Копперфилд.

– Вы лучше за своим носом следите, – проговорил полицейский. – Чего б вам не пойти да не поглядеть на магазины? Тут все гуляют по улицам, где магазины. Купите что-нибудь дяде или кузине.

– Нет, не этого я хочу, – ответила миссис Копперфилд.

– Ну тогда сходите в кино, – проговорил полицейский, убредая прочь.

С мистером Копперфилдом от смеха чуть не случилась истерика. Он прикрывал рот носовым платком.

– Вот что я как раз люблю, – удалось вымолвить ему. Они прошли дальше и свернули на другую улицу. Садилось солнце, и воздух был недвижим и горяч. На той улице балконов не было, стояли только одноэтажные домики. Перед каждой дверью сидело хотя бы по одной женщине. Миссис Копперфилд подошла к окну одного домишки и заглянула внутрь. Комнату почти что целиком заполняла громадная двуспальная кровать с крайне комковатым матрасом, застеленным кружевным покрывалом. На кровать бросала ослепительный свет электрическая лампочка под лавандовым шифоновым абажуром, а на подушке лежал развернутый веер с оттиснутыми словами «Город Панама».

Женщина, сидевшая именно перед этим домиком, была довольно стара. Восседала она на табурете, локти покоились на коленях, и миссис Копперфилд, которая теперь повернулась глянуть на нее, показалось, что она, вероятно, относится к вест-индскому типу. Была женщина плоскогрудой и грубо сбитой, с очень мускулистыми руками и плечами. Ее длинное, с виду недовольное лицо и отчасти шея были тщательно запудрены светлым, а вот грудь и руки оставались смуглыми. Миссис Копперфилд развеселило то, что ее платье было из лавандовой театральной марли. В волосах пробивалась привлекательная седина.

Негритянка обернулась и, увидев, что ее разглядывают и мистер, и миссис Копперфилд, встала и огладила на себе складки платья. Была она почти что великаншей.

– Вы оба за доллар, – произнесла она.

– Доллар, – повторила за нею следом миссис Копперфилд. Мистер Копперфилд, стоявший поблизости у обочины, подошел к ним ближе.

– Фрида, – сказал он, – давай еще немного по улицам погуляем.

– Ох, прошу тебя! – ответила миссис Копперфилд. – Подожди минутку.

– Меньше доллара я не могу, – сказала негритянка.

– Если тебе хочется остаться тут, – предложил мистер Копперфилд, – я немного погуляю вокруг и вернусь за тобой через

некоторое время. Может, тебе лучше быть немного при деньгах. Вот тебе доллар и тридцать пять центов на всякий случай...

– Я хочу с нею поговорить, – сказала миссис Копперфилд, немигающе глядя перед собой.

– Тогда, значит, увидимся через несколько минут. Нейметя мне, – объявил он и ушел.

– Люблю быть свободной, – сказала женщине миссис Копперфилд после его ухода. – Зайдемте в вашу комнатку? Я любовалась ею через окно...

Не успела она договорить, как женщина уже вталкивала ее в дверь обеими руками, и обе они оказались в комнате. Половика на полу не лежало, а стены стояли голыми. Единственными украшениями были те, какие видны с улицы. Женщины сели на кровать.

– У меня вон в том углу раньше был маленький граммофон, – сообщила хозяйка. – Мне его ссудил один с парохода. Потом пришел его друг и снова забрал... Ти-та-та-ти-та-та, – пропела она и пристукнула немного каблуками. Взяла обе руки миссис Копперфилд в свои и стащила ее с кровати. – Давай же, милая. – Она обняла миссис Копперфилд крепче. – Ты ужасно маленькая и очень славненькая. Ты же *правда* славная, и тебе, может, одиноко. – Миссис Копперфилд прижалась щекой к груди хозяйки. Запах театральной марли напомнил ей о ее первой роли в школьной пьесе. Она улыбнулась негритянке, глядя на нее так нежно и кротко, как только могла.

– Что вы делаете днями? – спросила у женщины она.

– Играю в карты. Хожу в кино...

Миссис Копперфилд шагнула от нее прочь. Щеки у нее пылали красным. Обе они прислушались к тем, кто проходил мимо. Теперь им было слышно каждое слово, что говорилось за окном. Негритянка нахмурилась. Вид у нее сделался глубоко озабоченный.

– Время – золото, милая, – сказала она миссис Копперфилд, – но ты, возможно, слишком молодая и этого еще не понимаешь.

Миссис Копперфилд покачала головой. Глядя на негритянку, она загрустила.

– Я пить хочу, – произнесла она. Вдруг они услышали мужской голос:

– Не ожидала, что я вернусь так быстро, Поуди? – После этого истерически засмеялись несколько девушек. Глаза у негритянки

ожили.

– Давай мне доллар! Доллар давай! – разгоряченно завопила она. – Ты все равно свое время тут провела. – Миссис Копперфилд поспешно протянула ей доллар, и негритянка опрометью выскочила на улицу. Миссис Копперфилд вышла следом за ней.

Перед домишкой несколько девушек висли на обрюзгшем мужчине в костюме из мятого льна. Завидя негритянку в ее лавандовом платье, он оторвался от всех остальных и сгреб ее в охапку. Негритянка радостно закатила глаза и ввела его в дом, даже не кивнув миссис Копперфилд на прощанье. Довольно скоро остальные убежали прочь по улице, и миссис Копперфилд осталась одна. По обе стороны ее сновали прохожие, но никто больше покуда ее не интересовал. Впрочем, сама она представляла для всех громадный интерес – в особенности для тех женщин, что сидели напротив у себя в дверях. Вскоре к ней пристала курчавая девочка.

– Купи мне что-нибудь, мамуля, – попросила она.

Поскольку миссис Копперфилд ничего ей не ответила, а просто долго и печально посмотрела на нее, девочка произнесла:

– Мамуля, ты сама можешь выбрать. Даже перышко можешь купить, мне все равно. – Миссис Копперфилд передернуло. Ей показалось, что она видит сон.

– Что ты имеешь в виду под перышком? Ты о чем это?

Девочка аж поежилась от восторга.

– Ой, мамуля, – сказала она, и голос ее пресекся в горле. – Ой, мамуля, ты потешная! Ты такая смешная. Я не знаю, что такое перышко, но все, чего ты хочешь всем своим сердцем, сама же знаешь.

По улице они прошли до лавки и вышли с коробочкой пудры для лица. Девочка попрощалась и скрылась за углом с какими-то своими подружками. Вновь миссис Копперфилд осталась одна. Мимо проезжали наемные коляски с туристами. «Туристы, говоря в общем, – записала некогда миссис Копперфилд в своем дневнике, – это люди, на кого значительность и непреложность их собственного образа жизни производит такое впечатление, что они способны странствовать по самым фантастическим местам и при этом переживать всего лишь визуальный отклик. Туристы позакаленнее часто находят, что одно место напоминает им другое».

Очень скоро с нею воссоединился мистер Копперфилд.

– Чудненько ли ты провела время? – спросил он ее.

Она покачала головой и посмотрела на него снизу. Вдруг почувствовала, что устала ужасно, до слез.

– Плакса, – произнес мистер Копперфилд.

К ним подошел кто-то сзади. Тихий голос произнес:

– Она потерялась? – Они обернулись и увидели, что позади них стоит смышленного вида девушка с острым личиком и курчавыми волосами. – На вашем месте я б не бросала ее на улице, – проговорила она.

– Она не потерялась; она просто приуныла, – объяснил мистер Копперфилд.

– Сочтете ли вы меня дерзкой, если я попрошу вас пойти в славный ресторан, где все мы можем поужинать? – спросила девушка. Она действительно была очень прелестна.

– Пойдемте, – неистово произнесла миссис Копперфилд. – Непременно. – Теперь она вошла в азарт; у нее возникло чувство, что с этой девушкой все будет хорошо. Как и большинство, на самом деле она не очень верила, что за чем-то ужасным непременно последует другое.

Вообще-то ресторан славным не был. В нем стояла темень, зал был очень длинным, а внутри вообще никого.

– Вы бы не предпочли поужинать где-нибудь еще? – спросила у девушки миссис Копперфилд.

– О нет! Я б ни за что больше никуда не пошла. Вам я расскажу, если не рассердитесь. Тут мне перепадает немного денег, если я привожу с собой кого-нибудь.

– Так давайте я вам дам денег, и мы пойдем куда-нибудь в другое место. Я дам вам столько же, сколько он дает, – проговорила миссис Копперфилд.

– Это глупо, – промолвила девушка. – Это очень глупо.

– Я слышала, в этом городе есть местечко, где можно заказать превосходного омара. Туда мы не можем пойти? – Миссис Копперфилд уже буквально умоляла девушку.

– Нет – это глупо. – Она подозвала официанта, который только что вошел с какими-то газетами под мышкой.

– Адальберто, принеси нам мяса и вина. Сначала мяса. – Это она произнесла по-испански.

– Как хорошо вы говорите по-английски! – промолвил мистер Копперфилд.

– Я всегда люблю бывать с американцами, когда выпадает, – ответила девушка.

– Считаете, они щедры? – поинтересовался мистер Копперфилд.

– Ой, конечно, – сказала девушка. – Конечно же, щедры. Щедрые, если у них есть деньги. А еще щедрей они, когда при них их семьи. Знала я мужчину. Американца. Настоящего. И жил он в отеле «Вашингтон». Между прочим, это самая красивая гостиница в городе. Каждый день после обеда его жена устраивала себе сиесту. Он быстро приезжал на такси в Колон и был до того взбудоражен и так боялся, что не успеет вернуться к жене вовремя, что никогда не вел меня в комнату, а обычно шел со мною в лавку и говорил мне: «Быстрее, быстрее – выбери что-нибудь – что захочешь, только побыстрее».

– Какой ужас! – проговорила миссис Копперфилд.

– Ужасно было, – согласилась испанка. – Я всегда так бесилась, что однажды совсем с ума сошла и говорю ему: «Ладно, куплю вот эту трубку для моего дядюшки». Мне дядюшка не нравится, но пришлось ему ее подарить.

Мистер Копперфилд взревел от хохота.

– Смешно, а? – сказала девушка. – Говорю вам, если он вообще когда-нибудь вернется, больше не куплю ни одной трубки своему дядюшке, когда приведет меня в лавку. А она не уродина.

– Кто? – спросил мистер Копперфилд.

– Ваша жена.

– Я сегодня вечером ужасно выгляжу, – пожаловалась миссис Копперфилд.

– Это все равно не имеет значения, потому что вы замужем. Вам не о чем тревожиться.

– Она разозлится на вас за такие слова, – промолвил мистер Копперфилд.

– Почему разозлится? Это же самое прекрасное на всем свете, если не о чем тревожиться.

– Не из этого творится красота, – вмешалась миссис Копперфилд. – Как отсутствие треволений связано с красотой?

– Крепко оно связано со всем красивым на свете. Просыпаешься поутру – и, как только открываешь глаза и не знаешь, кто ты или какой

была у тебя жизнь, – это же прекрасно. А потом, когда уже знаешь, кто ты и что это за день у тебя в жизни, а сам по-прежнему считаешь, будто плывешь по воздуху, как счастливая птица, – это прекрасно. То есть если у тебя нет никаких тревог. Вы же не хотите сказать, что вам нравится беспокоиться.

Мистер Копперфилд жеманно улыбался. После ужина он вдруг понял, что очень устал, и предложил им пойти домой, но миссис Копперфилд была чересчур взвинчена, а потому спросила у испанской девушки, не согласится ли та провести еще немного времени в ее обществе. Девушка ответила, что проведет, если миссис Копперфилд не против вернуться с нею в ту гостиницу, где она живет.

Они попрощались с мистером Копперфилдом и пустились в путь.

Стены «Отеля де Лас Пальмас» были деревянными и крашенными в ярко-зеленый цвет. В коридорах стояло и свисало с потолков великое множество птичьих клеток. Некоторые – пустые. Комната девушки располагалась на втором этаже, и стены в ней были выкрашены так же ярко, как и в коридорах.

– Эти птицы поют день напролет, – сказала девушка, показывая, чтобы миссис Копперфилд под села к ней на кровать. – Иногда я говорю себе: «Дурочки, о чем же вы поете у себя в клетках?» А потом думаю: «Пасифика, ты такая же дура, как эти птички. Ты же и сама в клетке, потому что у тебя нет денег. Вчера вечером ты три часа хохотала с немцем, потому что он дал тебе выпить. И считала его глупцом». Я смеюсь у себя в клетке, а они в своих поют.

– Ох, что ж, – промолвила миссис Копперфилд, – на самом деле нет никакого взаимопонимания между нами и птицами.

– Считаете, это неправда? – с чувством спросила Пасифика. – А я вам говорю, что правда.

Она стащила через голову платье и встала перед миссис Копперфилд в одной комбинации.

– Скажите мне, – вымолвила она, – что вы думаете о тех красивых шелковых кимоно, которыми индусы торгуют у себя в лавках? Будь у меня такой богатый муж, я б велела ему купить мне такое. Вы не понимаете, до чего вам везет. С ним я бы ходила в лавки каждый день, и пусть бы он покупал мне прелестные вещички, а не стояла бы и плакала, как маленькая. Мужчинам не нравится видеть, когда женщины плачут. Думаете, они любят, когда женщины плачут?

Миссис Копперфилд пожала плечами.

– Я не могу думать, – ответила она.

– Вы правы. Им нравится смотреть, как женщины смеются. Женщинам приходится смеяться ночь напролет. Понаблюдайте как-нибудь за какой-нибудь хорошенькой девушкой. Когда она смеется, ей на десять лет больше. Это потому, что она так много это делает. Когда смеешься, стареешь на десять лет.

– Правда, – подтвердила миссис Копперфилд.

– Не огорчайтесь, – проговорила Пасифика. – Мне женщины очень нравятся. Иногда женщины мне нравятся даже больше мужчин. Мне моя бабушка нравится, и мама, и сестры мои. Нам всегда с ними вместе было хорошо – с женщинами в моем доме. Я всегда была лучшей. Самой смысленной и работала больше всех. Как бы я хотела опять оказаться у себя дома, довольной. Но мне все еще слишком много чего хочется, между прочим. Я ленивая, но у меня еще и нрав ужасный. Мне очень нравятся эти мужчины, с кем я знакомясь. Иногда они мне рассказывают, что станут делать в своей будущей жизни, когда спишутся с судна. Я им всегда желаю, чтобы это произошло поскорее. Чертовы эти суда. Когда они мне рассказывают, что хотят лишь мотаться по всему свету на судне всю свою жизнь, я им говорю: «Ты не знаешь, чего лишаешься. У меня с тобой все, мальчонка». Не нравятся они мне, когда такие. А теперь я влюбилась в этого славного человека, который здесь дела делает. Почти все время он может мне за жилье платить. Не всегда каждую неделю. Он очень счастлив, что я у него. Почти все мужчины очень счастливы, если я у них есть. Я из-за этого нос слишком уж не задираю. Это же мне Бог дал. – Пасифика перекрестилась.

– Однажды я была влюблена в женщину постарше, – рьяно произнесла миссис Копперфилд. – Она больше не была красивой, но в ее лице я отыскивала такие осколки красоты, что волновали меня гораздо сильнее, чем любая известная мне красота на своей вершине. Но кто ж не любил кого-нибудь постарше? Боже правый!

– Вам нравится такое, что не нравится другим, правда? Мне бы такого хотелось – чтобы любить женщину старше. По-моему, это мило, да только я вечно влюбляюсь в какого-нибудь славного мужчину. Везет мне, наверное. А некоторые девушки – они больше не умеют влюбляться. У них на уме только деньги, деньги, деньги. Вы же о

деньгах не слишком-то много думаете, правда? – спросила она у миссис Копперфилд.

– Нет, не слишком.

– А теперь немножко отдохнем, да? – Девушка легла на кровать и поманила миссис Копперфилд лечь с собою рядом. Она зевнула, сложила руку миссис Копперфилд в свою и уснула чуть ли не мгновенно. Миссис Копперфилд решила, что и ей неплохо будет немного поспать. В тот миг ей было очень покойно.

Разбудил их жуткий стук в дверь. Миссис Копперфилд открыла глаза и через секунду уже пала жертвой самого ошарашивающего ужаса. Взглянула на Пасифику, и лицо ее приятельницы успокаивало не больше, чем ее собственное.

– *Callate!* – прошептала она миссис Копперфилд, вновь перейдя на родной язык.

– Что такое? Что это? – резко спросила миссис Копперфилд. – Я не понимаю по-испански.

– Ни слова, – по-английски повторила Пасифика.

– Я не могу здесь лежать и не говорить ни слова. Точно не могу. В чем там дело?

– Пьяный. Влюблен в меня. Я его хорошо знаю. Он мне очень больно делает, когда я с ним сплю. Опять его судно пришло.

Стук в дверь стал настойчивее, и они услышали мужской голос:

– Я знаю, ты там, Пасифика, поэтому открывай чертову дверь.

– Ох, откройте же ему, Пасифика! – взмолилась миссис Копперфилд, вскакивая с кровати. – Нет ничего хуже этого напряженья.

– Не сходите с ума. Может, он напился и скоро уйдет.

Глаза миссис Копперфилд остекленели. У нее начиналась истерика.

– Нет-нет... Я всегда себе давала слово, что открою дверь, если кто-то в нее начнет ломиться. Тогда он станет меньше врагом. Чем дольше он там, тем сердитее. А первое, что я ему скажу, когда открою дверь: «Мы ваши друзья», – и тогда он, может, перестанет так злиться.

– Если я от вас сойду с ума еще больше, чем уже сошла, то даже не знаю, что мне делать, – промолвила Пасифика. – Теперь просто подождем и посмотрим, не уйдет ли он. Можно вот это бюро к двери придвинуть. Вы мне поможете подтащить его к двери?

– Не могу я ничего толкать! – Миссис Копперфилд была так слаба, что по стене сползла на пол.

– Мне что, сломать эту чертову дверь? – спрашивал мужчина.

Миссис Копперфилд поднялась на ноги, доковыляла до двери и открыла ее.

Вошедший мужчина был узколиц и очень высок. Выпил он, очевидно, многовато.

– Привет, Майер, – проговорила Пасифика. – Ты не дашь мне поспать? – С минуту она колебалась, а поскольку тот не ответил, сказала вновь: – Я спать пыталась.

– А я крепко спала, – промолвила миссис Копперфилд. Голос у нее звучал выше обычного, а лицо чуть ли не сияло. – Мне жаль, что мы вас сразу не услышали. Должно быть, заставили долго ждать.

– Никто никогда меня долго ждать не заставлял, – ответил Майер, багровея. Глаза у Пасифики сощурились. Она уже начинала терять терпение.

– Пошел вон из моей комнаты, – сказала она Майеру.

В ответ на это Майер криво рухнул на кровать, и удар его тела был настолько силен, что едва не проломил планки каркаса.

– Пойдемте отсюда поскорей, – сказала Пасифике миссис Копперфилд. Ей больше не удавалось никак держать себя в руках. Какой-то миг она надеялась, что враг внезапно разрыдается, как они это делают иногда в снах, но теперь была убеждена, что такого не случится. Пасифика все больше и больше злилась.

– Слушай меня, Майер, – говорила она. – А ну пошел вон на улицу сейчас же. Потому что с тобой я не стану делать ничего, только дам тебе по носу, если не уйдешь. Не будь ты таким опасным, мы бы вместе посидели внизу и выпили по стаканчику рома. У меня есть сотни приятелей, кому просто нравится со мною разговаривать и выпивать со мной, пока под стол не рухнут. А ты всегда мне пытаешься досадить. Ты все равно что обезьяна. А я хочу побыть в покое.

– Да кому, к черту, какое дело до твоего дома! – заревел на нее Майер. – Я б мог все твои дома рядом поставить и палить по ним, как по уткам. Судно все равно лучше дома, как ни поверни! Как ни верти! В любую погоду! Да пусть хоть конец света!

– О домах только ты здесь и толкуешь, – сказала Пасифика, топнув ногой, – а я не желаю слушать твою дурацкую болтовню.

– Чего ж вы дверь тогда заперли, раз не живете в этом доме, как герцогини, которые чаи вместе гоняют да молятся, чтоб никто из нас никогда больше не сошел на берег. Ты боялась, что я мебель поломаю да на пол что-нибудь пролью. У моей матери был дом, да только я всегда ночевал в соседнем. Вот до чего мне на дома наплевать!

– Вы недопоняли, – дрожащим голосом проговорила миссис Копперфилд. Ей очень хотелось мягко напомнить ему, что никакой это не дом, а гостиничный номер. Однако она не только боялась, но и стыдилась сделать такое замечание.

– Иисусе Христе, какая мерзость, – сказала Пасифика миссис Копперфилд, даже не потрудившись понизить голос.

Майер этого вроде бы не услышал, а подался за край кровати с улыбкой на лице и протянул к Пасифике руку. Ему удалось зацепиться за подол ее комбинации и подтащить к себе.

– Да ни в жисть! – заорала на него Пасифика, но он уже обвинил ее талию руками и, стоя на кровати на коленях, тянул ее к себе.

– Хозяюшка, – со смехом произнес он, – спорим, возьми я тебя в море, ты блевала бы. Испакостила бы все судно. Ложись-ка лучше да хватит болтать.

На миг Пасифика мрачно взглянула на миссис Копперфилд.

– Ну что ж, – промолвила она, – сперва дай мне денег, потому что я тебе не доверяю. Буду с тобой спать только за арендную плату.

Он жутко ударил ее в рот и разбил ей губу. На подбородок потекла кровь.

Миссис Копперфилд выскочила из комнаты.

– Я позову помощь, Пасифика, – завопила она через плечо. Пробежала по коридору и вниз по лестнице, надеясь отыскать кого-то, кому сумеет сообщить о беде Пасифики, – но при этом знала, что не осмелится подойти ни к какому мужчине. В цокольном этаже она заметила средних лет женщину, которая вязала у себя в комнате за приотворенной дверью. Миссис Копперфилд кинулась к ней.

– Вы знаете Пасифику? – еле выдохнула она.

– Разумеется, Пасифику я знаю, – ответила женщина. Говорила она словно англичанка, много лет прожившая среди американцев. – Я

знаю всех, кто живет здесь дольше двух ночей. Я владелица этой гостиницы.

– Ну тогда сделайте что-нибудь быстро. Там у нее мистер Майер, и он очень пьян.

– Я не связываюсь с Майером, когда он пьян. – Мгновенье женщина помолчала, а потом мысль о том, чтобы сделать что-то с Майером, подействовала на ее чувство юмора, и она хмыкнула. – Только вообразите, – сказала она. – «Мистер Майер, не будете ли вы любезны покинуть комнату? Пасифика от вас устала. Ха-ха-ха... *Пасифика* от вас устала». Сядьте, дама, и успокойтесь. В хрустальном графине вон там рядом с авокадо есть джин. Не хотели б?

– Знаете, я не привыкла к насилию, – проговорила миссис Копперфилд. Налила себе немного джина и повторила, что к насилию не привыкла. – Сомневаюсь, что я вообще когда-нибудь оправлюсь от этого вечера. Упрямство этого человека. Он вел себя как безумец.

– Майер не безумец, – сказала владелица. – Кое-кто из них гораздо хуже. Он мне говорил, что очень расположен к Пасифике. Я с ним всегда держалась порядочно, и мне он никогда никаких хлопот не чинил.

По соседству раздались вопли. Миссис Копперфилд узнала голос Пасифики.

– Ох, прошу вас, давайте вызовем полицию, – взмолилась миссис Копперфилд.

– Вы с ума сошли? – отозвалась женщина. – Пасифика не желает связываться с полицией. Да пусть ей лучше обе ноги отрубят. Вот честное слово.

– Что ж, давайте тогда поднимемся туда, – произнесла миссис Копперфилд. – Я готова на всё.

– Сидите смирно, миссис... как вас зовут? Меня – миссис Куилл.

– Миссис Копперфилд.

– Так вот, видите ли, миссис Копперфилд, Пасифика способна о себе позаботиться лучше, чем мы о ней. Чем меньше народу окажется сюда втянуто, тем лучше для всех. Это единственный закон, какой я завела в этой гостинице.

– Хорошо, – ответила миссис Копперфилд, – но пока суд да дело, ее же могут убить.

– Так легко и просто не убивают. Бьют люди много, а убивают – не слишком. У меня здесь бывали убийства, но немного. Я пришла к выводу, что по большей части все улаживается хорошо. Конечно, скверные тоже бывают.

– Мне б ваше спокойствие. Не понимаю, как вы можете здесь сидеть, и не понимаю, как Пасифика способна все это выдержать и не попасть в лечебницу для умалишенных.

– Так у нее большой опыт с этими мужчинами. Не думаю, что ей на самом деле страшно. Она гораздо крепче нас. Ей просто досаждают. Ей нравится, что у нее своя комната и она делает, что захочет. Сдается мне, женщины иногда не понимают, чего хотят. Вы не считаете, что по Майеру она может еще и слегка сохнуть?

– Как возможно такое? Я вас не понимаю.

– Ну а тот мальчик, в кого, как сама говорит, она влюблена; я вообще-то не думаю, что она его любит на самом деле. У нее они один за другим, вот так вот. Все славные балбесы. Готовы целовать землю, по которой она ходит. Мне кажется, она так ревнует и нервничает, если Майера нет, что ей нравится перед самой собой притворяться, будто все эти прочие мужчинки нравятся ей больше. А когда Майер возвращается, она действительно верит, будто злится на него за то, что он ей помешал. В общем, может, я права, а может, и нет, но считаю, что все там у них как-то так.

– Я считаю, это невозможно. Она б тогда не позволила ему обижать себя перед тем, как укладываться с ним в постель.

– Еще как позволила бы, – ответила миссис Куилл, – но о таком я ничего не знаю. Хотя Пасифика – девушка славная. И из хорошей семьи.

Миссис Копперфилд пила джин, и ей нравилось.

– Скоро она спустится сюда поговорить, – промолвила миссис Куилл. – Тут тишь да гладь, и всем им здесь нравится. Болтают, пьют и любят; выезжают на пикники; ходят в кино; танцуют – иногда всю ночь напролет... Мне никогда не удастся быть здесь одинокой, если только я сама этого не захочу... Всегда можно пойти потанцевать с ними, если мне заблагорассудится. Есть тут один субъект, водит меня в танцевальные залы, когда бы я ни пожелала, и у меня всегда компания найдется. Люблю я тут. Домой бы не вернулась ни за какие коврижки. Иногда жарко, но обычно благостно, и никто никуда не торопится.

Секс меня не интересует, а сплю я, как младенец. Ничего дурного не снится, если только ничего тяжелого на ночь не съем и оно мне на желудок не навалится. Но если себе потакаешь, за это приходится платить. Я жуть как люблю омаров по-ньюбургски, видите ли. И прекрасно отдаю себе отчет в том, что делаю, когда их ем. Хожу с тем субъектом в ресторан к Биллу Грею, надо сказать, где-то раз в месяц.

– А потом? – попросила миссис Копперфилд, которой очень нравилось ее слушать.

– Ну, мы заказываем омара по-ньюбургски. Говорю вам, это самое вкусное на свете...

– А как вам нравятся лягушачьи лапки? – спросила миссис Копперфилд.

– Мне подавай только омара по-ньюбургски.

– Вы такая счастливая, когда это рассказываете, что у меня возникает чувство, будто я в этой гостинице сама устроюсь, как в гнездышке. Что вы на это скажете?

– Со своей жизнью делайте что хотите. Такой у меня девиз. На сколько желаете остановиться?

– Ой, не знаю, – ответила миссис Копперфилд. – Вы считаете, мне здесь будет весело?

– Ох, веселья тут хоть отбавляй, – произнесла хозяйка. – Танцы, выпивка... все, что есть приятного на свете. Больших денег тут не понадобится, как вы понимаете. С судов сходят мужчины – так у них карманы от денег чуть не лопаются. Говорю вам, это место – Божий городок, а может – и дьяволов. – Она от души расхохоталась. – Веселья хоть отбавляй, – повторила она. С некоторым трудом встала с кресла и подошла к ящику фонографа, стоявшего в углу комнаты. Заведя его, поставила ковбойскую песенку. – Вот это можно слушать всегда, – сказала она миссис Копперфилд, – когда б душеньке ни было угодно. Есть иголки и пластинки – всего-то и нужно, что пружину завести. Если меня здесь нет, садитесь в эту качалку да слушайте себе на здоровье. У меня на этих пластинках знаменитости поют, вроде Софи Такер и Эла Джолсона из Соединенных Штатов^[2], и скажу вам, что музыка – это вино для слуха.

– И предполагаю, что читать в этой комнате тоже будет очень приятно – точно так же, как слушать граммофон, – проговорила миссис Копперфилд.

– Читайте вволю.

Какое-то время они посидели, слушая пластинки и прихлебывая джин. Через час или около того миссис Куилл увидела, как по коридору идет Пасифика.

– Вот, – сказала она миссис Копперфилд, – идет ваша подруга.

На Пасифике было шелковое платье и спальные тапочки. Она очень тщательно накрасила лицо и надушилась.

– Смотрите, что мне привез Майер, – промолвила она, направляясь к ним и показывая очень крупные наручные часы со светящимся от радия циферблатом^[3]. Казалось, настроение у нее очень приятное.

– Вы тут между собою толковали, – сказала она, любезно улыбаясь им. – А что, если теперь мы все втроем прогуляемся по улице и пива себе возьмем или еще чего захотим.

– Это было б мило, – ответила миссис Копперфилд. Ей уже становилось немного тревожно за мистера Копперфилда. Он терпеть не мог, если она так надолго исчезала, потому что в нем возникала неуравновешенность, а это очень мешало ему спать. Она дала себе слово заглянуть к ним в номер и дать ему знать, что она еще не вернулась, но от одной мысли об их гостинице ее передернуло.

– Давайте скорей, девочки, – произнесла Пасифика.

Они вернулись в тот тихий ресторан, куда Пасифика водила ужинать мистера и миссис Копперфилд. Напротив располагался очень большой салун, весь в огнях. Там играл оркестр из десяти человек, а давка была такая, что некоторые танцевали даже на улицах.

Миссис Куилл сказала:

– Батюшки-светы, Пасифика! Вот где можно сегодня вечером лучше всего на свете провести время. Ты посмотри, как *им* весело.

– Нет, миссис Куилл, – ответила Пасифика. – Тут нам будет прекрасно. Свет не такой яркий, спокойнее, а потом мы ляжем спать.

– Ладно, – отозвалась миссис Куилл, и лицо у нее опало. Миссис Копперфилд показалось, что в глазах миссис Куилл она замечает ужасную муку и отверженье. – Туда я пойду завтра вечером, – тихонько проговорила миссис Куилл. – Это ничего не значит. У них такие танцы каждый вечер. Потому что суда приходят постоянно. И девушки никогда не устают, – сказала она миссис Копперфилд. – Это из-за того, что днем спят, сколько им влезет. Днем у них получается

спать так же неплохо, как и ночью. Они не устают. С чего б им? От танцев же не устает. Тебя музыка за собой тащит.

– Не будьте дурой, – сказала Пасифика. – Они всегда усталые.

– Так как же на самом деле? – спросила миссис Копперфилд.

– Ох, – промолвила миссис Куилл, – вечно Пасифика видит лишь самую темную сторону жизни. Мрачнее ее никого не знаю.

– Да не смотрю я на темную сторону, я на правду смотрю. Иногда вы очень глупите, миссис Куилл.

– Не смей со мной так разговаривать, ты же знаешь, как я тебя люблю, – проговорила миссис Куилл, а губы у нее задрожали.

– Простите, миссис Куилл, – мрачно отозвалась Пасифика.

«Есть в Пасифике что-то весьма и весьма прелестное, – подумала миссис Копперфилд. – Полагаю, она всех воспринимает очень всерьез».

Руку Пасифики она взяла в свою.

– Через минутку мы выпьем чего-нибудь славного, – сказала она, улыбаясь девушке. – Вы не рады?

– Да, было бы мило чего-нибудь выпить, – вежливо откликнулась та; но миссис Куилл поняла всю веселость этого замечания. Она потерла руки и произнесла:

– Я с вами.

Миссис Копперфилд выглянула на улицу и увидела, как мимо проходит Майер. С ним шли две блондинки и какие-то моряки.

– Вон Майер пошел, – сказала она. Две другие женщины посмотрели через дорогу, и все провожали его взглядами, пока он не скрылся.

Чета Копперфилдов отправилась на два дня в Панама-сити. В первый день после обеда мистер Копперфилд предложил прогуляться пешком к городской окраине. Приезжая в новое место, это он всегда предпринимал в первую очередь. Миссис Копперфилд терпеть не могла знать, что ее окружает, поскольку оно всегда оказывалось еще более чужое, чем она опасалась.

Шли они долго. Улицы стали походить одна на другую. С одной стороны, они постепенно поднимались в горку, а с другой – резко спускались к топким участкам у самого моря. Под жарким солнцем каменные дома были совершенно бесцветны. Все окна тяжело

зарешечены; куда ни глянь, жизни почти нигде никакой. Они набрели на троих голых мальчишек, боровшихся с футбольным мячом, и свернули вниз по склону к воде. Им навстречу медленно шла женщина, вся в черном шелке. Когда они ее миновали, она развернулась и бесстыже уставилась на них. Несколько раз они поглядывали через плечо и все еще видели, что она стоит и за ними наблюдает.

Застали отлив. Они двинулись по грязному пляжу. Позади них стояла большая каменная гостиница, выстроенная перед невысоким утесом, поэтому на здание уже падала тень. Приливные отмели и вода еще оставались на солнце. Они шли, пока мистер Копперфилд не отыскал крупный плоский валун, на который можно было присесть.

– Здесь так красиво, – сказал он.

В грязи у них под ногами боком пробежал краб.

– О, взгляни! – произнес мистер Копперфилд. – Тебе они разве не нравятся?

– Да, я их обожаю, – ответила она, но не могла подавить в себе ужаса, который в ней вздымался при виде окружающего пейзажа. На фасаде гостиницы кто-то написал зелеными буквами *Cerveza – Пиво*.

Мистер Копперфилд подкатал штанины и спросил, не хочется ли ей пройтись с ним босиком по краю воды.

– Сдается мне, я и так далеко зашла, – ответила она.

– Ты устала? – осведомился он.

– О нет. Я не устала. – А когда отвечала, у нее на лице отразилась такая мука, что он спросил, в чем беда.

– Я несчастна, – сказала она.

– Опять? – спросил мистер Копперфилд. – А сейчас-то с чего тебе быть несчастной?

– Я себя чувствую такой потерянной, мне так далеко ото всего и так страшно.

– Что же во всем этом пугающего?

– Не знаю. Все это такое чужое и никак ни с чем не связано.

– Это связано с Панамой, – едко заметил мистер Копперфилд. – Неужели ты никогда этого не поймешь? – Он помолчал. – Вообще-то не думаю, что еще буду стараться, чтоб ты что-то поняла... А схожу к воде сам. Ты все удовольствие портишь. С тобой никому ничего не поделаться. – Он надул губы.

– Да, я знаю. В смысле, сходи к воде. Наверное, я все-таки устала. – Она посмотрела, как он пробирается по камешкам, для равновесия вытянув руки, словно канатоходец, и пожалела, что она не с ним, потому что он ей так нравился. Что-то в ней воодушевилось. Дул сильный ветер, и невдалеке от берега быстро проплывали прелестные лодки под парусом. Она откинула назад голову и закрыла глаза, надеясь, что, возможно, этого воодушевления достаточно, чтобы подбежать к мужу. Но ветер дул недостаточно, а с закрытыми глазами видела она, как перед «Отелем де Лас Пальмас» стоят Пасифика и миссис Куилл. С ними она попрощалась из старомодной коляски, которую наняла ехать к вокзалу. Мистер Копперфилд предпочитал идти пешком, и она осталась наедине со своими приятельницами. На Пасифике были атласное кимоно, которое купила ей миссис Копперфилд, и домашние тапочки с помпонами. Щурясь, она стояла у самой стены гостиницы и сокрушалась, что выскочила на улицу в одном кимоно, но у миссис Копперфилд была всего минутка на то, чтобы с ними попрощаться, и из коляски она не выходила.

– Пасифика и миссис Куилл, – сказала им она, перегнувшись из виктории^[4], – вы не можете себе представить, в каком я ужасе от того, что покидаю вас даже на два дня. Я честно не знаю, как сумею это выдержать.

– Послушайте, Копперфилд, – ответила ей тогда миссис Куилл, – поезжайте и хорошенько повеселитесь в Панаме. Не думайте о нас ни минуты. Вы меня слышите? Батюшки-светы, да будь я достаточно молода, чтоб ехать с мужем в Панама-сити, у меня лицо было б совсем другое, чем сейчас у вас.

– Ничего это не значит – ехать с мужем в Панама-сити, – очень твердо стояла на своем Пасифика. – Это не означает, что она счастлива. Всем же разное нравится. Может, Копперфилд больше по душе удить рыбу или покупать платья. – Тут миссис Копперфилд благодарно улыбнулась Пасифике.

– Что ж, – как-то слабовато парировала миссис Куилл, – я уверена, ты, Пасифика, была бы счастлива, поезжай ты с мужем в Панама-сити... Там красиво.

– Она же все равно в Париже бывала, – ответила Пасифика.

– Так дайте же мне слово, что вы здесь будете, когда я вернусь, – попросила их миссис Копперфилд. – Я просто в ужасе от мысли, что

вы можете внезапно исчезнуть.

– Не сочиняйте себе ничего, дорогая моя; жизнь и без того трудна. Куда же мы денемся? – сказала ей Пасифика, зевая и поворачиваясь зайти в дом. Затем она послала миссис Копперфилд воздушный поцелуй из дверного проема и помахала рукой.

– Такая радость – быть с ними, – вслух произнесла теперь миссис Копперфилд, открывая глаза. – Великолепная утеха.

Мистер Копперфилд возвращался к плоскому валуну, где она сидела. В руке он держал камень, странный на ощупь и по виду. Подходя к ней, мистер Копперфилд улыбался.

– Смотри, – сказал он, – какой забавный камешек, а? Очень даже красивый. Я подумал, что ты захочешь посмотреть, поэтому и принес тебе. – Миссис Копперфилд осмотрела камень и произнесла:

– Ох, красиво и очень странно. Большое тебе спасибо. – Поглядела, как он лежит у нее на ладони. Пока она его рассматривала, мистер Копперфилд сжал ей плечо и сказал:

– Погляди, как пароход вон там воду пашет. Видишь? – Он слегка изогнул ей шею, чтобы она глянула в нужную сторону.

– Да, вижу. Тоже чудесно... Думаю, нам лучше уже пойти домой. Скоро стемнеет.

Они ушли с пляжа и вновь двинулись по улицам. Темнело, но там теперь стояло больше людей. Они неприкрыто обсуждали чету Копперфилдов, когда те проходили мимо.

– Поистине чудесный день был, – проговорил мистер Копперфилд. – Тебе же хоть немного понравилось, а? – мы такое невероятное видели. – Миссис Копперфилд сжимала ему руку все крепче и крепче.

– У меня на ногах нет крыльев, не то что у тебя, – сказала ему она. – Ты должен меня простить. Я не умею так легко перемещаться. В мои тридцать три у меня есть определенные привычки.

– Это скверно, – ответил он. – Конечно, определенные привычки есть и у меня – еды, сна, работы, – но мне кажется, ты не об этом, верно же?

– Давай не будем. Я не об этом, нет.

Назавтра мистер Копперфилд сказал, что они выедут посмотреть джунгли. Миссис Копперфилд возразила, что у них нет нужного

снаряжения, а он пояснил, что не имел в виду, будто они отправятся исследовать джунгли, а лишь погуляют по опушке, где проложены тропы.

– Пускай тебя не пугает само слово «джунгли», – сказал он. – В конце концов, оно значит просто «тропический лес».

– Если мне не захочется – не поеду. Не важно. Сегодня вечером мы возвращаемся в Колон, правда?

– Ну, возможно, мы слишком устанем, и нам придется заночевать здесь еще разок.

– Но я обещала Пасифике и миссис Куилл, что мы вернемся сегодня вечером. Они будут так разочарованы, если мы не приедем.

– Ты же не в самом деле о *них* печешься, правда?.. В конце-то концов, Фрида! Как бы то ни было, не думаю, что они будут против. Они поймут.

– Ох нет, не поймут, – ответила миссис Копперфилд. – Они расстроятся. Я им обещала, что вернусь до полуночи, и мы пойдем куда-нибудь отпразднуем. Я просто уверена, что миссис Куилл будет разочарована. Ей нравятся праздники.

– Кто вообще такая эта миссис Куилл.

– Миссис Куилл... Миссис Куилл и Пасифика.

– Да, я знаю, но это такая нелепица. Мне кажется, тебе неохота было бы встречаться с ними больше, чем один вечер. По-моему, много времени бы не понадобилось на то, чтоб узнать, что они собой представляют.

– Ох, да знаю я, что они собой представляют, просто мне с ними так весело. – На это мистер Копперфилд не ответил.

Они вышли наружу и шли по улицам, покуда не набрали на то место, где стояли автобусы. Осведомились о расписании и сели на автобус, называвшийся «Шёрли Темпл»^[5]. На двери внутри были наклеены картинки с Микки-Маусом. К ветровому стеклу у себя над головой шофер приклеил открытки с портретами святых и Приснодевы. Когда они садились в автобус, он пил «Кока-Колу».

– *¿En que barco vinieron?* – спросил шофер.

– *Venimos de Colon*, – произнес мистер Копперфилд.

– Что это было? – осведомилась у него миссис Копперфилд.

– Просто на каком судне мы приплыли, а я ответил, что мы только что приехали из Колона. Видишь ли, большинство здесь только-только

сходят на берег. Это у них вместо того, чтобы спрашивать, где люди живут, как это принято в других местах.

– *J'adore Colon, c'est tellement...* – начала миссис Копперфилд. Мистер Копперфилд как-то смутился.

– Не говори с ним по-французски. Это бессмысленно. Уж лучше по-английски.

– Обожаю Колон.

Шофер скроил гримасу.

– Грязный деревянный город. Уверен, вы совершили большую ошибку. Сами увидите. Панама-сити вам понравится больше. Больше магазинов, больше больниц, чудесные кинотеатры, большие чистые рестораны, чудесные каменные дома; Панама-сити место крупное. Когда поедем через Анкон, покажу вам, какие славные там лужайки, деревья и тротуары. В Колоне вы ничего подобного мне показать не сумеете. Знаете, кому нравится Колон? – Он перегнулся далеко через спинку своего сиденья и, поскольку они уселись сразу за ним, дышал прямо им в лица. – Знаете, кому нравится Колон? – Он подмигнул мистеру Копперфилду. – Они там по всем улицам. Вот что там есть; а кроме этого, почти больше ничего. Такое есть и тут у нас, но в отдельном месте. Если вам такое нравится, можете сходить. У нас тут всё есть.

– Вы имеете в виду шлюх? – ясным голосом спросила миссис Копперфилд.

– *Las putas*, – пояснил шоферу по-испански мистер Копперфилд. Он был в восторге от того оборота, какой приняла их беседа, и опасался, что шофер не просмакует ее полностью.

Шофер прикрыл рот ладонью и засмеялся.

– Она такое любит, – произнес мистер Копперфилд, подталкивая жену.

– Нет-нет, – вымолвил шофер, – куда ей.

– Они все были со мною очень милы.

– *Милы!* – едва не заорал шофер. – Да в них милого ни вот столечко. – Из большого и указательного пальцев он сложил крохотный кружок. – Нет, не милые они – вас кто-то дурачил. Вот он знает. – Шофер положил руку на колено мистеру Копперфилду.

– Боюсь, мне об этом ничего не известно, – проговорил мистер Копперфилд. Шофер снова подмигнул ему, а потом сказал:

– Она считает, будто знает *las...* не буду слово говорить, но она никогда ни одной такой не встречала.

– Но я же встречала. У меня с одной даже сиеста была.

– *Сиеста!* – Шофер взревел от хохота. – Прошу вас, не смейтесь, дама. Это, между прочим, не очень приятно. – Вдруг вид у него сделался очень серьезный. – Нет, нет, нет. – Он грустно покачал головой.

Автобус уже заполнился, и шоферу пришлось тронуться. Всякий раз, когда они останавливались, он разворачивался и грозил миссис Копперфилд пальцем. Проехали через Анкон и мимо нескольких длинных низких зданий, разбросанных по нескольким пологим склонам.

– Больницы, – завопил шофер ради четы Копперфилд. – У них тут врачи есть от всего на свете. Армия там может лечиться за так. Едят, спят и поправляются за так. Некоторые старики там живут весь остаток своей жизни. Просто мечтаю оказаться в Американской армии и не водить больше этот поганый автобус.

– Очень не хотел бы я так квартироваться, – с чувством произнес мистер Копперфилд.

– Они вечно на ужины да балы ходят, балы да ужины, – заметил шофер. С задних сидений автобуса донесся какой-то ропот. Всем женщинам не терпелось узнать, что же такое сказал шофер. Одна, говорившая по-английски, быстро объяснила остальным на испанском. Все они по этому поводу затем хихикали добрых пять минут. Шофер запел «Вон туда»^[6], и смех стал пронзителен чуть ли не до истерики. Они уже почти выбрались за город и ехали вдоль реки. За рекою была очень новая дорога, а за нею – густой лес.

– О, посмотри, – промолвил мистер Копперфилд, показывая на него. – Видишь разницу? Видишь, какие громадные деревья и как спутан весь подлесок? Это даже отсюда разобрать можно. Никакие северные леса никогда не выглядят такими густыми.

– Это правда, не выглядят, – согласилась миссис Копперфилд.

Автобус наконец остановился у крохотного причала. В салоне теперь оставались лишь три женщины и Копперфилды. Миссис Копперфилд взглянула на женщин, надеясь, что и они пойдут в джунгли.

Мистер Копперфилд спустился из автобуса, и она неохотно последовала за ним. Шофер уже вышел на улицу, курил. Стоял возле мистера Копперфилда, надеясь завязать еще одну беседу. Но тот был слишком разгорячен, оказавшись так близко от джунглей, и больше ни о чем не думал. А женщины из автобуса не вышли. Они оставались на своих местах, беседовали. Миссис Копперфилд обернулась на автобус и уставилась на них с недоумением на лице. Казалось, она говорит: «Выходите, пожалуйста, а?» Те смутились и вновь захихикали.

Миссис Копперфилд подошла к шоферу и спросила:

– Это конечная?

– Да, – ответил тот.

– А они?

– Кто? – переспросил он, вроде бы не сообразив.

– Те три дамы сзади.

– Они катаются. Это очень славные дамы. Они уже не впервые ездят у меня в автобусе.

– Туда-назад?

– Ну да, – ответил шофер.

Мистер Копперфилд взял миссис Копперфилд за руку и повел ее на пристань. К ним приближался маленький паром. На нем, казалось, вообще никого нет.

Вдруг миссис Копперфилд сказала мужу:

– Я просто не хочу идти в джунгли. Вчера был такой странный, ужасный день. Если мне выпадет еще один такой, у меня будет жуткое состояние. Дай мне, пожалуйста, вернуться автобусом.

– Но, – возразил мистер Копперфилд, – раз ты уже заехала в такую даль, мне кажется, глупо и бессмысленно вот так возвращаться. Могу заверить, что джунгли тебя несколько заинтересуют. Я в них бывал и раньше. Там видишь листья и цветы самых странных очертаний. И я уверен, ты б услышала чудесные шумы. У некоторых птиц в тропиках голоса – как ксилофон, а других – как колокольчики.

– Мне поначалу казалось, что, когда я сюда приеду, меня посетит вдохновение; что меня будет подмывать туда отправиться. Но ни в малейшей степени. Прошу тебя, давай не будем этого обсуждать.

– Ладно, – сказал мистер Копперфилд. Выглядел он печальным и одиноким. Он получал столько удовольствия, показывая другим то, что больше всего нравилось ему самому. Он двинулся к урезу воды и

вперился за реку, в другой берег. Был он очень щупл, а голова у него была красивой формы.

– Ох, только не грусти, пожалуйста! – промолвила миссис Копперфилд, спеша к нему. – Я отказываюсь позволять тебе грустить. Чувствую себя каким-то буйволом. Убийцей. Но от меня тебе на другой стороне реки в джунглях будет сплошная добука. Как только ты там окажешься, тебе там понравится, и без меня ты сможешь зайти гораздо дальше.

– Но, дорогая моя... я не возражаю... Надеюсь только, что ты сумеешь спокойно добраться домой на автобусе. Бог весть когда я вернусь. Может, решу побродить здесь кругами... а тебе не нравится оставаться в Панаме одной.

– Ну, тогда, – промолвила миссис Копперфилд, – я, наверное, вернусь поездом в Колон. Это простая поездка, а у меня с собой лишь один саквояж. Тогда вечером ты сможешь приехать следом за мной, если вернешься из джунглей рано, а если нет, приезжай завтра утром. Мы же все равно собирались завтра возвращаться. Но дай мне честное слово, что приедешь.

– Все это так сложно, – проговорил мистер Копперфилд. – Я думал, мы проведем славный денек в джунглях. Я вернусь завтра. Багаж остался там, поэтому нет никакой опасности, что я не вернусь. До свиданья. – Он протянул ей руку. Паром уже скрежетал о причал.

– Послушай, – сказала она, – если не вернешься сегодня до двенадцати, я буду ночевать в «Отеле де Лас Пальмас». Позвоню нам в гостиницу в двенадцать и проверю, вернулся ты или нет, если сама в ней не буду.

– Я не вернусь туда до завтра.

– Тогда если меня нет дома, я в «Отеле де Лас Пальмас».

– Ладно, только веди себя хорошо и поспи.

– Ну, конечно же, посплю.

Он сел в суденышко, и оно отчалило.

«Надеюсь, день у него не окажется загублен», – сказала она себе. Нежность, какую она к нему теперь питала, почти ошеломляла. Она вернулась в автобус и уставилась в окно, потому что не хотела, чтобы кто-то видел, как она плачет.

Миссис Копперфилд отправилась напрямиком в «Отель де Лас Пальмас». Спускаясь из коляски, она увидела, что Пасифика идет к ней одна. Мисс Копперфилд расплатилась с извозчиком и кинулась к ней.

– Пасифика! До чего же я рада вас видеть!

Лоб у Пасифики закидало сыпью. Она выглядела усталой.

– А, Копперфилд, – проговорила она, – мы с миссис Куилл уж и не чаяли вас снова увидеть, а вы вернулись вот.

– Но, Пасифика, как же вы можете такое говорить? Вы обе меня удивляете. Разве не обещала я вернуться до полуночи, и мы это отпразднуем?

– Да, но люди часто говорят такое. В конце концов, никто и не сердится, если они не возвращаются.

– Пойдемте ж и поздороваемся с миссис Куилл.

– Ладно, только у нее весь день жуткое настроение – много плачет и ничего не ест.

– Что же с нею такое?

– Поругалась, думаю, со своим дружкой. Ему она не нравится. Я ей про это говорю, а она не хочет слушать.

– Но первое же, что она мне сказала, – это что секс ее не интересуется.

– В постель-то ложиться ей не шибко нравится, но она ужасно сентиментальная, как будто ей шестнадцать лет. Жалко смотреть, как старуха себя такой дурищей выставляет.

На Пасифике по-прежнему были ее домашние тапочки. Женщины прошли мимо бара, где сидело много мужчин, все они пили и курили сигары.

– Боже мой! всего за минуту они могут завонять все вокруг, – сказала Пасифика. – Жалко, что нельзя поехать куда-нибудь и жить там в славненьком домике с садиком.

– Я собираюсь тут жить, Пасифика, и нам будет очень весело.

– Кончилось время веселиться, – угрюмо проговорила та.

– Тебе станет лучше, как только мы выпьем, – сказала миссис Копперфилд.

Они постучались к миссис Куилл.

Слышно было, как та ходит у себя по комнате и шуршит какими-то бумагами. Затем подошла к двери и открыла ее. Миссис

Копперфилд заметила, что она выглядит слабее прежнего.

– Входите же, – сказала им она, – хотя мне вам нечего предложить. Можете присесть ненадолго.

Пасифика подтолкнула миссис Копперфилд локтем. Миссис Куилл вернулась к своему креслу и сгребла горсть счетов, валявшихся на столе возле.

– Мне нужно их просмотреть. Простите меня, но это до ужаса важно.

Пасифика повернулась к миссис Копперфилд и тихонько произнесла:

– Она их даже не видит, потому что без очков. Ведет себя как ребенок. А теперь станет на нас злиться, потому что ее дружок, как она его называет, бросил ее одну. Недолго я буду терпеть, что ко мне относятся как к собаке.

Миссис Куилл услышала то, что говорит Пасифика, и покраснела. Обратилась к миссис Копперфилд.

– Вы все еще намерены переехать в эту гостиницу и жить здесь? – спросила она.

– Да, – жизнерадостно ответила миссис Копперфилд, – я б ни за что на свете не согласилась поселиться где-либо еще. Даже если вы на меня рычите.

– Возможно, вам тут будет не слишком-то удобно.

– Не рычите на Копперфилд, – вставила Пасифика. – Во-первых, ее не было два дня, а во-вторых, она не знает, какая вы, как это знаю я.

– Буду тебе благодарна, если вульгарный рот свой ты будешь держать на замке, – парировала миссис Куилл, быстро вороша счета.

– Простите, что обеспокоила вас, миссис Куилл, – произнесла Пасифика, встав и направляясь к двери.

– Я не орала на Копперфилд, я всего лишь сказала, что ей здесь может оказаться неудобно. – Миссис Куилл отложила счета. – Пасифика, ты считаешь, ей здесь будет удобно?

– Вульгарная вертихвостка ничего в таком не смыслит, – ответила Пасифика и вышла вон из комнаты, оставив миссис Копперфилд наедине с миссис Куилл.

Та взяла с комода какие-то ключи и поманила миссис Копперфилд за собой. Они прошли коридорами и поднялись один пролет по лестнице, а там миссис Куилл открыла дверь одного номера.

– Комната рядом с Пасификой? – спросила миссис Копперфилд.

Не ответив, миссис Куилл провела ее коридорами обратно и остановилась у номера Пасифики.

– Эта дороже, – проговорила она, – но возле комнаты мисс Пасифики, если вам угодно и вы согласны терпеть шум.

– Какой шум?

– Она принимается болтать и двигать мебель, как только проснется поутру. Ей-то что. Она крепкая. Ни единого нерва в ней нету.

– Миссис Куилл...

– Да.

– Вы не могли бы попросить кого-нибудь принести мне в номер бутылку джина?

– Наверное, смогу... Ну, надеюсь, вам удобно. – И миссис Куилл ушла. – Сумку вашу пришлю с человеком, – произнесла она, оглянувшись через плечо.

То, как все обернулось, повергло миссис Копперфилд в ужас.

«Я-то думала, – сказала она себе, – что они навечно останутся такими. А теперь нужно запастись терпением и дожждаться, пока все снова не станет хорошо. Чем дольше живу, тем меньше умею хоть что-то предвидеть». Она легла на кровать, согнула колени и взялась руками за лодыжки.

– Веселись... веселись... веселись, – пела она, раскачиваясь на кровати взад и вперед. В дверь постучали, и в номер, не дождавшись ответа на стук, вошел мужчина в полосатом свитере.

– Бутылку джина спрашивали? – произнес он.

– Совершенно определенно – ура!

– И вот чемодан. Я сюда поставлю.

Миссис Копперфилд заплатила ему, и он ушел.

– Так, – сказала она, соскочив с кровати, – теперь чуточку джина – разогнать все мои горести. Попросту нет способа лучше. На каком-то рубеже джин берет все у тебя из рук, а тебе остается трепыхаться, как маленькой детке. Сегодня вечером хочу быть деткой. – Она сделала первый крупный глоток, а вскоре после – еще один. Третий она делала медленнее.

Бурые ставни у нее на окне были широко распахнуты, и ветерком в комнату заносило вонь жирной жарехи. Она подошла к окну и

заглянула в переулок, отделявший «Отель де Лас Пальмас» от кучки хижин.

В переулке на стуле сидела старуха, ужинала.

– Все до кусочка съешьте! – проговорила миссис Копперфилд. Старуха мечтательно подняла взгляд, но не ответила.

Миссис Копперфилд возложила руку на сердце.

– *Le bonheur*, – прошептала она, – *le bonheur*... счастливый миг – ну что же он за ангел, и до чего славно, что не нужно слишком уж сражаться за внутренний покой! Я знаю, что волей-неволей буду наслаждаться некими мгновеньями веселости. Никто из моих знакомых больше не рассуждает о характере – а больше всего нам интересно, разумеется, обнаруживать, каковы мы.

– Копперфилд! – В номер ворвалась Пасифика. Волосы у нее растрепались, похоже, она запыхалась. – Пойдемте вниз, повеселимся. Может, такие мужчины вам не по вкусу, но если не понравятся, просто встанете да уйдете. Лицо себе только нарумяньте. Можно мне у вас джину отхлебнуть?

– Но лишь миг назад вы сказали, что кончилось время веселья!

– Да ну к черту!

– Да ну к черту всенепременнейше, – произнесла миссис Копперфилд. – Это музыка для чьих угодно ушей... Если б вы только не давали мне думать, Пасифика, всегда.

– А вам и не надо переставать думать. Чем больше способны думать, тем лучше вы других людей. Слава богу, что вы умеете думать.

Внизу в баре миссис Копперфилд познакомили с тремя или четырьмя мужчинами.

– Вот этот – Лу, – сказала Пасифика, выдвигая из-под барной стойки табурет и заставляя ее сесть с ним рядом.

Лу был щупл, и ему перевалило за сорок. Одет в легкий серый костюм, что был ему слишком тесен, синюю рубашку и соломенную шляпу.

– Она хочет перестать думать, – сообщила Лу Пасифика.

– Кто хочет перестать думать? – переспросил Лу.

– Копперфилд. Та маленькая девочка, что на табурете сидит, олух ты царя небесного.

– Сама олух. Ты уже совсем как эти нью-йоркские девчонки становишься, – произнес Лу.

– Возьми меня в Нуэва-Йорк, возьми меня в Нуэва-Йорк, – сказала Пасифика, подскакивая на табурете.

Миссис Копперфилд шокировало, что Пасифика игрива, как котенок.

– Не забывай про пупки, – сказал Пасифике Лу.

– Пупки! Пупочки! – Пасифика вскинула вверх руки и заверещала от восторга.

– А что такое с пупками? – поинтересовалась миссис Копперфилд.

– Вам не кажется, что это самое смешное слово на всем белом свете? Пупок – пупочек – а по-испански просто-напросто *ombigo*.

– По-моему, нет тут ничего *настолько* смешного. Но раз тебе нравится смеяться, валяй, смейся, – сказал Лу, нисколько не пытавшийся разговаривать с миссис Копперфилд.

Та подергала его за рукав.

– А вы откуда? – спросила у него она.

– Питтсбург.

– У меня нет в Питтсбурге знакомых, – вымолвила миссис Копперфилд. Но Лу уже переводил взгляд на Пасифику.

– Пупок, – вдруг произнес он, даже не изменившись в лице. На сей раз Пасифика не засмеялась. Вроде бы не услышала его. Она встала на перила барной стойки, взбудораженно и угодливо размахивая руками.

– Так-так, – проговорила она, – я вижу, еще никто не взял Копперфилд выпить. Я тут с маленькими мальчиками или со взрослыми мужчинами? Нет, нет... Пасифика найдет себе других друзей. – Она принялась слезать с бара, одновременно веля миссис Копперфилд следовать за собой. А меж тем локтем сбила шляпу с головы мужчины, сидевшего с нею рядом. – Тоби, – сказала она ему, – постыдился бы. – У Тоби были сонное лицо и сломанный нос. Одет он был в темно-коричневый плотный костюм.

– Что? Ты хотела выпить?

– Конечно, я хотела выпить. – Глаза у Пасифики сверкали.

Всех обслужили, и она вновь успокоилась на своем табурете.

– Ну, давайте, – произнесла она, – что будем петь?

– Мне на ухо наступили, – ответил Лу.

– Петь вообще не мое дело, – ответил Тоби.

Все они удивились, когда миссис Копперфилд запрокинула голову, как будто ее вдруг переполнило экзальтированное чувство, и запела.

Кому есть дело, если рухнет в море небо
И разорится где-то лишний банк?
Коль скоро твоим ласкам я – раба
Мне дела нет
Ведь жизнь – сплошная небыль
Лишь было б дело до тебя
И ты б со мною был^[7]

– Хорошо, прекрасно... а теперь еще одну, – рявкнула Пасифика.

– Вы когда-нибудь пели в клубе? – спросил Лу у миссис Копперфилд.

– Вообще-то нет. Но когда на меня находил стих, я, бывало, очень громко пела за столиком в ресторане, и на меня обращали немало внимания.

– А вы так близко не дружили с Пасификой, когда я в последний раз навещал Колон.

– Дорогой мой, меня тут не было. Я находилась, полагаю, в Париже.

– Она не говорила мне, что вы в Париже. Вы чудачка или действительно бывали в Париже?

– Бывала, бывала... В конце концов, и не такое случалось.

– Значит, вы фасонная?

– Это вы о чем, фасонная?

– Фасонные те, кто фасонит.

– Ну, если вы предпочитаете хранить таинственность, это ваше право, но слово «фасонный» для меня ничего не значит.

– Эй, – сказал Лу Пасифике, – она что, гонору на меня напускает?

– Нет, она очень умная. Не как ты.

Впервые миссис Копперфилд ощутила, что приятельница ею гордится. Она осознала, что Пасифика дожидалась ее, чтобы показать своим друзьям, и не была так уж уверена, что ей это нравится. Лу вновь повернулся к миссис Копперфилд.

– Прощенья просим, герцогиня. Пасифика говорит, что тям у вас хватает, а значит, я не должен к вам обращаться.

Лу миссис Копперфилд надоел, поэтому она спрыгнула на пол, подошла и встала между Тоби и Пасификой. Тоби разговаривал с девушкой тихим баском.

– Говорю тебе, если она раздобудет сюда певицу и покрасит тут все немного, можно будет на этом заведении неплохо зарабатывать. Все же знают, что здесь хорошо кости кидать, вот только музыки нету. А ты здесь, у тебя много друзей, ты себя держать умеешь...

– Тоби, да не хочу я связываться с музыкой и друзьями. Я тихая...

– Ага, тихая. На этой неделе тихая, а может, на следующей уже не захочешь быть тихой.

– Я так быстро не передумываю, Тоби. У меня дружок есть. Не хочу я тут слишком уж задерживаться, знаешь ли.

– Но сейчас-то здесь ты живешь.

– Да.

– Ну, и деньги тебе не помешают. Говорю же, немного вложений – и мы это заведение подправим.

– Но зачем тут обязательно я?

– Потому что у тебя связи.

– Никогда такого мужчину не видала. Только о делах и говорит.

– Да у тебя и самой с делами все обстоит неплохо. Видал я, как ты выпивку проворила для этой своей подруги. Себе же долю ты получаешь, нет?

Пасифика пнула Тоби пяткой.

– Слушай, Пасифика, веселиться-то мне нравится. Только не вижу такого, что монету б чеканило да наличку собирало.

– Хватит таким деловым быть. – Пасифика сдвинула шляпу у него на голове. Мужчина понял, что ничего тут не поделает, и вздохнул.

– Как Эмма? – вяло поинтересовался у нее он.

– Эмма? Я ее не видала с того вечера на борту. Она так роскошно смотрелась в матросском костюме.

– Женщины вообще выглядят фантастически в мужской одежде, – воодушевленно вставила миссис Копперфилд.

– Это вы так считаете, – отозвался Тоби. – По мне, так они лучше смотрятся в рюшах.

– Она лишь утверждала, что на *минутку* они славно смотрятся, – сказала Пасифика.

– Не для меня, – ответил Тоби.

– Ладно, Тоби, может, и не для тебя, а для нее они в таком виде смотрятся славно.

– Все равно думаю, что я прав. Тут же не во мнении дело.

– Ну, математически вы этого не докажете, – сказала миссис Копперфилд. Тоби взглянул на нее без интереса.

– Так а что с Эммой? – спросила Пасифика. – Не заинтересовался же ты кем-то уж наконец?

– Сама же попросила меня поговорить не о делах, вот я и спросил у тебя про Эмму – просто показать, какой я могу быть общительный. Мы оба ее знаем. Вместе были на вечеринке. Разве так неправильно? Как Эмма, как мама, как папа твои. Тебе же такие разговоры нравятся. Дальше я тебе скажу, как поживает моя родня, и, может, упомяну какого-нибудь еще знакомого, про которого мы совсем забыли, а потом мы оба скажем, что цены растут и революция скоро, а мы все лопаем клубнику. Цены растут быстро, вот потому-то я и хотел, чтоб ты на этом заведении заработала.

– Боже мой! – вымолвила Пасифика, – жизнь у меня и так трудная, я совсем одна, но гульнуть по-прежнему умею, как юная. А *ты* – ты старик.

– Твоей жизни вовсе не обязательно быть трудной, Пасифика.

– Ну, жизнь у тебя все равно очень трудная, вечно стараешься ее облегчить. Это даже у тебя в жизни самое трудное.

– Я просто жду передышки. Со всеми моими замыслами и передышкой жизнь у меня облегчится в одночасье.

– И тогда что станешь делать?

– Так и оставлю – а может, сделаю еще легче. Очень я занят буду.

– У тебя никогда ни на что не будет времени.

– А зачем время такому, как я, – тюльпаны сажать?

– Тебе не нравится со мною разговаривать, Тоби.

– Еще как нравится. Ты приветливая и смазливенькая, у тебя годные мозги – если не считать чуток завиральных мыслишек.

– А как насчет меня? Я тоже приветливая и смазливенькая? – спросила миссис Копперфилд.

– Еще б. Все вы приветливые и смазливенькие.

– Копперфилд, мне кажется, нас только что оскорбили, – произнесла Пасифика, распрямляясь.

Миссис Копперфилд двинулась было прочь из заведения в напускном гневе, но Пасифика уже думала о чем-то другом, и миссис Копперфилд оказалась в нелепом положении исполнителя, вдруг оставшегося без публики. Она вернулась к барной стойке.

– Слушайте, – сказала Пасифика, – сходите наверх и постучитесь к миссис Куилл. Скажите, что с нею очень хочет познакомиться мистер Тоби. Не говорите только, что вас послала Пасифика. Это она и так поймет, а ей будет легче, если вы этого не скажете. Ей очень захочется спуститься сюда. Уверена я в этом, словно она моя мать.

– Ох, мне б очень этого хотелось, – проговорила миссис Копперфилд, выбегая из заведения.

Когда она прибыла в комнату миссис Куилл, та занималась уборкой в верхнем ящике своего комода. В комнате у нее было очень тихо и очень жарко.

– Никогда мне духу не хватает все это выкинуть, – пожаловалась миссис Куилл, поворачиваясь и приглаживая прическу. – Вы небось уже перезнакомились с половиной Колона, – грустно произнесла она, разглядывая зардевшуюся миссис Копперфилд.

– Нет пока, но вы не против ли спуститься и познакомиться с мистером Тоби?

– Кто таков мистер Тоби, дорогуша?

– Ой, пойдете, пожалуйста, прошу вас, – только ради меня.

– Пойду, дорогуша, если вы присядете и подождете, пока я переоденусь во что-нибудь получше.

Миссис Копперфилд села. У нее кружилась голова. Миссис Куилл вытащила из гардероба длинное платье черного шелка. Натянула его через голову, а затем выбрала из шкатулки какие-то черные бусы и брошь с камеей. Тщательно напудрилась и скрепила прическу еще несколькими заколками.

– С ванной я морочиться не стану, – сказала она, закончив. – Так вы действительно думаете, что мне следует познакомиться с этим мистером Тоби, – или же считаете, что, возможно, в другой вечер будет лучше?

Миссис Копперфилд взяла миссис Куилл за руку и выволокла из комнаты. Явление миссис Куилл в баре было изящным и до крайности

чопорным. Она уже применяла обиду, нанесенную ей ухажером, к своей вящей выгоде.

– Так, дорогуша, – тихонько сказала она миссис Копперфилд, – скажите-ка мне, кто из них мистер Тоби?

– Вон тот, сидит рядом с Пасификой, – неуверенно ответила миссис Копперфилд. Она опасалась, что миссис Куилл сочтет его совершенно непривлекательным и выйдет вон.

– Понятно. Коренастый господин.

– Вы терпеть не можете толстяков?

– Я не сужу о людях по их телам. Даже когда я была юной девицей, мужчины мне нравились за их ум. А теперь, став вполне взрослой, я вижу, до чего была права.

– А я всегда чтитела тело, – промолвила миссис Копперфилд, – но это не означает, что я влюбляюсь в тех, у кого красивые тела. Тела некоторых, кто мне нравился, были ужасны. Подойдемте же к мистеру Тоби.

Перед миссис Куилл Тоби встал и снял шляпу.

– Присядьте к нам и выпейте.

– Позвольте сперва оглядеться, молодой человек. Сперва – оглядеться.

– Это же ваш бар, так? – спросил Тоби со встревоженным видом.

– Да-да, – учтиво ответила миссис Куилл. Она не отрывала взгляд от макушки Пасифики. – Пасифика, – сказала она, – не пей слишком много. Мне нужно за тобою приглядывать.

– Вы не волнуйтесь, миссис Куилл. Я уже давно сама за собою приглядываю. – Она повернулась к Лу и провозгласила: – Пятнадцать лет. – Держалась Пасифика совершенно естественно. Вела себя так, словно между ними с миссис Куилл ничего и не произошло. Миссис Копперфилд это завораживало. Она обвила рукою талию миссис Куилл и очень крепко ее к себе прижала.

– Ох! – произнесла она. – Ох, я от вас такая счастливая!

Тоби улыбнулся.

– Девушке хорошо, миссис Куилл. А теперь не выпьете?

– Да, мне стаканчик джина. Больно мне от того, как девушки эти такими юными уходят из своих домов. У меня до двадцати шести лет были собственный дом, мать, сестры и братья. Но даже так, оказавшись замужем, я себя ощущала испуганным кроликом. Как

будто в открытый мир выбираюсь. Однако мистер Куилл был мне как семья, и только когда он скончался, я вышла в мир по-настоящему. Мне уже было за тридцать, а испуганным кроликом я себя чувствовала больше прежнего. Пасифика же в мире гораздо дольше меня. Понимаете, она – как старый морской капитан. Случается, я себя очень глупой ощущаю, когда она мне рассказывает о пережитом. У меня глаза чуть на лоб не лезут. Тут вопрос не столько возраста, сколько жизненного опыта. Господь пощадил меня больше, чем Пасифику. Ее-то он не пощадил ни в чем. И все ж она не так нервничает, как я.

– Ну, для человека с таким опытом она уж точно не умеет о себе печься, – произнес Тоби. – Не знает она толк в хорошем, когда оно ей прямо в лицо смотрит.

– Да, полагаю, вы правы, – ответила миссис Куилл, теплея к Тоби чувствами.

– Еще б я прав не был. Но тут, в Панаме, у нее куча друзей, разве нет?

– Пожалуй, что у Пасифики друзей очень много, – сказала миссис Куилл.

– Ладно вам, сами же знаете, что друзей у нее куча, верно?

Поскольку вид у миссис Куилл был такой, словно ее несколько испугала настоятельность у него в голосе, Тоби решил, что слишком уж поспешен.

– Да и кому какая разница, к черту? – проговорил он, поглядывая на нее краем глаза. Казалось, это подействовало на миссис Куилл как надо, и Тоби облегченно выдохнул.

Миссис Копперфилд подошла к скамье в углу и прилегла. Закрывает глаза и улыбнулась.

– Так для нее лучше всего, – сказала Тоби миссис Куилл. – Славная она женщина, милая дорогуша, а чуточку перепила. Пасифика же – она и впрямь сама о себе способна позаботиться, как и заявляет. Я видела, как она выпивает наравне с мужчинами, но у нее все иначе. Я ж говорю, опыта в мире у нее хоть отбавляй. А вот миссис Копперфилд и я – нам нужно за собою тщательней следить, или же чтоб за нами приглядывал какой-нибудь славный мужчина.

– Ага, – промолвил Тоби, разворачиваясь на табурете. – Бармен, еще джину. Вы же хотите, правда? – осведомился он у миссис Куилл.

– Да, если вы станете за мной приглядывать.

– Еще б не стал. Я вас даже домой на ручках отнесу, если упадете.
– Ой нет. – Миссис Куилл хихикнула и зарделась. – Даже не пытайтесь, молодой человек. Я, знаете ли, тяжелая.

– Ага... Скажите-ка...

– Да?

– Вы не против мне кой-чего сказать?

– Я с восторгом расскажу вам все, что б вы ни пожелали услышать.

– Как так вышло, что вы до сих не озаботились это заведение подправить?

– Ох, батюшки, ужас-то какой, а? Я всегда себе слово давала, что именно это и сделаю, но никогда руки не доходили.

– Капусты нет? – спросил Тоби. Миссис Куилл недопоняла. – У вас что, нет денег на ремонт? – повторил он.

– Ох, нет – конечно же, есть. – Миссис Куилл оглядела бар. – У меня наверху есть даже кое-что такое, что я всегда себе давала слово развесить тут по стенам. Все такое грязное, нет? Стыд-позор.

– Нет-нет, – нетерпеливо произнес Тоби. Он теперь очень оживился. – Я вовсе не это имел в виду.

Миссис Куилл ласково ему улыбнулась.

– Слушайте, – продолжал Тоби, – я ресторанами, барами да клубами занимаюсь всю свою жизнь, у меня они заводятся и едут.

– Уверена, что так оно и есть.

– Говорю вам, умею. Слушайте, пойдете-ка отсюда; пойдете куда-нибудь еще, где можно по-настоящему потолковать. Любое заведение в городе, только назовите – и я вас туда отведу. Для меня оно того стоит, а для вас будет стоять еще больше. Сами убедитесь. Можно там еще выпить или, глядишь, перекусим чего-нибудь. Послушайте... – он схватил миссис Куилл за плечо, – а хотите в отель «Вашингтон»?

Поначалу миссис Куилл не отозвалась, но когда осознала, что он предлагает, – ответила, что это ей очень и очень по душе, и голос у нее дрожал от чувства. Тоби соскочил с табурета, натянул шляпу себе чуть ли не на нос и двинулся вон из бара со словами:

– Тогда пошли, – через плечо миссис Куилл. Виделась в нем досада, но и решимость.

Миссис Куилл взяла руку Пасифики в свою и сообщила, что едет в отель «Вашингтон».

– Будь хоть малейшая возможность, я бы взяла тебя с нами, Пасифика, честное слово. Очень нехорошо мне от того, что еду туда без тебя, но я не вижу возможности взять тебя с собой, а ты?

– Ну-ну, не стоит из-за этого волноваться, миссис Куилл. Мне и тут неплохо, – ответила Пасифика искренне уставшим от жизни тоном.

– В том заведении обжуливают, – произнес Лу.

– О нет, – ответила Пасифика, – то очень славное заведение, очень красивое. Она там прелестно проведет время. – Пасифика ущипнула Лу. – Ты не знаешь, – добавила ему она.

Миссис Куилл медленно вышла из бара и приблизилась к Тоби на тротуаре. Они сели в коляску и тронулись к отелю. Тоби молчал. Он развалился на сиденье и закурил сигару.

– Жалею я, что вообще изобрели автомобили, – промолвила миссис Куилл.

– С ума сойти можно было б, перебираясь с одного места в другое, если б не изобрели.

– Ой нет. Я никогда не спешу. Нет ничего такого, что не могло бы обождать.

– Это вы так считаете, – сварливо проговорил Тоби, ощущая, что именно с этим в миссис Куилл ему и предстоит сражаться. – Ведь Военный Корабль^[8] или же любая другая лошадь приходит первой из-за этой лишней секунды, – сказал он.

– Ну, жизнь вам не скачки.

– В наши дни именно они жизнь и есть.

– Ну, только не для меня, – произнесла миссис Куилл.

Тоби с души воротило.

Дорожка к веранде отеля «Вашингтон» была усажена африканскими финиковыми пальмами. Сам отель смотрелся очень внушительно. Они вышли из экипажа. Тоби стоял посередине дорожки между чахлыми пальмами и рассматривал здание. Все оно горело огнями. Миссис Куилл стояла обок Тоби.

– Спорить готов, за выпивку они тут деньги выкачивают, – промолвил Тоби. – Могу спорить, прибыль тут у них двести процентов.

– Ох, прошу вас, – выговорила миссис Куилл, – если чувствуете, будто вам не по карману, давайте сядем в экипаж и поедем обратно. Все равно поездка приятная. – Сердце у нее билось очень быстро.

– Да не глупите вы, черт бы драл! – сказал ей Тоби, и они двинулись к отелю.

Пол в вестибюле был из поддельного желтого мрамора. В одном углу стоял журнальный киоск, где гостям продавали жевательную резинку и открытки с видами, карты и сувениры. У миссис Куилл было такое чувство, будто она только что сошла на берег с судна. Побродила кругами, а Тоби направился прямо к человеку за прилавком и спросил у него, где тут можно выпить. Тот предложил Тоби выйти на террасу.

– Обычно все идут туда, – сказал он.

Они уселись за столик с краю террасы, и им открылся очень славный вид на участок пляжа и море.

Между ними на столике размещалась маленькая лампа с розоватым абажуром. Тоби тут же завозился с этим абажуром. Сигара у него уже очень укоротилась и очень раскисла.

Там и сям на террасе тихонько беседовали небольшие компании людей.

– Тухло! – произнес Тоби.

– О, а мне кажется, тут прелестно, – сказала миссис Куилл. Она немного дрожала, потому что из-за плеча у нее дул ветер, и был он намного холодней, чем в Колоне.

Подле них стоял официант с карандашом наготове, ожидал заказа.

– Вы чего хотите? – спросил Тоби.

– Что б вы посоветовали, молодой человек, только чтобы очень вкусное? – спросила миссис Куилл, оборачиваясь к официанту.

– Фруктовый пунш а-ля отель «Вашингтон», – резко ответил официант.

– Это и *впрямь* хорошо, кажется.

– Ладно, – вымолвил Тоби, – тащите один такой, а мне – чистый ржаной.

Когда миссис Куилл отхлебнула уже порядочно из своего стакана, Тоби заговорил с нею.

– Так у вас, значит, капуста есть, вы только марафет наводить никогда не беспокоились.

– М-м-м-м-м! – ответила миссис Куилл. – В этом напитке у них все фрукты на свете. Боюсь, я себя веду, как маленький ребенок, но никому на свете хорошее не нравится больше, чем мне. Конечно, мне никогда не выпадало обходиться без этого хорошего, между прочим.

– Вы ж не зовете то, как живете, хорошим в жизни, а? – спросил Тоби.

– Живу я гораздо лучше, чем вы думаете. Откуда вам знать, как я живу?

– Ну, могли бы жить и пошикарней, – ответил Тоби, – и далось бы это вам запросто. То есть заведение можно улучшить запросто.

– Вероятно, запросто и было б, не правда ли?

– Ага. – Тоби подождал, не скажет ли она чего-нибудь еще сама, прежде чем вновь к ней обратиться.

– Возьмите всех людей вот тут, – проговорила миссис Куилл. – Их немного, но можно предположить, что все они соберутся вместе, а не останутся по двое и по трое. Коль скоро все они живут в этом роскошном отеле, кажется, будто надевают они свои бальные наряды и ежеминутно веселятся от души, а не любуются видом с террасы или читают. Можно подумать, они всегда будут наряжаться и флиртовать друг с дружкой, а не носить эту обычную одежду.

– Спортивная на них одежда, – вымолвил Тоби. – Не желают они морочиться и наряжаться. Возможно, они сюда приехали отдохнуть. Вероятно, деловые люди. Может, кто-то из них вхож в высшее общество. Такие тоже отдыхают. Дома у них столько всяких мест, где можно красоваться.

– Ну, я б не стала платить такие деньжищи только ради того, чтоб отдохнуть. Я б лучше дома осталась.

– А разницы никакой. У них много.

– И то верно. Грустно-то как, а?

– Ничего грустного я в этом не вижу. Мне грустно другое, – сказал Тоби, подаваясь вперед и вминая сигару в пепельницу, – грустно видеть мне, что у вас эти бар с гостиницей, а вы на них недостаточно зарабатываете.

– Да, ужас какой, а?

– Мне нравитесь вы и не нравится видеть, что вы не получаете того, что могли бы. – С некоторой нежностью он взял ее руку в свои. –

Так вот, а я знаю, что можно сделать с вашим заведением. Я ж вам уже говорил. Вы помните, что я вам уже говорил?

– Ну, вы мне много чего наговорили.

– Тогда скажу опять. Я всю свою жизнь работаю с ресторанами, барами и гостиницами и придаю им разгона. Я сказал – запускаю. Будь у меня сейчас капуста, не случись так, что нынче я на мели из-за того, что пришлось выручать брата и его семью из передрыги, я бы взял эту свою капусту, вы б и слова поперек сказать не успели, и вложил бы в ваше заведение, и подправил бы его. Я же знаю, что вложенные средства мне сразу и вернуться, как ни кинь, поэтому вовсе б не было это никакой благотворительностью.

– Разумеется б не было, – согласилась миссис Куилл. Голова у нее слегка покачивалась из стороны в сторону. На Тоби она взирала сияющими глазами.

– Ну, мне полегче б надо до следующего октября, там крупный контракт светит. Договор с сетью. Сейчас немного денег мне б не повредило, но суть не в этом.

– Не трудитесь объяснять, Тоби, – молвила миссис Куилл.

– Вы в каком это смысле – не трудитесь объяснять? Вам разве не интересно, что мне вам есть сказать?

– Тоби, мне интересно каждое ваше слово. Но вам не след волноваться из-за выпивки. Ваш друг Флора Куилл говорит вам, что не сто́ит. Мы тут приятно отдыхаем и, господь свидетель, приятно отдыхать будем и дальше, не правда ль, Тоби?

– Ага, только давайте я вам это все-таки растолкую. Думаю, вот какова причина того, что вы ничего не сделали с заведением: вы просто не знали, наверно, с чего начать. Понимаете? За какие рычаги дергать, не знаете. А вот я знаю все про то, как добывать оркестры, плотников и официантов – задешево. Я все это умею. У вас есть имя, и многим нравится к вам туда приходить даже теперь, потому что можно прямо из бара уйти наверх. Пасифика – это важно, потому как она знает всех парняг в городе и нравится им, а они ей доверяют. Беда же в том, что у вас там нет атмосферы, никаких ярких огней, нет танцев. Там некрасиво и маловато места. Люди ходят в другие заведения, а потом заявляются к вам, попозже. Сразу перед тем, как лечь спать. На вашем месте я бы в гробу вертелся. Мясо же другим достается. А вам совсем чутка перепадает. То, что на самой кости остается, видите?

– Чем ближе к кости, тем мясо слаще, – ответила миссис Куилл.

– Эй, да мне вообще имеет смысл с вами разговаривать или вы глупить будете? Я серьезно. Значит, какие-то деньги в банке у вас есть. У вас же есть деньги в банке, нет?

– Да, в банке деньги у меня есть, – ответила миссис Куилл.

– Ладно. Значит, тогда вы мне даете ваше заведение подправить. Я вас от всего этого освобожу. Вам надо будет только полеживать да выручку лопатой грести.

– Чепуха, – сказала миссис Куилл.

– Будет же вам, – сказал Тоби, уже начиная сердиться. – Я ж у вас ничего не прошу, кроме разве что маленькой доли с заведения и чутка налички, чтоб какое-то время расходы оплачивать. Я все это могу вам сделать дешево и быстро – и управлять заведением сумею так, что стоить оно вам будет ненамного больше того, что стоит сейчас.

– Но это же чудесно, Тоби, я считаю. Мне кажется, это чудесно.

– Не надо мне рассказывать, что это чудесно. Я и сам знаю. Это не чудесно, а шикарно. Времени нам терять никак нельзя. Выпейте еще.

– Да, да.

– Трачу на вас свой последний цент, – безрассудно произнес он.

Миссис Куилл уже опьянела и лишь кивала ему в ответ.

– Оно того стоит. – Тоби откинулся на спинку стула и оглядел дали. Высчитывал в голове он очень увлеченно. – Сколько процентов от заведения, считаете, мне следует получать? Не забывайте, я всем этим для вас год буду управлять.

– Ох, батюшки, – ответила миссис Куилл, – вот уж ни малейшего понятия не имею. – И она ему блаженно улыбнулась.

– Ладно. Какой аванс вы мне дадите, чтоб я только задержался тут, пока все заведение не раскочегарю?

– Не знаю.

– Ну, давайте тогда прикинем так, – осторожно произнес Тоби. Он еще не был уверен, что сделал верный ход. – Поступим вот как. Я не хочу, чтоб вы делали больше того, что можете. Я хочу тут с вами договориться. Вы мне скажете, сколько у вас денег в банке. Тогда я прикину, сколько вам будет стоить подправить ваше заведение, а потом – какой минимум мне, считаю, нужен. Если у вас немного, обанкротиться вам я не дам. Вы со мной честно – и я с вами честно.

– Тоби, – серьезно промолвила миссис Куилл, – вы разве не считаете меня честной женщиной?

– Что за черт? – сказал Тоби. – Думаете, я стал бы вам такое предложение делать, если б вас такой не считал?

– Нет, наверное, не стали б, – грустно ответила миссис Куилл.

– Сколько у вас? – спросил Тоби, пристально глядя на нее.

– Чего? – спросила миссис Куилл.

– Сколько денег у вас в банке?

– Я покажу вам, Тоби. Вот прямо сейчас я вам все и покажу. – Она принялась шарить у себя в большом кошельке из черной кожи.

Тоби стиснул челюсти, а взгляд от лица миссис Куилл отвел.

– Бардак... бардак... бардак, – повторяла миссис Куилл. – У меня в этом кошельке все, кроме кухонной плиты.

Глаза Тоби как-то остановились, пока он пристально смотрел сперва на воду, а потом на пальмы. Он размышлял о том, что уже выиграл, и ему начинало становиться не очень понятно, хорошо ли это на самом деле.

– Батюшки-светы, – сказала миссис Куилл, – живу я, как цыганка. Двадцать два пятьдесят в банке, а мне даже и дела нет.

Тоби выхватил кошелек у нее из рук. Увидев, что действительно значится баланс в двадцать два доллара и пятьдесят центов, он поднялся на ноги и, скомкав в одной руке салфетку, а шляпу свою держа другой, сошел с террасы.

После того как Тоби столь внезапно покинул стол, миссис Куилл стало за себя очень стыдно.

«Его от меня воротит, – подумала она, – он мне даже в лицо поглядеть не может, чтоб его при этом не стошнило. Оно потому, что он меня считает малахольной – разгуливаю эдакая веселая, а в банке у меня всего лишь двадцать два пятьдесят. Так-так, что ж – наверное, пора мне начать чуточку больше хлопотать. Когда вернется, скажу ему, что начну с чистого листа».

Все уже ушли с террасы, если не считать того официанта, который обслуживал миссис Куилл. Он стоял, заложив руки за спину, и таращился прямо перед собой.

– Присядьте ненадолго да поговорите со мной, – сказала ему миссис Куилл. – Мне одиноко на этой темной старой террасе. Вообще-то она очень красивая. Можете рассказать мне что-нибудь о себе. Вот

сколько денег у вас в банке? Я знаю, вы считаете, что с моей стороны спрашивать о таком нагло, но мне правда очень бы хотелось знать.

– Что ж нет? – отозвался официант. – У меня в банке около трехсот пятидесяти долларов. – Садиться он не стал.

– А откуда они у вас? – спросила миссис Куилл.

– От моего дяди.

– Вы, наверно, чувствуете себя обеспеченным.

– Нет.

Миссис Куилл задумалась, вернется ли Тоби вообще. Она сжала руки и осведомилась у молодого официанта, не знает ли тот, куда ушел господин, сидевший с нею рядом.

– Домой, видимо, – ответил официант.

– Ну а позвольте мне разок в вестибюль заглянуть, – нервно попросила миссис Куилл. И поманила официанта за собой.

Они вошли в вестибюль и вместе обшарили взглядами лица гостей, либо стоявших кучками, либо сидевших вдоль стены в креслах. Теперь в отеле стало гораздо оживленнее, чем когда миссис Куилл только приехала сюда с Тоби. Ее глубоко обеспокоило и задело то, что она его нигде не видит.

– Наверно, поеду-ка я домой, дать вам поспать, – рассеянно проговорила она официанту, – но сначала нужно купить что-нибудь Пасифике... – Ее билa легкая дрожь, но одна мысль о Пасифике наполнила мисс Куилл уверенностью. – Какая жуть, какой ужас и подлость – остаться одной на свете даже на минутку, – сказала она официанту. – Пойдемте со мной, поможете мне что-нибудь выбрать, ничего существенного – просто что-нибудь на память об отеле.

– Все эти сувениры одинаковы, – промолвил официант, неохотно плетясь за нею следом. – Просто куча хлама. Не знаю я, чего хочется вашей подруге. Можете вот кошелек ей купить, на котором нарисовано «Панама».

– Нет, я хочу, чтоб там особо значилось название отеля.

– Ну, – ответил официант, – большинство на такое не клюет.

– Ох, батюшки..., ох батюшки, – выразительно проговорила миссис Куилл, – неужто все обязательно должны мне сообщать, как поступают другие? Мне только что хватило этого по горло. – Она дошагала до журнального киоска и обратилась к молодому человеку за

прилавком: – Так, я хочу чего-нибудь, где написано «Отель “Вашингтон”». Для женщины.

Юноша проверил товар и вытащил носовой платок, в уголке которого были нарисованы две пальмы и значились слова «На память о Панаме».

– Но большинство предпочитает вот это, – проговорил он, извлекая из-под прилавка громадную соломенную шляпу и водружая ее себе на голову. – Видите, дает столько же тени, сколько зонтик, и очень к лицу. – На шляпе вообще ничего написано не было. – А этот платочек, – продолжал молодой человек, – большинство людей считает, ну, знаете...

– Мой дорогой юноша, – проговорила миссис Куилл, – я недвусмысленно сообщила вам, что желаю, чтобы на этом подарке стояли слова «Отель “Вашингтон”», а если возможно – еще и изображение отеля.

– Но, дама, никому же такого не надо. У себя на сувенирах люди не хотят изображений отеля. Пальмы, закаты, даже мосты иногда – но не отели.

– У вас есть что-нибудь со словами «Отель “Вашингтон”» или нет? – произнесла миссис Куилл, возвысив голос.

Продавец начал злиться.

– *Есть*, – ответил он, сверкнув глазами, – если будете добры подождать минутку, мадам. – Он открыл калитку в прилавке и вышел в вестибюль. Вернулся он скоро, неся тяжелую черную пепельницу, которую и поставил перед миссис Куилл на прилавок. Посередине пепельницы желтыми буквами было оттиснуто название отеля.

– Вы такого рода вещь хотели? – спросил продавец.

– Ну да, – ответила миссис Куилл, – такого.

– Хорошо, мадам, это будет пятьдесят центов.

– Не стоит она столько, – прошептал миссис Куилл официант.

Миссис Куилл порылась у себя в сумочке; ей удалось отыскать в ней не больше четвертачка мелочью, а купюр там не оказалось вовсе.

– Послушайте, – сказала она молодому человеку, – я владелица «Отеля де Лас Пальмас». Я вам покажу свою банковскую книжку, там впереди написан мой адрес. Вы можете мне поверить с этой пепельницей всего лишь разок? Видите ли, я приехала сюда со

знакомым господином, но у нас случилась размолвка, и он уехал домой раньше меня.

– Ничем не могу помочь, мадам, – вымолвил продавец.

Между тем один из помощников управляющего, наблюдавший за компанией у журнального киоска из другого угла вестибюля, счел, что пора вмешаться. Он все подозрительней относился к миссис Куилл, которая вовсе не казалась ему отвечающей стандартам прочих гостей – даже издали. Кроме того, он не понимал, что может так надолго задержать официанта у журнального киоска. И вот он к ним подошел с таким серьезным и глубокомысленным видом, на какой был вообще способен.

– Вот моя банковская книжка, – как раз говорила миссис Куилл продавцу.

Официант, видя приближение помощника управляющего, испугался и тут же вручил миссис Куилл счет за напитки, которые та употребила вместе с Тоби.

– На террасе вы должны шесть долларов, – сказал ей он.

– Он разве за них не заплатил? – спросила она. – Наверное, был в жутко расстроенных чувствах.

– Могу ли я чем-то помочь? – осведомился у миссис Куилл помощник управляющего.

– Уверена, что можете, – ответила та. – Я владелица «Отеля де Лас Пальмас».

– Прошу прощения, – сказал управляющий, – но мне «Отель де Лас Пальмас» неизвестен.

– Что ж, – проговорила миссис Куилл, – а у меня при себе нет денег. Сюда я приехала с одним господином, у нас вышла размолвка, но у меня с собой банковская книжка, и она вам докажет, что деньги у меня появятся, как только завтра я сбегаю в банк. Чек подписать я не могу, потому что средства на сберегательном счету.

– Простите, – сказал помощник управляющего, – но кредит мы предоставляем только гостям, проживающим у нас в отеле.

– У себя в отеле я тоже так делаю, – произнесла миссис Куилл, – если это не что-то чрезвычайное.

– Наше правило – никогда не предоставлять кредит...

– Я хотела взять эту пепельницу домой своей подруге. Вашим отелем она восхищена.

– Эта пепельница – собственность отеля «Вашингтон», – проговорил помощник управляющего, сурово нахмурившись продавцу, который быстро ответил:

– Ей хотелось чего-то такого, на чем написано «Отель “Вашингтон”». У меня ничего не было, и я решил продать ей одну такую... за пятьдесят центов, – добавил он, подмигнув помощнику управляющего – тот чем дальше, тем увереннее посматривал на них свысока.

– Эти пепельницы, – повторил он, – собственность отеля «Вашингтон». У нас в запасе их ограниченное количество, и все доступные пепельницы у нас в постоянном употреблении.

Чтобы не потерять работу, продавец, не желая иметь к пепельнице больше никакого отношения, отнес ее обратно на тот стол, с которого вначале ее забрал, и вновь занял свое место за прилавком.

– Так желаете либо платочек, либо шляпу? – осведомился он у миссис Куилл как ни в чем не бывало.

– У нее и так хоть отбавляй платочков и шляп, – ответила та. – Я, наверно, лучше поеду домой.

– Вы не будете против пройти со мною к стойке и уплатить по счету? – спросил помощник управляющего.

– Ну, если вы только подождете до завтра...

– Боюсь, это совершенно точно против правил нашего отеля, мадам. Будьте добры пройти со мною вот сюда. – Он повернулся к официанту, внимательно следившему за разговором. – *Te necesitan afuera*^[9], – сказал ему он, – ступай.

Официант открыл было рот что-то сказать, но счел, что не стоит, и медленно ушел на террасу. Миссис Куилл заплакала.

– Минуточку, – сказала она, вынимая из сумочки носовой платок, – погодите минутку, мне бы хотелось позвонить моей подруге Пасифике.

Помощник управляющего показал ей на телефонные кабинки, и она поспешила прочь, пряча лицо в платок. А через пятнадцать минут вернулась, рыдая еще горестнее прежнего.

– За мною едет миссис Копперфилд – я ей все об этом рассказала. Наверно, посижу тут где-нибудь и подожду.

– А эта миссис Копперфилд располагает средствами, необходимыми для покрытия вашей задолженности?

– Не знаю, – ответила миссис Куилл, отходя от него.

– Хотите сказать, что вы не знаете, сможет она расплатиться по вашему счету или нет?

– Да, да, она за меня заплатит. Прошу вас, дайте мне присесть вон там.

Управляющий кивнул. Миссис Куилл рухнула в кресло, стоявшее под пальмой. Лицо она прикрыла руками и продолжала плакать.

Через двадцать минут явилась миссис Копперфилд. Несмотря на жару, на ней было манто из чернобурки, которое она прихватила в Панаму с собой носить только на горных высотах.

Хотя она потела и скверно накрасилась, но почти не сомневалась, что из-за манто служащие отеля отнесутся к ней с некоторой долей почтения.

Проснувшись-то она намного раньше и вновь была чуточку пьяна. Теперь же подскочила к миссис Куилл и поцеловала ту в макушку.

– Где тот, из-за кого вы плачете? – спросила она.

Миссис Куилл огляделась заплаканными глазами и показала на помощника управляющего. Миссис Копперфилд поманила его указательным пальцем.

Тот подошел к ним, и она его спросила, где ей можно достать цветов для миссис Куилл.

– Когда болит душа или тело, цветы – лучшее средство, – сказала ему она. – У нее жуткое напряжение. Не принесете ли цветов? – спросила она, доставая из ридикюля двадцатидолларовую купюру.

– В отеле нет цветочника, – ответил помощник управляющего.

– Это не очень роскошно, – произнесла миссис Копперфилд.

Тот не ответил.

– Тогда что ж, – продолжала она, – тогда за неимением лучшего возьмите ей что-нибудь славного выпить. Предлагаю всем нам пойти в бар.

Помощник управляющего отказался.

– Но, – произнесла миссис Копперфилд, – я настаиваю на том, чтоб вы с нами пошли. Я желаю с вами кое-что обсудить. Сдается мне, вы себя вели ужасно.

Помощник управляющего устался на нее.

– А самое ужасное в вас, – продолжала миссис Копперфилд, – в том, что сейчас, когда знаете, что ваш счет оплатят, вы такой же

брюзга, что и прежде. Тогда вы были гадкий хлопотун – и сейчас гадкий хлопотун. Выражение у вас на лице ничуть не изменилось. Опасен тот, кто откликается более-менее одинаково и на хорошие вести, и на скверные.

Поскольку он даже не попытался заговорить, она продолжала:

– Вы не только ни с того ни с сего совершенно расстроили миссис Куилл, но и мне все удовольствие испортили. Вы даже не умеете угождать богатым. – Помощник управляющего вздел брови. – Вам такого не понять, но я вам все равно скажу. Сюда я приехала по двум причинам. Первая, само собой, – выручить мою подругу миссис Куилл из неприятности; а вторая причина – чтобы увидеть, какое у вас станет лицо, когда вы сообразите, что счет, оплаты которого вы и не ждали, все-таки в конце концов окажется оплачен. Я рассчитывала на то, чтобы пронаблюдать эту перемену. Вы же понимаете, если враг обращается другом, это всегда ужасно будоражит. Вот почему в хорошем кино герой часто терпеть не может героиню до самого конца. Но вы, разумеется, и не мечтаете поступиться своими принципами. Считаете, что это дешевка – превратиться в любезного человека, потому что обнаружили деньги там, где были уверены, что их не будет. Вы считаете, богатые против? Да им их вечно мало. Им хочется нравиться и за их деньги в том числе, а не только за то, какие они люди. Из вас даже управляющий отелем не очень хороший. Во всем вы определено хам.

Помощник управляющего свысока с презреньем глянул на запрокинутое лицо миссис Копперфилд. Он ненавидел ее резкие черты и ее высокий голос. Он полагал, что она еще омерзительнее миссис Куилл. Да и вообще не очень любил женщин.

– Нет в вас воображения, – сказала она, – *вообще никакого!* Все мимо вас. Где мне оплатить по счету?

Всю дорогу домой миссис Копперфилд было грустно, потому что миссис Куилл держалась чинно и отстраненно, а вовсе не расточала ей благодарности, на какие миссис Копперфилд рассчитывала.

Рано поутру миссис Копперфилд и Пасифика вместе были в спальне у Пасифики. Небо начинало светлеть. Миссис Копперфилд никогда еще не видела Пасифику такой пьяной. Волосы у девушки на голове стояли дыбом. Походило на парик, слишком тесный для той,

кто его носит. Зрачки у нее стали очень крупными и слегка затянулись пленкой. Спереди на ее клетчатой юбке расплзлось большое темное пятно, а изо рта крепко пахло виски. Она доковыляла до окна и выглянула наружу. В комнате было довольно темно. Миссис Копперфилд едва умела различить красные и лиловые квадраты на юбке у Пасифики. А ног ее вообще разглядеть не могла, такими глубокими были тени, но хорошо знала, что там толстые чулки из желтого шелка и белые тапки.

– Такая прелесть, – произнесла миссис Копперфилд.

– Красота, – отозвалась, оборачиваясь, Пасифика, – красота. – Она шатко побродила по комнате. – Слушайте, – сказала она, – чудеснее всего сейчас пойти на пляж и выкупаться. Если у вас хватит денег, можем нанять таксомотор и съездить. Поехали? Поедете?

Миссис Копперфилд очень и очень этому поразилась, но Пасифика уже стаскивала с кровати одеяло.

– Пожалуйста, – промолвила она. – Вам не знать, как я буду довольна. А вы прихватите вон то полотенце.

Пляж располагался не очень далеко. Когда они приехали, Пасифика велела таксисту вернуться за ними через два часа.

Весь берег усеивали камни; миссис Копперфилд это огорчило. Хотя ветер дул не очень сильно, она заметила, что верхние ветви пальм трясет.

Пасифика разделась и тут же вошла в воду. Постояла немного, широко расставив ноги, а вода едва доходила ей до голеней; миссис Копперфилд же сидела на камне и раздумывала, раздеваться ли и ей тоже или все-таки не стоит. Вдруг донесся всплеск, и Пасифика поплыла. Сначала на спине, потом на животе, и миссис Копперфилд была уверена, что слышит, как девушка поет. Наконец, утомившись плескаться в воде, Пасифика встала и направилась к пляжу. Шла она громадными шагами, а мокрые волосы свисали у нее с лобка между ног и по ним струилась вода. Миссис Копперфилд немного смутилась, но Пасифика плюхнулась с нею рядом и спросила, почему она не заходит в воду.

– Не умею плавать, – ответила миссис Копперфилд.

Пасифика возвела взгляд к небу. Теперь стало понятно, что день будет не вполне погожим.

– Зачем сидите на этом жутком камне? – спросила Пасифика. – Давайте раздевайтесь, и пойдём в воду. Научу вас плавать.

– Мне никогда не удавалось научиться.

– Я научу. А если все равно не сумеете, брошу вас тонуть. Нет, это просто шутка. Не воспринимайте всерьёз.

Миссис Копперфилд разделась. Она была очень бледной и худенькой, а позвоночник у нее выпирал по всей ее спине. Пасифика оглядела ее тело, но ничего не сказала.

– Я знаю, у меня ужасная фигура, – промолвила миссис Копперфилд.

Пасифика не ответила.

– Пошли, – сказала она, встав и обвив миссис Копперфилд рукою за талию.

Зайдя в воду по бедра, они встали лицом к пляжу и пальмам. Казалось, что деревья шевелятся за дымкой. Пляж был бесцветен. Небо у них за спинами светлело очень быстро, а вот море все еще было чуть ли не черным. Миссис Копперфилд заметила у Пасифики на губе красную болячку герпеса. С волос у нее вода капала ей на плечи.

Девушка отвернулась от пляжа и повлекла миссис Копперфилд дальше в воду.

Та держалась за руку Пасифики очень крепко. Вскоре вода подобралась ей к подбородку.

– Теперь ложитесь на спину. Я поддержу вам голову, – сказала Пасифика.

Миссис Копперфилд панически огляделась, но подчинилась и всплыла на спину – раскрытой ладонью Пасифика поддерживала ее только под голову, чтобы миссис Копперфилд не утонула. Та разглядела собственные узкие стопы, всплывшие на поверхность. Девушка поплыла, таща за собою миссис Копперфилд. Раз гребла она только одной рукой, задача ее была трудна, и вскоре она уже засопела, как буйвол. Касание ее руки к голове миссис Копперфилд было очень легким – на самом деле легким до того, что миссис Копперфилд опасалась с минуты на минуту остаться совсем одна. Она посмотрела вверх. Все небо забило серыми облаками. Ей хотелось что-то сказать Пасифике, но она не осмеливалась повернуть голову.

Пасифика подплыла немного ближе к берегу. Вдруг встала на ноги и обе руки твердо подвела под копчик миссис Копперфилд. Той стало

одновременно счастливо и тошно. Она повернула голову и при этом чиркнула щекой по тяжелому животу Пасифики. Миссис Копперфилд вцепилась ей в бедро, в хватке ее чувствовалась вся сила прожитых годов печали и разочарования.

– Не бросайте меня, – выкликнула она.

В тот миг миссис Копперфилд отчетливо вспомнился сон, снившийся ей в жизни часто. Вверх по невысокому холму за нею гонится собака. На вершине стоят несколько сосен и манекен футов восьми ростом. Она приблизилась к манекену и обнаружила, что девушка эта сработана из плоти – только в ней нет жизни. Одета она в платье черного бархата, сильно сужающееся к подолу. Миссис Копперфилд туго обвила одну руку манекена себе вокруг талии. Ее поразила и очень обрадовала толщина той руки. Другую руку манекена своею свободной рукой она согнула в локте вверх. Потом манекен взялся раскачиваться взад и вперед. Миссис Копперфилд льнула к нему все тесней, и вот уже вместе они рухнули с вершины холма и довольно далеко катились по склону, пока не замерли на небольшой дорожке, где и остались в крепких объятьях друг у дружки. Эту часть сна миссис Копперфилд любила больше всего; и то, что весь путь с холма этот манекен служил буфером между нею и битыми бутылками и камешками, по которым они катились, сообщало ей особенное удовлетворенье.

На мгновение Пасифика воскресила душевное содержание ее сна, и это миссис Копперфилд сочла явною причиной для ее собственного своеобразного ликования.

– Теперь, – произнесла Пасифика, – если не возражаете, я еще разок сама сплаваю. – Но сперва она помогла миссис Копперфилд встать на ноги и довела ее до пляжа, где та рухнула на песок и поникла головой, словно увядший цветок. Она дрожала и вся вымоталась, словно после любовного переживания. Подняла взгляд на Пасифику, а та заметила, что глаза у нее сияют сильнее и мягче, нежели она замечала прежде.

– Вы бы почаще заходили в воду, – сказала Пасифика, – а то слишком много сидите дома.

Она вновь добежала до воды и много раз проплыла туда и обратно. Море теперь стало синим и гораздо более беспокойным. Однажды посреди заплыва Пасифика прилегла отдохнуть на крупный

плоский валун, который открылся отливом. Лежала она прямо под бледными лучами дымчатого солнца. Трудно было миссис Копперфилд вообще ее видеть, и вскорости она уснула.

Вернувшись в гостиницу, Пасифика объявила миссис Копперфилд, что спать будет как убитая.

– И надеюсь не просыпаться десять дней, – добавила девушка.

Миссис Копперфилд посмотрела, как она ковыляет по ярко-зеленому коридору, зевая и тряся головой.

– Две недели спать буду, – снова сказала Пасифика, а потом зашла к себе в комнату и захлопнула за собою дверь. У себя миссис Копперфилд сочла, что ей лучше позвонить мистеру Копперфилду. Спустилась и вышла на улицу, которая, казалось, вся шевелилась, как и в первый день по ее приезде. Кое-кто уже сидел на своих балконах и смотрел на нее сверху. К ней переходила улицу очень худая девушка в красном шелковом платье по щиколотку. Выглядела она удивительно юно и свежо. Подойдя к ней ближе, миссис Копперфилд решила, что она малайка. Миссис Копперфилд аж вздрогнула, когда девушка остановилась прямо перед ней и обратилась к ней на чистом английском.

– Где это вы были, что у вас все волосы мокрые? – спросила она.

– Купалась с подругой. Мы... мы рано утром съездили на пляж. – Разговаривать миссис Копперфилд не очень хотелось.

– На какой пляж? – спросила девушка.

– Не знаю, – ответила миссис Копперфилд.

– Ну а вы туда пешком дошли или доехали?

– Доехали.

– Тут, наверное, поблизости и нет таких пляжей, куда можно дойти, – проговорила девушка.

– Нет, наверное, нету, – ответила миссис Копперфилд, вздыхая и озираясь. Девушка пошла с нею рядом.

– Вода холодная была? – спросила она.

– И да, и нет, – ответила миссис Копперфилд.

– А вы голышом с подругой купались?

– Да.

– Значит, других людей вокруг не было, наверное.

– Нет, там не было ни души. А вы плаваете? – спросила у девушки миссис Копперфилд.

– Нет, – ответила та. – Я к воде и близко не подхожу. – Голос у девушки звучал пронзительно. У нее были светлые волосы и брови. Легко могла оказаться отчасти англичанкой. Миссис Копперфилд решила не уточнять. Повернулась к девушке.

– Мне нужно позвонить. Где ближайшее заведение с телефоном?

– Приходите в ресторан Билла Грея. Там у них очень прохладно. Обычно по утрам я там и пью, как рыба. К полудню уже такая пьяная, что глаза разъезжаются. Шокирую туристов. Я наполовину ирландка, наполовину яванка. А они пари держат, кто я. Кто выигрывает – ставит мне выпивку. Угадайте, сколько мне.

– Бог его знает, – ответила миссис Копперфилд.

– Так вот, мне шестнадцать.

– Весьма возможно, – промолвила миссис Копперфилд. Казалось, что девушка чем-то раздражена. Молча дошли они до ресторана Билла Грея, а там девушка втокнула миссис Копперфилд в двери и далее – к столику в самой середине ресторана.

– Садитесь и закажите, чего желаете. За мой счет, – сказала девушка.

У них над головами жужжал электрический вентилятор.

– Ну не восхитительно ли здесь? – сказала она миссис Копперфилд.

– Дайте мне сначала позвонить, – проговорила та – она была в ужасе, что мистер Копперфилд мог вернуться несколько часов назад и сейчас, вот в этот самый миг, нетерпеливо ждет ее звонка.

– Звоните сколько влезет, – сказала девушка.

Миссис Копперфилд зашла в кабинку и позвонила мужу. Тот сообщил, что прибыл недавно, сейчас позавтракает, а потом придет к ней в ресторан Билла Грея. Звучал он холодно и устало.

Беспокойно дожидаясь ее возвращения, девушка заказала два «старомодных»^[10]. Миссис Копперфилд вернулась за столик и плюхнулась на место.

– Никогда по утрам не могу спать допоздна, – произнесла девушка. – Мне даже ночью спать не нравится, если есть чем заняться получше. Мать мне говорила, что я нервная, как кошка, но очень

здоровая. Я ходила в танцевальную школу, но слишком ленилась учиться.

– А где вы живете? – спросила миссис Копперфилд.

– Я живу одна в гостинице. У меня много денег. Один мужчина из Армии в меня влюблен. Он женат, но я больше ни с кем не хожу. Он мне дает много денег. А дома у него денег еще больше. Я вам куплю все, чего захотите. Только никому больше тут не говорите, что у меня есть деньги на других. Им я никогда ничего не покупаю. Они меня достают. У них такая ужасная жизнь. Такая дешевка; такая глупость; до того все это глупо! Они никогда не остаются одни. А у меня две комнаты. Можете пожить в одной, если пожелаете.

Миссис Копперфилд ответила, что ей не понадобится, очень твердо. Девушка ей ничуть не понравилась.

– Как вас зовут? – спросила у нее та.

– Фрида Копперфилд.

– А меня звать Пегги – Пегги Глэдис. Вы мне показались такой обаяшкой с этими своими мокрыми волосами и носиком, он у вас так сиял. Вот поэтому я вас и позвала выпить.

Миссис Копперфилд дернулась.

– Не смущайте меня, пожалуйста, – сказала она.

– Ой, дайте же мне вас посмущать, обаяшка. Допивайте, я вам еще возьму. Может, вы проголодались и хотели бы стейка?

У девушки были яркие глаза ненасытной нимфоманки. На запястье она носила нелепые часики на черной ленточке.

– Я живу в «Отеле де Лас Пальмас», – проговорила миссис Копперфилд. – Мы подруги с тамошней управляющей, миссис Куилл, и одной ее постоялицей, Пасификой.

– Никуда та гостиница не годится, – сказала Пегги. – Как-то вечером мы с парнями зашли туда выпить, и я им говорю: «Если сейчас же не повернетесь и отсюда не уйдете, я вам больше никогда не разрешу никуда меня водить». Дешевка это; жуть, а не заведение; а кроме того, там грязь и пакостно. Удивительно, что вы там живете. У меня гостиница намного лучше. Там даже некоторые американцы останавливаются, когда сходят на берег, если не едут в отель «Вашингтон». Гостиница называется «Гранада».

– Да, там и мы поначалу остановились, – ответила миссис Копперфилд. – Мой муж сейчас там. Мне кажется, это самое унылое

место, куда только ступала моя нога. Думаю, «Отель де Лас Пальмас» в сто миллионов раз приятнее.

– Но, – вымолвила девушка, в смятении широко открыв рот, – мне кажется, вы просто хорошенько к нему не присмотрелись. У себя по комнате я, конечно, разложила все свои вещи – совсем другое дело.

– Сколько вы уже там живете? – спросила миссис Копперфилд. Девушка эта совершенно ее озадачивала, и она ее немного жалела.

– Я там живу полтора года. Кажется, целую жизнь. Въехала туда вскоре после того, как познакомилась с этим мужчиной из Армии. Он ко мне очень славно относится. Думаю, я умнее его. Это потому, что я девушка. Мать мне говорила, что девушки никогда не такие тупые, как мужчины, поэтому я просто беру и делаю все, что считаю правильным.

Лицо у девушки выглядело проказливым и милым. На подбородке ямочка, а носик – маленький и вздернутый.

– Вот честно, – сказала она, – у меня денег целая куча. И я всегда еще больше могу раздобыть. Мне б очень хотелось достать вам все, что б вы ни пожелали, потому что мне очень нравится, как вы говорите, как смотрите и как движетесь; вы элегантны. – Она хихикнула и вложила сухую и грубую руку в руку миссис Копперфилд. – Пожалуйста, – сказала она, – будьте со мною любезны. Я нечасто вижу тех, кто мне нравится. Одно и то же дважды я никогда не делаю – вот правда не делаю. Уж давненько я никого к себе в комнаты не приглашала, потому что это неинтересно, а еще потому, что все очень пачкают. Но я же знаю, что вы ничего не испачкаете, поскольку могу сказать – вы из славного сословия людей. Люблю я тех, кто хорошо образован. Мне кажется, это чудесно.

– Мне столько всего душу гнетет, – промолвила миссис Копперфилд. – Обычно нет.

– Ну, так и не стоит об этом, – властно произнесла девушка. – Сейчас вы с Пегги Глэдис, и она платит за вашу выпивку от всего сердца. Такое прекрасное нынче утро. Смотрите бодрей! – Она взяла миссис Копперфилд за рукав и встряхнула ее.

Та же по-прежнему пребывала где-то глубоко в волшебстве своего сна и мыслях о Пасифике. Было ей не по себе, а электрический вентилятор, казалось, обдувал ей самое сердце. Она сидела, глядя прямо перед собой, не слушая ни слова из того, что произносила девушка.

Она не сумела бы сказать, сколько так грезила, когда опустила взгляд и увидела, что на блюде перед нею лежит омар.

– О, – вымолвила она, – я не могу это съесть. Съесть я это никак не смогу.

– Но я же заказала его вам, – сказала Пегги, – и сейчас пива к нему еще принесут. Ваш «старомодный» я попросила унести. Потому что вы к нему даже не притронулись. – Она подалась вперед через столик и подоткнула миссис Копперфилд салфетку под подбородок. – Поешьте, пожалуйста, дражайшая, – проговорила Пегги, – тогда вы мне такое удовольствие доставите.

– Вы что это делаете, по-вашему? – сварливо поинтересовалась миссис Копперфилд. – В дочки-матери играете?

Пегги рассмеялась.

– Кстати, – вымолвила миссис Копперфилд, – сюда к нам скоро придет мой муж. Он сочтет, что мы обе совершенно ополоумели, раз утром едим омара. Он такого не понимает.

– Ну так давайте же все съедим побыстрее, – ответила Пегги. На миссис Копперфилд она поглядела с тоской. – Вот бы он не пришел, – произнесла она. – А вы б не могли ему позвонить и сказать, чтоб не приходил?

– Нет, дорогая моя, не могла б. Кроме того, у меня нет ни малейшей причины велеть ему не приходиться. Мне и самой не терпится его увидеть. – Миссис Копперфилд не устояла против того, чтобы проявить к Пегги Глэдис немного садизма.

– Конечно же, вам хочется его увидеть, – сказала Пегги с очень робким и рассудительным видом. – Пока он тут, я посижу тихонько, честное слово.

– Вот как раз этого от вас я и не хочу. Когда придет, прошу вас – продолжайте балаболить.

– Конечно, дорогуша. Не волнуйтесь так.

Мистер Копперфилд явился, когда они ели омара. На нем был темно-зеленый костюм, и выглядел он до крайности хорошо. Подошел к ним, любезно улыбаясь.

– Привет, – сказала миссис Копперфилд. – Я очень рада тебя видеть. Ты очень хорошо выглядишь. Это Пегги Глэдис; мы только что познакомились.

Он пожал ей руку – похоже, был очень доволен.

– Что это такое вы тут едите? – спросил он у них.

– Омара, – ответили они. Он нахмурился.

– Но, – вымолвил он, – у вас же случится несварение – да еще и пиво пьете! Боже праведный! – Он сел. – Не хотел бы вмешиваться, конечно, – сказал мистер Копперфилд, – но это очень скверно. Ты завтракала?

– Не знаю, – умышленно ответила миссис Копперфилд. Пегги Глэдис расхохоталась. Мистер Копперфилд воздел брови.

– Должна же ты знать, – пробормотал он. – Не будь такой нелепой.

У Пегги Глэдис он спросил, откуда она.

– Из Панамы, – ответила ему та, – но наполовину ирландка, наполовину яванка.

– Понятно, – промолвил мистер Копперфилд. Он не переставал улыбаться ей.

– Пасифика спит, – вдруг произнесла миссис Копперфилд.

Мистер Копперфилд нахмурился.

– Право же, – изрек он, – ты туда вернешься?

– А как ты считаешь – что я собираюсь сделать?

– Нет никакого смысла задерживаться здесь. Я думал, мы сложим вещи. В Панаме я договорился. Отплыть можем завтра. Сегодня вечером мне нужно им позвонить. Я много чего узнал о разных странах в Центральной Америке. Нам можно будет пожить на чем-то вроде скотоводческого ранчо в Коста-Рике. Мне один мужчина об этом рассказал. Совершенно уединенное место. Туда нужно добираться речным суденышком.

Пегги Глэдис сидела со скучающим видом.

Миссис Копперфилд взялась руками за голову.

– Вообрази, как над скотиной порхают красные и синие гуакамайо, – смеясь, проговорил мистер Копперфилд. – Латиноамериканский Техас. Должно быть, там полное сумасшествие.

– Над скотиной порхают красные и синие гуакамайо, – повторила за ним следом Пегги Глэдис. – Что такое гуакамайо?

– Это громадные красные и синие птицы, более-менее как попугаи, – ответил мистер Копперфилд. – Раз вы едите омара, я, наверное, возьму себе мороженое со взбитыми сливками.

– Он славный, – произнесла Пегги Глэдис.

– Послушай, – сказала миссис Копперфилд, – мне что-то скверно. По-моему, я не высижу твое мороженое.

– Это недолго, – ответил мистер Копперфилд. Взглянул на нее. – Должно быть, это от омара.

– Может, я лучше отведу ее в свою гостиницу «Гранада», – проговорила Пегги Глэдис, расторопно вскакивая. – Ей там будет очень удобно. А вы потом тоже приходите, как доедите свое мороженое.

– По-моему, разумно, ты так не думаешь, Фрида?

– Нет, – пылко ответила миссис Копперфилд, стиснув пальцами цепочку у себя на шее. – Думаю, я лучше сразу пойду в «Отель де Лас Пальмас». Мне *надо*. Я должна уйти немедленно... – Ее охватило такое смятение чувств, что она поднялась из-за столика, забыв на нем свои кошелек и шарф, и направилась прочь из ресторана.

– Но ты же все тут забыла, – крикнул ей вслед мистер Копперфилд.

– Я прихвачу, – воскликнула Пегги Глэдис. – Ешьте свое мороженое, а потом приходите. – Она кинулась следом за миссис Копперфилд, и они вместе побежали по удушающе жаркой улице к «Отелю де Лас Пальмас».

В дверях его стояла миссис Куилл и пила что-то из бутылки.

– До ужина у меня только вишневая шипучка, – сказала она.

– Ох, миссис Куилл, поднимитесь со мной ко мне в комнату! – проговорила миссис Копперфилд, обхватывая рукою миссис Куилл и глубоко вздыхая. – Мистер Копперфилд вернулся.

– А со *мной* почему не подниметесь? – сказала Пегги Глэдис. – Я обещала вашему мужу, что присмотрю за вами.

Миссис Копперфилд резко развернулась к ней.

– Помолчите, пожалуйста, – закричала она, пристально глядя на Пегги Глэдис.

– Ну, ну, – проговорила миссис Куилл, – не расстраивайте девчушку. Нам придется дать ей медовую булочку, чтоб успокоилась. Конечно, меня в ее возрасте медовой булочкой было не успокоить.

– Пустяки, – сказала Пегги Глэдис. – Не будете ли вы любезны проводить нас к ней в номер? Ей надо бы прилечь.

Девушка села на край кровати миссис Копперфилд, а руку положила ей на лоб.

– Простите меня, – вымолвила она. – Выглядите вы очень скверно. Какая жалость, что вы такая несчастная. Может, удалось бы сейчас об этом не думать, а подумать об этом в какой-нибудь другой день? Иногда, если оставить все в покое... Мне не шестнадцать, мне семнадцать. Я себя ребенком чувствую. Я вроде бы не могу ничего сказать, чтоб не сочли, будто я очень юная. Может, вам не нравится то, что я такая дерзкая. Вы белая и зеленая. Некрасиво же вы смотрите. Раньше вы смотрелись гораздо симпатичнее. Когда здесь побывает ваш муж, я вас в коляске прокачу, если хотите. А мать у меня умерла, – тихонько добавила она.

– Послушайте, – проговорила миссис Копперфилд. – Если вы не против, уйдите сейчас, а?.. Мне бы хотелось побыть с собой. А позже можете вернуться.

– Во сколько мне прийти?

– Не знаю; приходите потом; неужели непонятно? Я не знаю.

– Хорошо, – ответила Пегги Глэдис. – Может, я лучше просто спущусь и поговорю там с этой толстухой или выпью. А вы потом тоже туда спуститесь, когда будете готовы. Мне три дня нечем заняться. Вы по правде хотите, чтоб я ушла?

Миссис Копперфилд кивнула.

Девушка неохотно вышла из комнаты.

Миссис Копперфилд принялась дрожать, как только она закрыла за собою дверь. Колотило ее так свирепо, что тряслась кровать. Страдала она так же, как и обычно раньше, потому что намеревалась сделать то, что хотела. Но счастья ей это бы не принесло. Ей недоставало храбрости удержаться от того, чтобы сделать то, чего ей хотелось. Она знала, что счастья ей это не принесет, поскольку сбываются лишь мечты сумасшедших. Она подумала, что ее тянет лишь создать дубликат мечты, но при этом она непременно становилась жертвою кошмара.

К ней в комнату очень тихо вошел мистер Копперфилд.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросил он.

– Все в порядке, – ответила она.

– Кто была эта молоденькая девушка? Очень хорошенькая – со скульптурной точки зрения.

– Ее зовут Пегги Глэдис.

– Она очень хорошо говорила, правда? Или я ошибся?

– Говорила она прекрасно.

– Славно ли ты отдохнула?

– Лучше мне и никогда в жизни не бывало, – проговорила миссис Копперфилд, чуть не плача.

– Я тоже славно поисследовал Панама-сити. Но вот комната у меня была очень неудобная. Слишком шумно. Я спать не мог.

– А что ж не снял номер поприятнее в гостинице получше?

– Ты ж меня знаешь. Терпеть не могу тратить деньги. Никогда не считаю, что оно того стоит. Наверное, следовало б. И пить мне надо было б. Тогда бы мне было получше. Но нет.

Они помолчали. Мистер Копперфилд побарабанил пальцами по бюро.

– Наверное, вечером нам нужно уезжать, – произнес он, – а не оставаться здесь. Тут ужасно дорого. А другого судна не будет еще довольно долго.

Миссис Копперфилд не ответила.

– Ты не считаешь, что я прав?

– Я не хочу уезжать, – ответила она, изгибаясь на кровати.

– Не понимаю, – сказал мистер Копперфилд.

– Я не могу ехать. Хочу остаться тут.

– Надолго?

– Не знаю.

– Но так нельзя планировать поездку. Возможно, ты и не намерена планировать поездку.

– Ох, все я спланирую, – неопределенно ответила миссис Копперфилд.

– Да ну?

– Нет, не спланирую.

– Дело твое, – произнес мистер Копперфилд. – Просто я считаю, что ты много потеряешь, не посмотрев Центральную Америку. Здесь ты точно заскучаешь, если не начнешь пить. Вероятно, и запьешь.

– Что б тебе самому не поехать, а потом вернешься, когда насмотришься? – предложила она.

– Я не вернусь, потому что видеть тебя не могу, – сказал мистер Копперфилд. – Ты ужасна. – Выговорив это, он схватил с бюро пустой кувшин, вышвырнул его из окна в переулок и вышел из номера.

Через час миссис Копперфилд спустилась в бар. Удивилась и обрадовалась, увидев там Пасифику. Хотя та сильно напудрилась, выглядела все равно усталой. Сидела за столиком, держа в руках кошелек.

– Пасифика, – произнесла миссис Копперфилд, – я не знала, что ты уже проснулась. Была уверена, что ты еще спишь у себя. Я так рада тебя видеть.

– Я глаз сомкнуть не могла. Поспала минут пятнадцать, а потом сна ни в одном глазу. Кое-кто ко мне приходил.

К миссис Копперфилд подошла Пегги Глэдис.

– Здравсьте, – сказала она, запустив пальцы в волосы миссис Копперфилд. – Вы уже готовы к той поездке?

– К какой еще поездке? – переспросила миссис Копперфилд.

– В коляске со мной покататься.

– Нет, не готова, – ответила миссис Копперфилд.

– А когда будете? – спросила Пегги Глэдис.

– Куплю себе чулки, – произнесла Пасифика. – Хотите со мной, Копперфилд?

– Да. Пойдемте.

– Ваш муж выглядел расстроенным, уходя из гостиницы, – сказала Пегги Глэдис. – Надеюсь, вы с ним не поссорились.

Миссис Копперфилд уже выходила с Пасификой на улицу.

– Извините нас, – крикнула она через плечо Пегги Глэдис. Та стояла неподвижно и смотрела им вслед, как раненый зверек!

Снаружи стояла такая жара, что даже самые консервативные туристки – лица и груди их пылающе-красны – стаскивали с себя шляпки и осушали себе лбы носовыми платками. Большинство, чтобы избежать жары, заглядывали в индусские лавчонки, где, если не набивался туда народ, приказчик предлагал им стульчик, чтобы они могли осмотреть двадцать-тридцать кимоно и не устать при этом.

– *Qué calor!*^[11] – сказала Пасифика.

– К черту чулки, – произнесла миссис Копперфилд, которой казалось, будто она сейчас лишится чувств. – Пойдемте выпьем пива.

– Если хотите, то сходите себе за пивом. А мне надо чулки. Я считаю, что голые ноги на женщине – это какой-то ужас.

– Нет, я пойду с вами. – И миссис Копперфилд вложила свою ладонь в руку Пасифике.

– Ай! – воскликнула девушка, выпуская ее руку. – Мы обе слишком мокрые, дорогуша. *Qué barbaridad!*^[12]

Лавчонка, куда Пасифика завела миссис Копперфилд, была крошечной. Оказалось в ней еще жарче, нежели на улице.

– Видите, здесь много чего можно купить, – произнесла Пасифика. – Я сюда хожу, потому что он меня знает и чулки себе я могу брать за очень малые деньги.

Пока девушка покупала себе чулки, миссис Копперфилд разглядывала весь остальной мелкий товар в лавке. Пасифика настолько не спешила, что миссис Копперфилд все больше скучала. Сначала она постояла на одной ноге, затем на другой. Пасифика все торговалась и спорила. Под мышками у нее проступили темные пятна, а с крыльев носа текло.

Когда же все закончилось и миссис Копперфилд увидела, как приказчик заворачивает покупку, она подошла и расплатилась. Приказчик пожелал ей удачи, и они вышли из лавки.

Дома ее ждало письмо. Его ей вручила миссис Куилл.

– Это вам оставил мистер Копперфилд, – сказала она. – Я попробовала уговорить его остаться и выпить чаю или хотя бы пива, но он спешил. Пригожий он малый.

Миссис Копперфилд взяла у нее письмо и направилась к бару.

– Привет, милашка, – тихонько произнесла Пегги Глэдис.

Миссис Копперфилд было видно, что Пегги очень пьяна. Волосы падали ей на лицо, а глаза омертвели.

– Может, вы еще не готовы... но я могу ждать долго. Люблю ждать. Я не против сидеть тут сама по себе.

– Простите, но мне нужна минутка прочесть письмо, которое я только что получила от своего мужа, – сказала миссис Копперфилд.

Она села и надорвала конверт.

Дорогая Фрида [прочла она],

вовсе не намерен быть жестоким, но сообщу тебе здесь именно то, что считаю твоими недостатками, и я искренне надеюсь, что написанное мной на тебя повлияет. Как и большинство, ты не способна справиться больше чем с одним страхом за всю свою жизнь. Кроме того, жизнь свою ты тратишь на то, что бежишь от своего первого страха к своей первой надежде. Будь осторожна и не

окажись – из-за собственного коварства – вечно в том же самом положении, из которого начинала. Я не советую тебе проводить всю свою жизнь, окружая себя тем, что считаешь необходимым для собственного существования, вне зависимости от того, интересно ли оно объективно само по себе или даже предметно и исключительно для твоего интеллекта. Я искренне верю, что лишь те мужчины, кто достигает той стадии, на какой им возможно сразиться со второй трагедией в самих себе, а не просто с первой сызнова, достойны считаться зрелыми. Когда полагаешь, будто кто-то уходит вперед, удостоверься, что на самом деле он не стоит на месте. Чтобы двинуться вперед, ты должна оставить все позади, чего большинство делать не желает. Свою первую боль ты носишь с собою, словно магнетит в груди, поскольку оттуда исходит вся нежность. Ты должна нести его с собою всю свою жизнь, но не следует кружить подле него. Тебе следует отказаться от поиска тех символов, что служат лишь тому, чтобы скрыть от тебя его лик. У тебя будет иллюзия, что они разрозненны и многообразны, но они всегда одно и то же. Если тебя интересует лишь сносная жизнь, письмо это, быть может, тебя и не касается. Бога ради, судно, выходящее из порта, – по-прежнему прекрасное зрелище.

Дж. К.

Сердце у миссис Копперфилд билось очень быстро. Она смяла письмо в руке и два или три раза встряхнула головой.

– Я никогда вас не беспокою, если вы не попросите меня вас беспокоить, – произносила Пегги Глэдис. Казалось, она ни к кому в особенности не обращается. Взгляд ее блуждал с потолка на стены. Она улыбалась самой себе. – Она читает письмо от своего мужа, – проговорила она, тяжело уронив всю руку на стойку бара. – Сама же я никакого мужа себе не хочу – никогда – никогда – никогда...

Миссис Копперфилд поднялась.

– *Пасифика*, – закричала она, – *Пасифика!*

– Кто такая Пасифика? – спросила Пегги Глэдис. – Хочу с нею познакомиться. Она такая же красивая, как вы? Скажите ей, чтобы сюда пришла...

– Красивая? – рассмеялся бармен. – Красивая? Да никто из них не красивая. Обе они старые квочки. А вот ты красивая, хоть и пьяная

вусмерть.

– Ведите ее сюда, дорогуша, – произнесла Пегги Глэдис, роняя голову на стойку.

– Слушай, твоей подружки целых две минуты как тут нет. Пошла свою Пасифику искать.

Часть третья

Несколько месяцев спустя мисс Гёринг, мисс Гэмелон и Арнолд уже почти четыре недели жили в доме, выбранном мисс Гёринг.

Он был еще мрачнее, чем рассчитывала мисс Гэмелон, поскольку воображения у нее было немного, а действительность часто пугала ее даже больше самых необузданных грез. Теперь она была еще больше распалена против мисс Гёринг, чем до того, как они поменяли дом, и расположение духа у нее было настолько скверным, что и часа не проходило, чтоб она горько не жаловалась на свою жизнь или не грозилась съехать совсем. За домом располагалась земляная насыпь и какие-то кусты, а если перевалить через насыпь и пройти по узкой тропке сквозь другие кусты, вскоре выйдешь к леску. Справа от дома лежало поле, летом усыпанное маргаритками. На поле это вполне приятно было б, наверное, глядеть, если бы прямо посередине его не валялся ржавый двигатель от старого автомобиля. На свежем воздухе тут толком не присядешь, поскольку переднее крыльцо все прогнило, поэтому они втроем постепенно привыкли сидеть возле кухонной двери, где сам дом защищал их от ветра. Мисс Гэмелон страдала простудой с тех самых пор, как приехала сюда. В доме вообще-то не было центрального отопления – лишь несколько маленьких мазутных печек, и, хотя еще стояло самое начало осени, выпадали дни, когда уже бывало довольно зябко.

Арнолд возвращался к себе домой все реже и реже, а все чаще и чаще ездил маленьким поездом и паромом в город прямо из дома мисс Гёринг, а потом, когда работа бывала сделана, возвращался на остров поужинать и переночевать.

Мисс Гёринг против его присутствия никогда не возражала. Он стал небрежнее в одежде, а в последнюю неделю три раза вообще пренебрег работой и в контору не поехал. Мисс Гэмелон подняла из-за этого ужасный шум.

Однажды Арнолд отдыхал наверху в одной из спаленок сразу под крышей, а они с мисс Гёринг сидели перед кухонной дверью и грелись на дневном солнышке.

– Этот неряха сверху, – промолвила мисс Гэмелон, – рано или поздно вообще бросит ходить на работу. Полностью сюда переедет и будет только есть да спать. Еще год, и он станет как слон, а вы не сможете от него отделаться. Хвала Господу, что я не собираюсь оставаться тут до того времени.

– Вы действительно считаете, что за один год он так сильно растолстеет? – спросила мисс Гёринг.

– Просто в этом уверена! – ответила мисс Гэмелон. Вдруг налетел порыв ветра, от которого настезь распахнулась кухонная дверь. – Ох, ненавижу, – с силою произнесла мисс Гэмелон, вставая с места закрыть дверь. – Кроме того, – продолжала она, – слыханное ли это дело, чтоб мужчина жил вместе с двумя дамами в доме, где нет даже лишней спальни, поэтому он вынужден спать полностью одетым на диване! Такое у кого хочешь аппетит отобьет – стоит только зайти в гостиную, а он там в любой час дня и ночи, глаза открыты или зажмурены, ни забот тебе, ни хлопот. Только неряха согласится так жить. Он ленится даже ухаживать за кем-нибудь из нас, а нет ничего неестественнее, согласитесь, – если у вас имеется хоть малейшее представление о мужском физическом устройстве. Конечно же, он не мужчина. Он слон.

– Не думаю, – промолвила мисс Гёринг, – что он уж настолько велик.

– Ну, я сказала ему, чтоб отдыхал у меня в комнате, потому что я уже терпеть не могу его вида на диване. Что же до вас, – сказала она мисс Гёринг, – мне кажется, вы самая бесчувственная личность, какую мне в жизни доводилось знать.

В то же время мисс Гэмелон по-настоящему тревожилась – пусть даже едва признавалась в этом самой себе, – что мисс Гёринг теряет рассудок. Та казалась худее и нервнее и упорствовала в том, чтобы почти всю работу по хозяйству делать самой. Постоянно убиралась в доме и драила дверные ручки и столовое серебро; во множестве мелочей старалась, чтобы здесь можно было жить, не покупая того, что для такой жизни требовалось; в эти последние несколько недель у нее вдруг развилась крайняя скарденность, и в банке снимала она лишь столько денег, чтобы им на них можно было жить как можно скромнее. В то же время она, вроде бы и глазом не моргнув, платила за Арнолдов стол, поскольку мужчина этот едва ли когда-либо предлагал хоть что-

то для домашнего хозяйства. Правда, он продолжал оплачивать собственную долю семейной квартиры, что, вероятно, оставляло ему очень мало того, чем платить за что-либо еще. У мисс Гэмелон это вызывало ярость: хоть она и не понимала, зачем это мисс Гёринг необходимо жить меньше чем на одну десятую своего дохода, она тем не менее и сама подстроилась к таким крохотным масштабам жизни и отчаянно пыталась растянуть средства на как можно дольше.

Несколько минут они посидели молча. Мисс Гэмелон всерьез раздумывала обо всем этом, как вдруг о ее голову разбился пузырек, обдав ее духами и прямо надо лбом оставив глубокую ссадину. Хлынула кровь, и какое-то время мисс Гэмелон сидела, закрыв глаза руками.

– Я не хотел до крови, – произнес Арнолд, высовываясь из окна. – Я намеревался лишь напугать ее.

Пусть мисс Гёринг и начала уже все больше и больше относиться к мисс Гэмелон как к воплощению зла, она все ж изобразила быстрый и сострадательный жест в сторону подруги.

– О, дорогая моя, давайте я принесу что-нибудь продезинфицировать рану. – Она вошла в дом и миновала Арнолда в прихожей. Тот стоял, опираясь рукою на входную дверь, не в силах решить, остаться ли ему или выйти. Когда мисс Гёринг спустилась уже с лекарством, Арнолд пропал.

Почти сгустился вечер, и мисс Гэмелон с забинтованной головой стояла перед домом. Оттуда, где остановилась она, между деревьев виднелась дорога. Лицо у нее было очень белым, а глаза припухли, потому что она горько рыдала. Рыдала же она потому, что впервые в жизни кто-то ее физически ударил. Чем больше она об этом думала, тем серьезнее у нее в уме становилось это дело, и, замерев перед домом, она вдруг впервые в жизни испугалась. Как же далеко забралась она от собственного приюта! Дважды начинала она складывать вещи и дважды передумывала – лишь из-за того, что не могла заставить себя покинуть мисс Гёринг, поскольку, хоть и сама едва отдавала в этом отчет, по-своему она глубоко привязалась к ней. Когда мисс Гэмелон зашла внутрь, уже стемнело.

Мисс Гёринг ужасно расстроилась, потому что Арнолд еще не вернулся, пускай даже ей он теперь и был неприятен больше, чем

поначалу. Она тоже почти целый час провела снаружи в темноте: тревога ее оказалась так велика, что она не в силах была сидеть в доме.

Пока мисс Гёринг еще оставалась на улице, мисс Гэмелон, сидя в гостиной перед пустым камином, чувствовала, что на ее голову обрушился весь гнев Господень. Мир и люди в нем внезапно ускользнули от ее понимания, и она ощутила великую опасность потерять все это раз и навсегда: трудно объяснить такое чувство.

Стоило ей только оглянуться через плечо в кухню и увидеть, что темный силуэт мисс Гёринг все еще торчит перед дверью, как сердце еще чуточку подводило ее. Наконец мисс Гёринг зашла в дом.

– Люси! – позвала она. Голос ее звучал очень ясно и чуточку выше обычного. – Люси, пойдите искать Арнолда. – Она села напротив мисс Гэмелон, и лицо у нее выглядело необычайно ярким.

Мисс Гэмелон ответила:

– Определенно не стану.

– Ну, в конце концов, – произнесла мисс Гёринг, – он живет у меня в доме.

– Да, это так, – отозвалась мисс Гэмелон.

– И это правильно, – сказала мисс Гёринг, – чтобы люди из одного дома приглядывали друг за дружкой. Они всегда так и поступают, не правда ли?

– Они тщательней относятся к тому, кто попадает с ними под одну крышу, – проговорила мисс Гэмелон, вновь возвращаясь к жизни.

– Вообще-то я так не думаю, – сказала мисс Гёринг. Мисс Гэмелон глубоко вздохнула и встала.

– Ничего, – вымолвила она, – скоро я вновь окажусь среди настоящих людей.

Они двинулись через лесок по тропинке, по которой минут за двадцать пешком можно было напрямик добраться до ближайшего городка. Всю дорогу мисс Гёринг взвизгивала от малейшего постороннего шума и цеплялась за свитер мисс Гэмелон. Та супилась и предлагала на обратном пути пойти кружной дорогой.

Наконец они выбрались из леска и немного прошли по шоссе. По обе стороны дороги стояли рестораны, обслуживавшие в основном автомобилистов. В одном мисс Гёринг и увидела Арнолда – тот сидел за столиком у окна и ел сэндвич.

– Вон Арнолд, – произнесла мисс Гёринг. – Пойдемте! – Она ухватила мисс Гэмелон за руку и чуть ли не вприпрыжку ринулась к ресторану.

– Глазам своим не верю, – произнесла мисс Гэмелон; – он снова ест.

Внутри было до ужаса жарко. Они сняли свитеры и подсели к Арнолду за его столик.

– Добрый вечер, – произнес мужчина. – Не ожидал вас здесь увидеть. – Это он сказал мисс Гёринг. В сторону мисс Гэмелон смотреть он избегал.

– Что ж, – вымолвила мисс Гэмелон, – вы намерены ли объясниться?

Арнолд только что крупно откусил от сэндвича, поэтому ответить ей не сумел. Но повел в ее сторону глазами. С такими набитыми щеками невозможно было определить, сердитый у него вид или нет. Мисс Гэмелон это чрезвычайно раздосадовало, а мисс Гёринг сидела и улыбалась им обоим, поскольку радовалась тому, что оба они снова с нею.

Наконец Арнолд проглотил кусок.

– Не обязан я объясняться, – сказал он мисс Гэмелон с действительно весьма брюзгливым видом, что стало ясно, когда он прожевал. – Это вы должны глубоко передо мной извиниться за то, что ненавидите меня и рассказываете об этом мисс Гёринг.

– Я вполне в своем праве ненавидеть того, кого мне угодно, – проговорила мисс Гэмелон, – а кроме того, раз уж мы живем в свободной стране, я могу рассказывать об этом хоть на перекрестке, если мне захочется.

– Вы недостаточно хорошо меня знаете, чтобы ненавидеть меня. Все равно вы меня превратно оценили, чего самого по себе достаточно, чтобы кто угодно впал в ярость, а я – в ярости.

– Так и убирайтесь тогда из дому. Вас тут все равно никто не желает.

– Это неверно; мисс Гёринг, я уверен, хочет, чтобы я остался, разве нет?

– Да, Арнолд, конечно, – отозвалась мисс Гёринг.

– Нет никакой справедливости, – промолвила мисс Гэмелон; – вы оба возмутительны. – Она выпрямилась на стуле, и как Арнолд, так и

мисс Гёринг воззрились на ее бинты.

– Что ж, – произнес Арнолд, вытирая рот и отталкивая от себя тарелку, – я уверен, что отыщется такой способ, каким мы можем договориться, чтобы жить в доме вместе.

– Да чего вы так привязались к этому дому? – возопила мисс Гэмелон. – Вы же там лишь растягиваетесь в гостиной и засыпаете.

– Дом мне сообщает некоторое ощущение свободы.

Мисс Гэмелон посмотрела на него.

– Вы имеете в виду возможность потакать вашей лени?

– Ну посмотрите, – вымолвил Арнолд, – предположим, мне позволено занимать гостиную после ужина и поутру. Тогда вы можете ею пользоваться все остальное время.

– Хорошо, – ответила мисс Гэмелон, – я согласна, но будьте любезны днем туда ни ногой.

По пути домой и мисс Гэмелон, и Арнолд казались вполне удовлетворенными, поскольку у них выработался план. Каждый считал, что обставил в этой сделке другого, и мисс Гэмелон уже намечала себе несколько приятных способов проводить день в гостиной.

Дома она отправилась наверх в постель почти сразу же. Арнолд улегся на кушетку полностью одетый и укрылся вязаным покрывалом. Мисс Гёринг сидела в кухне. Немного погодя из гостиной она услышала всхлипы. Вошла и обнаружила, что Арнолд плачет себе в рукав.

– Что случилось, Арнолд?

– Не знаю, – ответил тот, – совершенно неприемлемо, если тебя кто-то ненавидит. Я, право слово, уже думаю, что мне, возможно, лучше уехать и вернуться к себе в дом. Но мне это не нравится так, что хуже не придумаешь, и я ненавижу торговлю недвижимостью, и меня бесит, что эта вот злится на меня. Вы не можете ей сказать, что это для меня период приспособления, – чтобы она любезно подождала чуточку?

– Разумеется, Арнолд, я ей об этом скажу первым делом поутру. Может, если завтра вы отправитесь на работу, она и отнесется к вам получше.

– Вы думаете? – спросил Арнолд, в нетерпении своем садясь по стойке смирно. – Тогда поеду. – Он встал и замер у окна, широко

расставив ноги. – Я просто терпеть не могу, если кто-то ненавидит меня в этот период приспособления, – сказал он, – а еще, конечно, я предан вам обеим.

Следующим вечером, когда Арнолд вернулся домой, привезя по коробке шоколадных конфет мисс Гёринг и мисс Гэмелон, он с удивлением обнаружил там своего отца. Тот сидел на жестком стуле с прямой спинкой перед камином с чашкой чая в руках, и на нем была шоферский картуз.

– Я приехал посмотреть, Арнолд, насколько хорошо ты обеспечиваешь этих молодых дам. Похоже, они тут живут в навозной куче.

– Не понимаю, с чего это у тебя вдруг возникло право, папенька, говорить подобное, будучи в гостях, – произнес Арнолд, мрачно вручая каждой женщине по коробке конфет.

– Само собой, в силу возраста, дорогой мой сын, мне много чего позволено говорить. Не забывайте, вы передо мной – всего лишь дети, включая вот эту вот Принцессу. – Изогнутой рукояткой трости он зацепил мисс Гёринг за талию и подтянул к себе. Та и вообразить не могла, что застанет его в таком разухабистом добродушии. Ей он казался мельче и щуплее, чем в ту ночь, когда они познакомились.

– Ну и где вы, чокнутые жучочки, питаетесь? – спросил у них он.

– У нас есть квадратный стол, – ответила мисс Гэмелон, – на кухне. Иногда мы ставим его перед камином, но оно всякий раз не слишком удобно.

Арнолдов отец откашлялся и ничего не сказал. Похоже, его раздосадовало, что мисс Гэмелон заговорила.

– Ну, все вы чокнутые, – произнес он, глядя на своего сына и мисс Гёринг, а мисс Гэмелон подчеркнуто исключая, – но я за вас болею.

– Где ваша жена? – осведомилась у него мисс Гёринг.

– Дома, полагаю, – ответил Арнолдов отец, – и куksится, как кислый огурчик, а на вкус такая же горечь.

При этом замечании мисс Гэмелон хихикнула. Такое вот она и считала потешным. Арнолд пришел в восторг от того, что она немного взбодрилась.

– Выйдемте со мною, – сказал отец Арнолда мисс Гёринг, – на ветер и солнце, любовь моя, или лучше сказать – в ветер и лунный свет, не забывая добавить «любовь моя».

Они вместе вышли из комнаты, и Арнолдов отец повел мисс Гёринг на поле неподалеку.

– Видите ли, – произнес он, – я пожелал вернуться к некоторым своим мальчишеским вкусам. К примеру, в молодости я, так сказать, восторгался природой. Могу сообщить вам откровенно: я решил отбросить кое-какие свои идеалы и условности и вновь получить от природы удовольствие – то есть, конечно, если вы не против быть со мною рядом. Все зависит от этого.

– Разумеется, – ответила мисс Гёринг, – но что этим подразумевается?

– Подразумевается, – ответил Арнолдов отец, – что вы будете истинной женщиной. Сочувствовать и с готовностью защищать все, что я говорю и делаю. В то же время – быть склонной самую чуточку меня бранить. – Ей в руку он вложил свою холодную как лед ладонь.

– Зайдемте, – произнесла мисс Гёринг. – Мне хочется зайти внутрь. – Она принялась тянуть его за руку, но он не шевельнулся. Она поняла: хоть и выглядел он до ужаса старомодным и чуточку нелепым в этом своем шоферском картузе, но все же оставался еще очень силен. Ей стало интересно, почему той ночью, когда они с ним познакомились, он показался ей гораздо благородней.

Она тянула его за руку еще сильнее, отчасти в шутку, а отчасти всерьез, и при этом совсем нечаянно оцарапала ему ладонь ногтем. Выступило немного крови, и это вроде бы довольно-таки расстроило Арнолдова отца, поскольку он заковылял по полю к дому со всею своей прытью.

Позднее он объявил всем о своем намерении остаться на ночь в доме мисс Гёринг. Все они развели огонь и вместе уселись вокруг него. Арнолд дважды засыпал.

– Маменька будет жутко волноваться, – сказал он.

– Волноваться? – отозвался его отец. – Да она, вероятно, еще до утра помрет от сердечного приступа, хотя, впрочем, что есть жизнь, как не клуб дыма, или же листик, или свеча, какая скоро догорит?

– Только не делай вид, будто не воспринимаешь жизнь всерьез, – проговорил Арнолд, – и не притворяйся лишь из-за того, что рядом женщины, будто ты беспечен. Ты угрюмый хлопотун и сам это знаешь.

Отец Арнолда кашлянул. Вид у него был немного расстроенный.

– Я с тобой не согласен, – вымолвил он.

Мисс Гёринг отвела его наверх в свою собственную спальню.

– Надеюсь, спать вам будет спокойно, – сказала ему она. – Вам же известно, что я всегда счастлива видеть вас у себя в доме.

Арнолдов отец показал на деревья за окном.

– О, ночь! – промолвил он. – Мягка, словно щека девы, и таинственна, как задумчивая сова, Восток, глава султана в тюрбане. Сколь долго пренебрегал тобою я под своею лампою для чтенья, в различных и всяческих занятиях, коими нынче решил я пренебречь ради тебя. Прими извиненье мое и дозвожь считаться среди сынов твоих и дочерей. Видите, – сказал он мисс Гёринг, – вот видите, какой новый лист перевернул я на самом деле; думаю, теперь мы понимаем друг дружку. Вам никогда не следует даже думать о том, что у людей лишь одна природа. Все, что сказал я вам как-то раз ночью, – неправильно.

– О, – произнесла мисс Гёринг в легком смятении.

– Да, нынче меня интересуется быть совершенно новой личностью, столь же отличной от моего прежнего «я», как А от Я. Это было весьма чарующее начало. Хорошее предзнаменование, как говорится.

Он растянулся на кровати и, пока мисс Гёринг смотрела на него, уснул. Вскоре захрапел. Она его накрыла покрывалом и вышла из комнаты в глубоком недоумении.

Внизу она примкнула к остальным перед огнем. Они пили горячий чай, куда подливали понемногу рома.

Мисс Гэмелон расслаблялась.

– Это лучшее на свете от нервов, – сказала она, – а еще для умягченья жестких углов жизни. Арнолд мне рассказывал о своих успехах в дядиной конторе. Как он начал посыльным, а теперь дослужился до того, что стал одним из главных агентов конторы. Мы до крайности приятно проводили время, пока просто сидели здесь. Думаю, Арнолд прячет от нас свое превосходное деловое чутье.

Вид у Арнолда был слегка обеспокоенный. Он все еще боялся вызвать неудовольствие мисс Гёринг.

– Мы с мисс Гэмелон завтра разузнаем, есть ли на острове площадка для гольфа. У нас обнаружился общий интерес к гольфу, – сообщил он.

Мисс Гёринг не могла понять внезапной перемены в Арнолде. Он будто бы только что приехал на летний курорт и теперь рьяно

планировал себе славный отпуск. Мисс Гэмелон тоже несколько удивила ее, но она ничего не сказала.

– Вам гольф чудесно поможет, – сказала мисс Гэмелон, обращаясь к мисс Гёринг; – вероятно, выправит вас за неделю.

– Ну, – сконфуженно произнес Арнолд, – ей же может не понравиться.

– Мне не нравится спорт, – сказала мисс Гёринг; – сильнее чего угодно, у меня от него возникает жуткое ощущение греховности.

– Напротив, – проговорила мисс Гэмелон, – вот чего-чего, а этого в нем нет совершенно.

– Не грубите, дорогуша Люси, – отозвалась мисс Гёринг. – В конечном счете я достаточно внимания уделяю тому, что творится у меня внутри, и мои собственные чувства мне известны лучше.

– Спорт, – произнесла мисс Гэмелон, – нипочем не сообщит вам ощущения греховности, но гораздо интересней здесь то, что вы и пяти минут не просидите, чтобы не перевести беседу на какую-нибудь дичь. Я определенно считаю, что вы себе ставите такую цель.

Наутро Арнолдов отец спустился с расстегнутым воротником и без жилета. Волосы он себе немного взъерошил, поэтому теперь смахивал на старого художника.

– Что же станет делать маменька? – спросил у него Арнолд за завтраком.

– Вздор! – ответил Арнолдов отец. – Называешь себя художником, а даже не умеешь быть безответственным. Красота художника залегает в его детской душе. – Он коснулся руки мисс Гёринг. Та не могла не припомнить речь, какую произнес он той ночью, когда пришел к ней в спальню, и насколько она противоречила всему, что он говорил сейчас. – Если у твоей матери есть желание жить, она выживет – при условии, что бросит все, как это сделал я, – прибавил он.

Мисс Гэмелон слегка смутил этот пожилой мужчина, который вроде бы только что совершил некую важную перемену в жизни. Но любопытства в ней он на самом деле не вызывал.

– Что ж, – произнес Арнолд, – воображаю, что ты по-прежнему снабжаешь ее деньгами для уплаты за квартиру. Я продолжаю вносить свою лепту.

– Разумеется, – ответил его отец. – Я всегда джентльмен, хотя должен сказать, ответственность гнетет меня тяжким бременем, как на шее цепь с якорем. А теперь, – продолжал он, – позвольте мне выйти и сделать сегодняшние закупки. Я б мог и сто ярдов на скорость пробежать.

Мисс Гэмелон сидела, нахмурившись и не понимая, позволит ли мисс Гёринг этому сумасшедшему старику и дальше жить в и без него переполненном доме. Немного погодя он выдвинулся к городку. Ему покричали из окна, умоляя вернуться и надеть пальто, но он махнул небу рукой и отказался.

Днем мисс Гёринг всерьез задумалась. Она бродила взад и вперед перед кухонной дверью. Дом уже – для нее – стал местом приветливым и знакомым, его она с готовностью считала своим. Она решила, что ей теперь необходимо совершать поездки на кончик острова, откуда на пароме можно вновь переправляться на большую землю. Делать этого ей очень не хотелось – она знала, как это ее расстроит, и чем больше об этом думала, тем привлекательнее казалась ей жизнь в домике, покуда он ей не помстился даже бурлящим от веселья. Чтобы заверить себя, что вечером она предпримет свою вылазку, мисс Гёринг зашла к себе в спальню и положила на бюро пятьдесят центов.

После ужина, когда она объявила, что поедет на поезде одна, мисс Гэмелон чуть не расплакалась от негодования. Арнолдов отец заявил, что считает это превосходной мыслью – «поехать на поезде незнамо куда», как он это определил. Услыхав, как он поощряет мисс Гёринг, мисс Гэмелон уже не могла сдерживаться и опрометью бросилась к себе в спальню. Арнолд поспешно вышел из-за стола и затопал вверх по лестнице за нею следом.

Арнолдов отец взмолился, чтобы мисс Гёринг взяла его с собой.

– Не в этот раз, – ответила та, – я должна поехать одна; – и хотя отец Арнолда сказал, что весьма этим разочарован, приподнятость его никуда не делась. Казалось, нет конца его доброму расположению духа.

– Что ж, – вымолвил он, – отправляться эдак в ночь – вполне в духе того, что и мне б хотелось предпринять, и, мне кажется, вы миленько меня обжуливаете, не позволяя вас сопровождать.

– Еду я не удовольствия ради, – ответила мисс Гёринг, – а потому, что совершить это необходимо.

– И все ж молю вас еще раз, – сказал Арнолдов отец, не обращая внимания на подтекст такого замечания и с трудом опускаясь на колени, – молю вас, возьмите меня с собой.

– Ох, прошу вас, дорогой мой, – проговорила мисс Гёринг, – пожалуйста, не затрудняйте мне этого. У меня личность слабовата.

Арнолдов отец вскочил на ноги.

– Разумеется, – сказал он, – затруднять вам я ничего не стану. – Он поцеловал ей запястье и пожелал удачи. – Считаете, два голубка со мною поговорят? – спросил у нее он, – или же останутся вместе у себя в курятнике на всю ночь? Очень бы не хотелось мне быть одному.

– Мне тоже, – ответила мисс Гёринг. – Постучитесь к ним; они с вами поговорят. До свиданья...

Мисс Гёринг решила пойти вдоль шоссе, потому что уже вообще-то довольно стемнело, чтоб в этот час идти через лесок. Раньше днем это она себе назначила урочной работой, но затем сочла, что даже думать об этом так – чистое безрассудство. Снаружи было холодно и ветрено, и она потуже запахнулась в шаль. Продолжала носить шерстяные шали, пускай те уже давно вышли из моды. Мисс Гёринг взглянула на небо; искала в нем звезды и очень надеялась хотя бы какие-то разглядеть. Долго стояла она неподвижно, но никак не могла определить, звездная ли это ночь или нет, потому что, хоть мисс Гёринг и приковала внимание свое к небу, ни разу не опуская взгляда, звезды вроде бы возникали и пропадали так быстро, что скорее выглядели видениями звезд, нежели действительно звездами. Решила, что лишь из-за того, что так быстро несутся по небу облака, в одну минуту звезды стирает, а в другую они становятся видны. Она продолжала идти к станции.

Придя туда, мисс Гёринг с удивлением обнаружила, что ее опередили восемь или девять детей. У каждого ребенка с собою был синий-с-золотом школьный вымпел. Дети между собой почти не разговаривали, но взялись тяжело скакать сначала на одной ноге, потом на другой. Поскольку делали это они согласно, маленький деревянный перрон отвратительно содрогался, и мисс Гёринг подумала, не лучше ли будет обратить на это обстоятельство внимание детей. Совсем скоро, однако, к станции подкатил поезд, и все вместе они в него сели. Мисс Гёринг устроилась через проход от дородной женщины средних

лет. В вагоне помимо детей оказались только они с мисс Гёринг. Та оглядела женщину с интересом.

Были на ней перчатки и шляпка, а сидела она очень ровно. Правой рукой держала длинный тонкий сверток, похожий на мухобойку. Женщина смотрела прямо перед собой, и ни одна мышца у нее на лице не шевелилась. На сиденье рядом она аккуратно сложила еще несколько свертков. Мисс Гёринг поглядела на нее и понадеялась, что и она едет на кончик острова. Поезд тронулся, и женщина положила свободную руку на горку пакетов рядом, чтобы те не соскользнули с сиденья.

Дети в основном набились на два сиденья, а те, кому выпало сидеть где-то еще, предпочитали толпиться вокруг уже занятых мест. Вскоре запели песни – все в честь той школы, откуда они ехали. Пели они до того скверно, что мисс Гёринг едва могла вытерпеть. Встала с места и уж так крепко нацелилась добраться до детей как можно скорее, что не обратила внимания на тряску вагона, а потому в спешке своей споткнулась и растянулась во весь рост на полу рядом с теми сиденьями, где пели дети.

Ей удалось вновь подняться на ноги, хотя с подбородка и капала кровь. Сперва она любезно попросила детей прекратить петь. Те разом уставились на нее. Потом вытащила кружевной платочек и принялась промокать кровь на подбородке. Поезд вскорости остановился, и дети вышли. Мисс Гёринг удалилась в конец вагона и налила себе воды в картонный стаканчик. Промокая подбородок в темном проходе, она нервически размышляла, осталась ли еще в вагоне дама с мухобойкой. Вернувшись на свое место, она с большим облегчением убедилась, что дама еще здесь. По-прежнему держала она мухобойку, но голову повернула влево и выглядывала на перрон полустанка.

«Не думаю, – сказала себе мисс Гёринг, – что повредит, если я поменяю место и сяду напротив нее. В конце концов, дамам вполне естественно вот так вот подсаживаться друг к дружке в пригородных поездах, в особенности – на таком маленьком острове».

Она тихонько скользнула на сиденье напротив дамы и продолжала заниматься своим подбородком. Поезд вновь тронулся, а женщина все пристальней смотрела в окно, дабы избежать взгляда мисс Гёринг, поскольку та некоторых людей немного выводила из себя. Быть может, из-за своего красного и разгоряченного лица и нелепой одежды.

– Я счастлива от того, что дети сошли, – промолвила мисс Гёринг, – и теперь в этом поезде по-настоящему приятно.

Пошел дождь, и женщина прижалась лбом к стеклу, чтобы лучше разглядеть косые капли на окне. Мисс Гёринг она не ответила. Та начала сызнава, поскольку привыкла навязывать людям беседу – страхи ее никогда не бывали светской природы.

– Куда вы едете? – спросила мисс Гёринг, сперва – потому что ей и впрямь было интересно, едет ли женщина до самого кончика острова, а еще потому что считала такой вопрос довольно-таки обезоруживающим. Женщина тщательно ее рассмотрела.

– Домой, – тускло ответила она.

– А вы живете на этом острове? – поинтересовалась у нее мисс Гёринг. – Он поистине чарующ, – добавила она.

Женщина не ответила, а принялась собирать все свои свертки в охапку.

– Где именно вы живете? – спросила мисс Гёринг. Глаза у женщины забегали.

– Гленздейл, – неуверенно ответила она, и мисс Гёринг, пусть и не отличалась особой чувствительностью к чужому пренебрежению, осознала, что женщина ей лжет. От этого ей сделалось очень обидно.

– Зачем вы мне лжете? – спросила она. – Уверяю вас, я такая же приличная дама, как и вы.

К этому времени женщина уже достаточно собралась с силами и казалась увереннее в себе. Она посмотрела прямо в глаза мисс Гёринг.

– Я живу в Гленздейле, – ответила она, – и прожила там всю свою жизнь. А сейчас еду к подруге, которая живет в городке чуть дальше.

– Почему я навожу на вас такой ужас? – поинтересовалась у нее мисс Гёринг. – Мне б хотелось с вами поговорить.

– Не потерплю этого больше ни мгновенья, – проговорила женщина, скорее – самой себе, нежели мисс Гёринг. – Мне в жизни горя хватает и без того, чтобы встречаться с полоумными.

Она вдруг схватила зонтик и пребольно стукнула мисс Гёринг по лодыжкам. Лицо у нее довольно сильно покраснело, и мисс Гёринг сочла, что, невзирая на свою обстоятельную буржуазную внешность, на самом деле она – истеричка, но, поскольку сама она встречала раньше множество подобных женщин, мисс Гёринг решила отныне не удивляться ничему, что бы женщина эта ни натворила. Та встала с

сиденья со всеми своими пакетами и зонтиком и с трудом двинулась прочь по проходу. Вскоре вернулась с кондуктором.

Остановились они подле мисс Гёринг. Женщина стояла у кондуктора за спиной. Тот, старик, нагнулся над мисс Гёринг так, что чуть ли не дышал ей прямо в лицо.

– В этих поездах нельзя ни с кем разговаривать, – проговорил он, – если вы не знакомы. – Голос его показался мисс Гёринг очень мягким.

Затем оглянулся через плечо на женщину, которая все еще казалась скорее недовольной, нежели спокойной.

– В следующий раз, – произнес кондуктор, в действительности толком и не знавший, что сказать, – в следующий раз, когда сядете на этот поезд, не покидайте своего места и ни к кому не приставайте. А если захотите узнать время, можете спросить, и не разводя особых разговоров, или же подайте мне рукою маленький знак, и я с готовностью отвечу на все ваши вопросы. – Он распрямился и еще миг не отходил от нее, стараясь придумать, что бы еще такого сказать. – Также помните, – добавил он, – и расскажите об этом своей родне и своим друзьям. Также не забывайте, что в этот поезд не допускаются собаки или люди в маскарадных костюмах, если те не прикрыты большими тяжелыми пальто; и больше мне тут не галдите, – добавил он, грозя ей пальцем. После чего взял под козырек перед женщиной и удалился восвояси.

Минуту или две спустя поезд остановился, и женщина вышла. Мисс Гёринг беспокойно выглянула в окно, ища ее, но увидела лишь пустой перрон и какие-то темные кусты. Прижала руку к сердцу и сама себе улыбнулась.

Когда она доехала до кончика острова, дождь прекратился, и звезды вновь прерывисто засверкали. Ей пришлось пройти по длинному узкому дощатому настилу, служившему переходом между поездом и паромным причалом. Многие доски в нем отставали, и мисс Гёринг вынуждена была очень внимательно смотреть, куда ступает. От нетерпения она вздыхала – ей казалось, что чем дальше она будет идти по этому настилу, тем непонятнее, успеет на паром или нет. Теперь, приближаясь к цели своего путешествия, она чувствовала, что всю эту вылазку можно завершить очень быстро, и скоро она возвратится к Арнолду, его отцу и мисс Гэмелон.

Настил освещался не везде, и подолгу ей приходилось идти в темноте. Однако мисс Гёринг, обычно такая боязливая, ни в малейшей мере ничего не пугалась. В себе она даже ощущала некоторое ликование – дело обычное у определенных неуравновешенных, но сангвинических персон, когда те начинают приближаться к тому, чего боятся. Избегая незакрепленных досок, она стала проворнее и даже слегка их перепрыгивала. Вот в конце настила стал виден причал. Был он очень ярко освещен, а в середине платформы муниципалитет воздвиг довольно высокий флагшток. Сам флаг теперь обернулся вокруг шеста тяжелыми складками, но мисс Гёринг легко различила красные и белые полосы, звезды. Видеть флаг в такой глуши – восторг, ибо она даже представить себе не могла, что на кончике острова окажется хоть какая-то организация.

«Что ж такого, люди здесь живут годами, – сказала она себе. – Странно, что я об этом раньше не подумала. Они тут, естественно, с семейными связями, с соседскими магазинами, со своим ощущением пристойности и нравственности – и, само собой, у них есть свои организации, чтобы бороться с преступностью в обществе». Как только она все это вспомнила – стала чуть ли не счастлива.

Ждала парома она одна. Едва оказалась на борту – сразу прошла на бак судна и встала, разглядывая Большую землю, покуда не добрались до противоположного берега. Паромный причал располагался у подножья дороги, которая вливалась в главную улицу на вершине взгорка невысокого, но крутого. Грузовикам по-прежнему приходилось там останавливаться, выгружать свою поклажу в тачки, которые затем аккуратно скатывали на причал. С причала виднелись боковые стены двух магазинов в конце главной улицы, а помимо них – почти ничего. С обеих сторон дорога так ярко освещалась, что мисс Гёринг могла опознать почти все детали одежды тех, кто спускался по косогору, чтобы сесть на паром.

Она видела, как к ней, взявшись под руки и хихикая, направляются три молодые женщины. Наряжены они были вычурно и пытались удержать не только друг дружку, но и свои шляпы. От этого продвигались вперед они очень медленно, но на полпути вниз по склону окликнули кого-то на причале: он стоял у тумбы, к которой пришвартовался паром.

– Не уплывай без нас, Джордж, – заорали ему они, и тот приветливо им помахал.

С горки спускалось и множество молодых людей – они тоже нарядились вроде бы для чего-то особого. Ботинки хорошо начищены, а у многих в петлицах цветочки. Даже те, кто вышел намного позже трех молодых женщин, теперь быстро трусили мимо них. Едва такое случалось, девушки раздражались взрывами смеха, и там, где стояла мисс Гёринг, слышно его было слабо. Из-за гребня появлялось все больше и больше людей, и почти никому, казалось мисс Гёринг, не было на вид больше тридцати. Она отошла в сторонку, а публика вскоре беседовала и смеялась по всему баку и мостику парома. Ей было очень любопытно, куда это все они направляются, но настроение оказалось значительно подпорчено этим исходом, каковой она приняла за дурное предзнаменование. Наконец осмелилась расспросить юношу, еще стоявшего на причале неподалеку от нее.

– Молодой человек, – обратилась к нему она, – не соблаговолите ли сообщить мне, вы все вместе действительно направляетесь на какие-то коллективные забавы или же это совпадение?

– Мы все едем в одно место, – ответил юнец, – насколько мне известно.

– А не подскажете ли, где оно? – осведомилась мисс Гёринг.

– «Крюк свиного рыльца», – ответил он. Тут паром дал гудок. Юнец поспешно отошел от мисс Гёринг и побежал к своим друзьям на баке.

Мисс Гёринг взобралась по кособору совершенно одна. Глаз она не спускала со стены последнего магазина на главной улице. На половине поверхности брендмауэра рекламный художник изобразил ярко-розовым лицо младенца гигантских размеров, а на оставшемся месте – исполинскую резиновую соску. Мисс Гёринг было интересно, что такое «Крюк свиного рыльца». Взобравшись на горку, она с немалым разочарованием обнаружила, что главная улица довольно пуста и тускло освещена. Быть может, ее обманули блистательные краски рекламы младенческой соски, и она отчасти надеялась, что и весь городок окажется сходно пестрым.

Прежде чем двинуться по главной улице, она захотела поближе рассмотреть живописную рекламу. Для этого пришлось прошагать по пустырю. Под самой рекламой она заметила старика – тот склонился

над какими-то ящиками и пытался вытащить из их дощечек гвозди. Мисс Гёринг вознамерилась узнать у него, известно ли ему, где находится «Крюк свиного рыльца».

Она подошла ближе и, прежде чем задать свой вопрос, некоторое время понаблюдала. На старике была зеленая куртка из шотландки и кепка того же материала. Его ужасно увлекали старания выдернуть из ящика гвоздь, а инструмент у него имелся один – тонкая палочка.

– Прошу прощения, – наконец обратилась к нему мисс Гёринг, – но мне бы хотелось знать, где находится «Крюк свиного рыльца», а также почему все к нему направляются, если вам известно.

Мужчина и дальше возился с гвоздем, но мисс Гёринг определила, что ее вопрос заинтересовал его по-настоящему.

– «Крюк свиного рыльца»? – переспросил он. – Это легко. Новое заведение, кабаре.

– Все туда ходят? – спросила у него мисс Гёринг.

– Если дурацкого склада, то да.

– Почему вы так говорите?

– Почему я так говорю? – ответил человек, наконец встав и сунув свою палочку в карман. – Почему я так говорю? Потому что они туда ходят ради удовольствия быть обжуленными на свой последний пенни. Мясо там – просто конина, между прочим. Вот такого размера и совсем не красное. Сероватое такое, картошка с ним рядом и не ночевала, а стоит много. Кроме того, все они бедны, что церковные мыши, у них ни чуточки знания о жизни на всю толпу. Будто свора собак с поводка рвется.

– Так, значит, все они вместе каждый вечер ездят в «Крюк свиного рыльца»?

– Не знаю я, когда они туда ездят, – ответил старик, – я ж не знаю, чем тараканы каждый вечер занимаются.

– Ну а что там не так с «Крюком свиного рыльца»? – спросила его мисс Гёринг.

– Одно с ним не так, – ответил старик, кому становилось все интереснее, – вот что: у них там негритос перед зеркалом скачет у себя в комнате весь день напролет, покуда не вспотеет, а потом проделывает то же самое перед теми парнями и девицами, а они думают, будто он им музыку играет. Инструмент-то у него дорогой, спору нет, потому что я знаю, где он его покупал, и я не утверждаю, платил он за него

или нет, но знаю, что сует он его себе в рот, а потом как давай дрыгаться с ручищами своими длинными, все равно что паук, а они больше ничего и слушать не желают, только его.

– Что ж, – произнесла мисс Гёринг, – некоторым нравится такая музыка.

– Да, – ответил старик, – кое-кому такая музыка нравится, а кое-кто живет вместе и ест за столом вместе голышом круглый год, а еще про кое-кого нам с вами обоим известно... – выглядел он весьма таинственно, – ...но, – продолжал он, – в мое время деньги стоили фунт сахара, или масла, или лярда, когда ни возьми. И если мы куда и ходили, доставалось нам то, за что мы платили, да еще и песик в горящие обручи прыгал, а стейки там были с подушку.

– Вы о чем это? – поинтересовалась мисс Гёринг. – песик в горящие обручи прыгал?

– Так ведь, – ответил старик, – за годы настоящего терпения и выдержки, да с немалой головной болью их выдрессировать можно на что угодно. Берешь обруч, поджигаешь его по кругу, и пудельки эти, если добротные, как давай сквозь них скакать, будто птицы по воздуху летают. Такое, конечно, редко теперь увидишь, но они прямо в этом городке тут летали через самые середки горящих обручей. Само собой, люди тогда были постарше и о деньгах своих лучше заботились, не желали они глядеть, как черномазый перед ними скачет. Уж лучше заново кровлю у себя в доме перекрыть. – Он рассмеялся.

– Ну, – произнесла мисс Гёринг, – а это происходило в том кабаре, которое стояло там, где «Крюк свиного рыльца» сейчас расположен? Вы понимаете, о чем я.

– Ну уж дудки! – пылко вымолвил старик. – То место располагалось по эту сторону реки в настоящем театре, и кресла там были за три разные цены, а представленья каждый вечер и еще три раза в неделю днем.

– Что ж тогда, – проговорила мисс Гёринг, – это совершенно иное дело, верно? Потому что, в конце концов, раз «Крюк свиного рыльца» – кабаре, как вы сами сказали чуть раньше, а то место, где пудели прыгали в горящие обручи, было театром, то и сравнивать их между собой никакого смысла нет.

Старик вновь опустился на колени и принялся дальше выдергивать гвозди из дощечек, подсовывая свою палочку между

шляпкой гвоздя и деревом.

Мисс Гёринг не знала, что ему сказать, но чувствовала: будет любезнее и дальше с ним беседовать, а не двинуться по главной улице прочь одной. Она понимала, что старик немного досадует, поэтому была готова задать свой следующий вопрос значительно мягче.

– Скажите мне, – попросила его она, – в этом заведении вообще опасно или оно просто трата времени?

– Опаснее некуда, – тут же отозвался старик, и сварливость его вроде бы испарилась. – Еще как там опасно. Им какие-то итальянцы заправляют, а вокруг одни поля да леса. – И он поглядел на нее, как будто хотел сказать: «И добавить-то нечего, сразу все ясно, разве нет?»

На мгновение мисс Гёринг почувствовала, что он знает, о чем говорит, а потому в свою очередь очень серьезно заглянула ему в глаза.

– Но разве нельзя, – спросила она, – разве нельзя попросту разглядеть, все ли они вернулись в целостности и сохранности? В конце концов, тут делов-то – стоять на горке да смотреть, как они сходят с парома, если надо. – Старик вновь подобрал свою палочку и взял мисс Гёринг под руку.

– Пойдемте со мной, – произнес он, – и сами убедитесь раз и навсегда. – Он вывел ее на косогор, и оба они поглядели вдоль ярко освещенной улицы, ведущей к причалу. Парома у стенки не было, но человек, продававший билеты, был ясно виден в своей будке, а также канат, каким швартовали паром к причальной тумбе, и даже противоположный берег. Мисс Гёринг ясным взором окинула всю эту панораму и встревоженно ждала, что ей скажет старик. – Вот, – произнес тот, поднимая руку и невнятно очерчивая ею реку и небо, – сами видите, где невозможно что-то знать. – Мисс Гёринг огляделась, и ей показалось, что от взоров их не укроется ничего, но в то же время она поверила тому, что ей сказал старик. Ей стало и стыдно, и тягостно.

– Пойдемте, – сказала мисс Гёринг, – я приглашаю вас выпить пива.

– Большое вам спасибо, мэм, – ответил тот. Заговорил он, как слуга, и мисс Гёринг еще больше устыдилась того, что поверила его словам.

– Вам хотелось бы пойти в какое-то особое место? – спросила у него она.

– Нет, мэм, – ответил он, шаркая ногами обок ее. Уже не казалось, будто он хоть сколько-то склонен беседовать.

По главной улице не шел никто, кроме мисс Гёринг и старика. Но они миновали автомобиль, стоявший у темного магазина. На переднем сиденье курили двое.

Старик остановился перед витриной бара с грилем и стал разглядывать выставленные в ней индейку и какие-то старые сосиски.

– Зайдем и что-нибудь съедим, пока выпивать будем? – спросила его мисс Гёринг.

– Я не голодный, – ответил старик, – но зайду с вами и сяду.

Мисс Гёринг была разочарована: старик, похоже, и отдаленно не представлял себе, как сделать вечер праздничным. Бар был темен, но там и сям украшен гирляндами из жатой бумаги. «Несомненно – в честь какого-то недавнего праздника», – подумала мисс Гёринг. Вдоль всего зеркала за стойкой бара тянулась особенно славная гирлянда из ярко-зеленых бумажных цветов. Зальчик обставили восьмью-девятью столиками, каждый – в темно-бурой кабинке.

Мисс Гёринг и старик расположились у стойки.

– Кстати, – сказал ей старик, – не желаете ли сесть за столик, где будете не так на виду?

– Нет, – ответила мисс Гёринг, – я думаю, что быть на виду очень, очень приятно. Теперь заказывайте, чего хотите, а?

– Я буду, – сказал старик, – сэндвич с индейкой и сэндвич со свиной, чашку кофе, а выпить – ржаной виски.

«Что за причудливая психология! – подумала мисс Гёринг. – Казалось бы, ему должно быть неловко, раз он только что говорил, что не голоден».

Из любопытства она оглянулась за плечо и заметила сзади в кабинке паренька и девчонку. Паренек читал газету. Он ничего не пил. А девушка потягивала через соломинку очень славный с виду напиток вишневого цвета. Мисс Гёринг заказала себе подряд два джина, а допив их, развернулась и вновь посмотрела на девушку. Та вроде бы этого ожидала, потому что лицо ее уже было обращено в сторону мисс Гёринг. Она мягко ей улыбнулась и широко раскрыла глаза. Те оказались очень темны. Белки, заметила мисс Гёринг, подернуты желтизной. Волосы, черные и жесткие, стояли дыбом у нее по всей голове.

«Еврейка, румынка или итальянка», – сказала себе мисс Гёринг. Парнишка не отрывал глаз от газеты, которую держал так, что за нею прятался его профиль.

– Вам тут приятно? – сипло спросила у мисс Гёринг девушка.

– Ну, – ответила мисс Гёринг, – я вышла не вполне для того, чтобы доставить себе приятность. Я более-менее вынудила себя выйти просто потому, что терпеть не могу ходить куда-то ночью одна и вообще предпочитаю не покидать своего дома. Однако все дошло до того, что я просто вынуждена совершать такие вот маленькие вылазки...

Мисс Гёринг умолкла, потому что действительно не знала, чем ей продолжать и как объяснить этой девушке то, что она имела в виду, и при этом не слишком длинно, – и осознала, что вот в этот самый миг такое окажется невозможно, поскольку между баром и кабинкой молодых людей постоянно сновала официантка.

– Во всяком случае, – проговорила мисс Гёринг, – я определенно думаю, что нет никакого вреда в том, чтобы немножечко расслабиться и прелестно отдохнуть.

– Все обязаны изумительно чудесно отдыхать, – сказала девушка, и мисс Гёринг заметила, что говорит она с легчайшим акцентом. – Разве нет, мой ангел Котик? – обратилась она к парнишке.

Тот отложил газету; вид у него был довольно раздосадованный.

– Разве нет что? – переспросил у нее он. – Я ни слова твоего не слышал. – Мисс Гёринг совершенно точно знала, что это ложь, а он лишь притворяется, будто не заметил, что его подружка с нею разговаривала.

– Ничего особо важного, – ответила девушка, с нежностью заглядывая ему в глаза. – Вот эта дама тут говорила, что, в конце концов, никому не вредит расслабляться и прелестно отдыхать.

– Быть может, – произнес парнишка, – свиданке вреда больше от прелестного времяпрепровождения, чем от чего бы то ни было еще. – Сказал он это прямо девушке и совершенно пренебрег тем, что мисс Гёринг вообще была упомянута. Девушка перегнулась к нему и зашептала ему на ухо.

– Дорогуша, – вымолвила она, – с этой женщиной случилась какая-то жуть. Я это сердцем чувствую. Не будь с ней, пожалуйста, раздражительным.

– С кем? – спросил у нее парнишка.

Она рассмеялась, поскольку знала, что поделаться она тут может мало что. У парнишки часто бывало скверное настроение, но она его любила и могла мириться чуть ли не со всем.

Старик, пришедший с мисс Гёринг, извинился и отнес свои напитки и сэндвичи поближе к радиоприемнику, возле которого и стоял теперь, приложив ухо к динамику.

В глубине заведения на маленьком кегельбане какой-то мужчина в одиночестве катал шары; мисс Гёринг прислушивалась к их рокоту вдоль деревянной канавки и жалела, что ей не видно этого мужчину, чтобы не тревожиться за вечер и быть уверенной, что в заведении не присутствует никого такого, кого можно считать опасным. Разумеется, оставалась возможность, что в двери зайдут и новые посетители, но это совершенно выскочило у нее из головы. Как бы сильно ни старалась она, а хорошенько взглянуть на того, кто катал шары, ей не удавалось.

Парнишка и девушка ссорились. Мисс Гёринг определила это по их голосам. Она внимательно прислушивалась, не поворачивая головы.

– Не понимаю, почему, – проговорила девушка, – тебе обязательно надо впадать в ярость, стоит мне только упомянуть, что мне всегда нравится приходить сюда и немного тут сидеть.

– Совершенно незачем, – ответил парнишка, – сюда приходить и сидеть тут, а не в каком-нибудь другом месте.

– Тогда почему же... почему ты сюда заходишь? – неуверенно спросила девушка.

– Сам не знаю, – ответил парнишка; – может, потому, что на это место мы натываемся первым, выходя из нашей комнаты.

– Нет, – вымолвила девушка, – есть и другие заведения. Вот бы ты просто признался, что тебе тут нравится; не знаю почему, но от этого я была б так довольна; мы сюда уже давно ходим.

– Да будь я проклят, если скажу такое, – и будь я проклят, если зайду сюда еще раз, хоть околдуй ты это заведение.

– Ой, Котик, – проговорила девушка, и в голосе ее звучала неподдельная мука, – Котичек, я ж не про ведьм с их колдовскими силами говорю; даже не думала про них. Только когда совсем маленькой была. Зря я тебе эту историю рассказала.

Парнишка помотал головой; ему стало противно от подружки.

– Бога ради, – произнес он, – да я этого и близко не имел в виду, Бернис.

– Не понимаю я, *что* тогда ты имеешь в виду, – ответила Бернис. – Сюда или в какое-нибудь другое место многие ходят каждый вечер из года в год, только чтоб выпить да побеседовать друг с дружкой; попросту оттого, что тут им как дома. А мы сюда ходим лишь потому, что потихоньку это и нам домом становится; вторым домом, если нашу комнатенку домом считать; для меня она дом; я ее очень люблю.

Парнишка застонал от недовольства.

– А еще, – добавила девушка, чувствуя, что слова ее и сам голос могут неволью навести на парнишку чары, – столики, стулья и стены тут стали теперь все равно что знакомые лица старых друзей.

– Каких еще старых друзей? – осведомился парнишка, все яростнее хмурясь. – Каких друзей? Для меня это просто еще один гадюшник, где беднота закидывается бухлом, чтобы забыть состояние собственного дохода, которого вообще не существует.

Сел он очень прямо и воззрился на Бернис.

– Наверно, так и есть – отчасти, – расплывчато ответила она, – только я чувствую, что тут не только это.

– Вот в том-то и беда.

Между тем бармен Фрэнк прислушивался к беседе Бернис с Диком. Вечер выдался скучный, и чем больше думал он о том, что говорит парнишка, тем больше злился. Он решил подойти к их столику и затеять ссору.

– Давай, Дик, – произнес он, хватая паренька за воротник рубашки. – Если тебе это заведение так не нравится, вали отсюда к черту. – Он сдернул парнишку с сиденья и страшно пихнул его так, что Дика на несколько шагов мотнуло, и головою он врезался в барную стойку.

– Совсем мозги жиром заплыли, – заорал Дик, бросаясь на бармена. – Кусок ты ретроградного лярда. Я тебе всю белую харю твою помну.

Теперь эти двое сцепились не на шутку. Бернис стояла на столике и дергала бойцов за рубашки, стараясь их растащить. Ей удавалось до них дотянуться, хоть и дрались они на изрядном расстоянии от столика, потому что скамьи с обоих концов оканчивались столбиками,

и она, цепляясь за какой-нибудь, могла раскачиваться над головами сражавшихся.

Оттуда, где стояла теперь мисс Гёринг, была видна полоска тела над чулком Бернис, когда та в особенности далеко высывалась из кабинки. Мисс Гёринг это беспокоило б не чересчур, не заметь она, что мужчина, прежде катавший шары, теперь покинул свой пост и пристально разглядывал оголенную плоть Бернис всякий раз, когда ему предоставлялась такая возможность. У мужчины было узкое красное лицо, сдавленный и какой-то воспаленный нос и очень тонкие губы. Волосы у него цветом были чуть ли не оранжевы. Мисс Гёринг никак не могла определить, крайне законопослушный ли он субъект или же, наоборот, преступная натура, но напряженность его внимания едва не напугала ее до полусмерти. Да и не было у мисс Гёринг возможности разобраться, глядит он на Бернис с интересом или же с презрением.

Хотя бармену Фрэнку доставались кое-какие крепкие удары, а с лица его ручьями лил пот, по виду держался он очень спокойно, и мисс Гёринг казалось, будто он теряет к драке интерес, а единственный на самом деле напряженный человек в баре – мужчина, стоящий у нее за спиной.

Вскорости Фрэнку разбили губу, а Дику раскровенили нос. Сразу же следом за этим драку они прекратили и нестойко заковыляли в умывальник. Бернис соскочила со стола и побежала за ними.

Вернулись они через несколько минут, умытые, причесанные и держа у ртов грязные носовые платки. Мисс Гёринг подошла к ним и взяла обоих мужчин за руки.

– Я рада, что все уже кончилось, и мне хочется, чтобы каждый из вас выпил как мой гость.

Дик теперь выглядел очень грустным и очень смирным. Со всей серьезностью кивнул, они сели вместе и подождали, пока Фрэнк приготовит им выпивку. Вернулся тот со стаканами и, обслужив их, тоже подсел за столик. Все немного попили молча. Вид у Фрэнка был мечтательный – казалось, он думает о чем-то очень своем, не имеющем никакого касательства к событиям вечера. Разок вынул адресную книжку и несколько раз перелистнул ее странички. Первой нарушила молчание мисс Гёринг.

– Теперь скажите мне, – обратилась она к Бернис и Дику, – скажите, чем вы интересуетесь.

– Меня интересует политическая борьба, – ответил Дик, – что, разумеется, единственное, чем стоит интересоваться любому уважающему себя человеку. Кроме того, я за победителей и за правое дело. На той стороне, что верит в перераспределение капитала. – Он сам себе хмыкнул, и очень легко было понять, что полагает он, будто разговаривает с круглой душой.

– Премного об этом наслышана, – сказала мисс Гёринг. – А вас что интересует? – обратилась она к девушке.

– Что б ни интересовало вот его, но правда еще и в том, что в большую важность политической борьбы я верила еще до того, как познакомилась с ним. Видите ли, у меня другая натура, не как у него. То, от чего делаюсь счастливая, я как бы ловлю с неба обеими руками; удерживаю я только то, что люблю, потому что лишь такое вообще-то и вижу. Мир препятствует мне и моему счастью, а вот я миру никогда не препятствую – разве что сейчас, когда я с Диком. – И Бернис положила руку на стол, чтобы Дик ее взял. Она уже слегка захмелела.

– Мне грустно слышать от тебя такое, – произнес Дик. – Как левачке тебе прекрасно известно, что прежде, чем бороться за собственное счастье, мы должны посражаться за что-то другое. Мы живем в такой период, когда личное счастье значит очень мало, потому что индивиду осталось очень мало мгновений. Мудро сперва уничтожить себя; хотя бы сохранить только ту свою часть, что принесет пользу большой группе людей. Если так не поступишь – перестанешь видеть объективную реальность и так далее и плюхнешься прямо в мистицизм, а прямо сейчас это будет пустой тратой времени.

– Ты прав, дорогой Дики, – вымолвила Бернис, – но иногда мне бы хотелось, чтобы меня обслуживали в красивой комнате. Порой я думаю, что было б мило быть буржуазной. – (Слово «буржуазной» она выговорила так, словно только что узнала его.) Бернис продолжала: – Я такая человеческая личность. Хоть я и бедная, недоставать мне будет того же, чего и им, потому что иногда ночью одно то, что спят они в своих домах и в безопасности, меня не злит, а наполняет покоем, словно малышу, который ночью испугался, нравится слышать, как на

улице разговаривают взрослые. Ты не считаешь, что в том, что я говорю, есть смысл, Дики?

– Вообще никакого! – ответил парнишка. – Мы оба прекрасно знаем, что орем по ночам именно от этой их безопасности.

Мисс Гёринг уже не терпелось самой вступить в беседу.

– Вам, – сказала она Дик, – интересно победить в очень правильной и разумной борьбе. Меня же гораздо больше интересует, отчего в этой борьбе так трудно победить.

– У них вся власть в руках; у них пресса и средства производства.

Мисс Гёринг закрыла парнишке рот рукой. Тот подскочил.

– Так оно и есть, – сказала она, – но разве не весьма очевидно, что боретесь вы и с чем-то еще? Сражаетесь с их нынешним положением на земле, за которое они все так упорно цепляются. Род наш, как вам известно, не бездейственен. А непреклонны они потому, что до сих пор верят, будто земля плоская и сами они могут свалиться с нее в любую минуту. Именно потому так цепко и держатся за серединку. То есть – за все идеалы, согласно каким всегда жили. У вас не выйдет противопоставить новое будущее тем, кто все еще сражается с темнотой и всевозможными драконами.

– Так-так, – произнес Дик, – и что же мне тогда делать?

– Просто не забывайте, – вымолвила мисс Гёринг, – что победившая революция – это взрослый, который должен раз и навсегда прикончить собственное детство.

– Не забуду, – ответил Дик, слегка ощерившись мисс Гёринг.

Мужчина, катавший шары, теперь стоял у бара.

– Схожу-ка я лучше посмотрю, что там Энди нужно, – вымолвил Фрэнк. По ходу всей беседы мисс Гёринг с Диком он тихонько насвистывал, но вроде бы слушал, потому что теперь, выходя из-за стола, повернулся к ней. – Я считаю, что жить на земле очень славно, – сказал он мисс Гёринг, – и у меня никогда не было ощущения, что стоит мне зайти лишь на шаг дальше – и я с нее свалюсь. На земле всегда можно попробовать по два-три раза, и все с тобою будут сильно терпеливы, пока у тебя это что-то не получится правильно. Первый раз наперекосяк не значит, что тебе каюк.

– Ну так а я ничего подобного и не говорила, – заметила мисс Гёринг.

– Да только об этом вы и говорите. И не пытайтесь теперь от слов своих откреститься. Но я вам скажу так: что до меня, так это совершенно нормально. – В глаза мисс Гёринг он смотрел с чувством. – Моя жизнь, – проговорил он, – она моя собственная, хоть грязь, хоть князь.

– О чем он вообще? – спросила мисс Гёринг у Бернис и Дика. – Похоже, он думает, будто я его оскорбила.

– Бог его знает! – ответил Дик. – Как бы там ни было, я спать хочу. Бернис, пошли домой.

Пока Дик расплачивался с Фрэнком у стойки, Бернис наклонилась к мисс Гёринг и прошептала ей на ухо:

– Знаете, дорогая, – сказала она, – когда мы дома одни, он на самом деле совсем не такой. Я с ним очень счастливая. Он славный мальчик, и вы б только видели, от каких простых вещей он приходит в восторг, когда в своей собственной комнате, а не с посторонними. Что ж... – она выпрямилась и вроде бы немного смутилась от такого выплеска доверительности, – ...что ж, я правда очень рада, что познакомилась с вами, и надеюсь, мы вам не слишком уж мешали. Честное слово, раньше такого никогда не бывало, потому что внутри подо всем этим Дик в точности такой же, как вы и я, только у него очень нервическое состояние ума. Поэтому вы его должны простить.

– Разумеется, – ответила мисс Гёринг, – но я не понимаю, за что именно.

– Ну, до свиданья, – вымолвила Бернис.

Мисс Гёринг слишком уж смутило и потрясло сказанное Бернис у Дика за спиной, чтоб она поначалу заметила, что в баре осталась одна, если не считать того мужчины, что раньше катал деревянные шары, да старика, который уже уснул, уронив голову на стойку. Когда же обратила на это внимание, на единственный безрадостный миг почувствовала она, что все это подстроено, и пусть даже она сама побудила себя предпринять эту маленькую поездку на большую землю, в то же время к этой вылазке мисс Гёринг обманом вынудили некие высшие силы. Она ощутила, что не может уйти, а если даже попытается, что-то произойдет и помешает ее уходу.

Малодушно заметила она, что мужчина взял со стойки бара свою выпивку и направляется к ней. Остановился он от ее столика в шаге – и стоял теперь, держа стакан на весу.

– Вы со мною выпьете, нет? – спросил он у нее и особо сердечным при этом не выглядел.

– Прошу прощения, – проговорил из-за стойки Фрэнк, – но мы уже будем закрываться. Боюсь, напитки больше не подаются.

Энди ничего ему не ответил, а вышел за дверь и хлопнул ею за собой. Им было слышно, как он расхаживает взад-вперед у салуна.

– Опять своего добьется, – вымолвил Фрэнк, – черт бы это все побрал.

– Ох, батюшки, – произнесла мисс Гёринг, – вы его боитесь?

– Вот еще, – ответил Фрэнк, – но он неприемлемый – это единственное слово, какое мне для него приходит в голову, – неприемлемый; а жизнь в конечном счете слишком коротка.

– Что же, – сказала мисс Гёринг, – он опасен?

Фрэнк пожал плечами. Вскоре Энди вернулся.

– Луна и звезды уже вышли, – сказал он, – а видно чуть ли не до края городка. Никаких полицейских не видать, поэтому, думаю, можно и выпить.

Он скользнул на скамью напротив мисс Гёринг.

– Без единой живой души на улице холодно и безжизненно, – начал он, – но именно так мне теперь и нравится; простите меня, если покажусь угрюмцем такой веселушке, как вы, но у меня привычка никогда не обращать внимание на того, с кем разговариваю. Сдается, про меня скажут: «недостаточно уважает других людей». Вот у *вас* к вашим друзьям огромное уважение, я уверен, но это лишь из-за того, что вы саму себя уважаете, а это всегда начальная точка для чего угодно: вы сами.

Теперь, раз он с нею заговорил, мисс Гёринг стало отнюдь не легче, нежели до того, как он к ней подсел. Казалось, он напрягается все больше, чуть ли не злится, когда говорит, а от его способа приписывать ей такие свойства, что ни в чем не были правдой для ее натуры, беседа приобретала некое зловещее качество и в то же время заставляла мисс Гёринг чувствовать собственную незначительность.

– Вы в городе живете? – осведомилась у него мисс Гёринг.

– Верно, так и есть, – сказал Энди. – У меня три меблированные комнаты в новом многоквартирном доме. Это единственный многоквартирный дом в городке. Каждый месяц я плачу за жилье и живу там совсем один. Во второй половине дня мне в квартиру сияет

солнце, и в этом есть тончайшая ирония, по моему мнению, потому что из всех квартир в здании моя самая солнечная, а я в ней весь день сплю, опустив жалюзи. Я не всегда там жил. До этого я проживал в большом городе с матерью. Но это ближайшее, что я сумел найти к исправительному острову, поэтому меня устраивает; устраивает меня более чем.

Несколько минут он возился с сигаретами и взгляд свой от лица мисс Гёринг намеренно отводил. Ей он напоминал некоторых комиков, которым наконец-то выпадает второстепенная трагическая роль, и они ее неплохо играют. Кроме того, у нее сложилось весьма отчетливое впечатление, что простенький ум его рассекаем чем-то напополам, отчего человек этот ворочается под своим одеялом, а не спит, и вообще влачит жалкое существование. У нее не было сомнений, что вскоре она выяснит, что же это такое.

– У вас очень особый тип красоты, – сказал ей он; – скверный нос, но красивые глаза и волосы. Мне доставит удовольствие посреди всего этого ужаса лечь с вами в постель. Но для этого нам придется покинуть бар и отправиться ко мне в квартиру.

– Что ж, не могу вам ничего обещать, но пойти к вам в квартиру буду рада, – ответила мисс Гёринг.

Энди велел Фрэнку позвонить на стоянку такси и сказать некоему человеку, бывшему на дежурстве, чтобы приехал их забрать.

Такси катилось по главной улице очень медленно. Было оно очень старым, а следовательно, дребезжало будь здоров. Энди высунул голову из окошка.

– Как поживаете, дамы и господа? – заорал он пустой улице, стараясь подражать английскому выговору. – Надеюсь... я определенно надеюсь, что все вы до единого прекрасно проводите время в этом нашем великом городишке. – Он вновь откинулся на спинку сиденья и ослабился на такой жуткий лад, что мисс Гёринг опять стало страшно. – По этой улице обруч можно гонять голым в полночь, и никто никогда не узнает, – сказал ей он.

– Ну, если вы считаете это место таким унылым, – произнесла мисс Гёринг, – чего ж не переедете куда-нибудь еще со всеми своими пожитками?

– Ох, нет, – угрюмо ответил он, – этого я нипочем не сделаю. Никакого в этом проку.

– Вы здесь делами привязаны? – поинтересовалась у него мисс Гёринг, хотя и сама прекрасно знала, что он говорит о чем-то духовном и гораздо более важном.

– Не зовите меня деловым человеком, – ответил ей он.

– Значит, вы художник?

Он неопределенно покачал головой, как будто и не знал толком, что такое художник.

– Что ж, ладно, – произнесла мисс Гёринг, – две попытки я сделала; теперь не скажете ли мне, кто же вы?

– Лодырь! – зычно произнес он, соскальзывая на сиденье ниже. – Вы же это все время знали, правда, – вы же разумная женщина?

Таксомотор подъехал к многоквартирному дому, стоявшему между пустырем и цепочкой магазинов всего в один этаж.

– Видите, солнце после обеда все мое, – сказал Энди, – потому что его ничего не загораживает. Я выглядываю на этот вот пустырь.

– На пустыре растет дерево, – промолвила мисс Гёринг. – Полагаю, вам его видно из вашего окна?

– Да, – ответил тот. – Чудно, правда?

Дом был очень новый и очень маленький. Они вместе постояли в вестибюле, пока Энди нашаривал ключи в карманах. Пол там был из искусственного мрамора, цветом желтого везде, кроме середины, где архитектор уложил мозаикой синего павлина, окруженного различными цветами на длинных стеблях. Павлин в тусклом свете едва виднелся, и мисс Гёринг присела на корточки, чтобы рассмотреть его получше.

– Мне кажется, это кувшинки вокруг павлина, – произнес Энди, – но павлину полагается иметь в себе тысячи красок, нет? Он многоцветный – не в этом ли смысл павлина? А этот весь синий.

– Ну, – ответила мисс Гёринг, – быть может, так он приятнее.

Они ушли из вестибюля и поднялись по железной лестнице. Энди жил на первом этаже. В коридоре стояла жуткая вонь – она, как Энди сообщил, никогда не развеивается.

– Они там стряпают на десять человек, – сказал он, – весь день напролет. Все работают в разное время суток; одна их половина вообще не видит другую, разве что по воскресеньям и праздникам.

В квартире Энди было очень жарко и душно. Мебель там стояла вся бурая, и ни одна подушка, похоже, толком не соответствовала

креслам.

– Вот и конец путешествию, – вымолвил Энди. – Располагайтесь как дома. А я немножко разденусь. – Вернулся он через минуту в банном халате, сшитом из какой-то очень дешевой материи. Оба конца халатного пояса были частично изжеваны.

– Что случилось у вас с поясом? – поинтересовалась мисс Гёринг.

– Собака отгрызла.

– О, у вас есть собака? – спросила у него она.

– Когда-то были и собака, и будущее, и девушка, – ответил он, – но теперь-то все иначе.

– И что же случилось? – спросила мисс Гёринг, сбрасывая с плеч шаль и промокая лоб носовым платком. От парового тепла она уже вспотела – тем паче что успела отвыкнуть от центрального отопления.

– Давайте не будем о моей жизни, – проговорил Энди, воздевая руку, как регулировщик. – Давайте вместо этого выпьем.

– Хорошо, но я определенно считаю, что нам рано или поздно следует побеседовать о вашей жизни, – произнесла мисс Гёринг. Все это время она думала, что позволит себе отправиться домой, не пройдет и часа. «Считаю, – заверяла она себя, – что для первой ночи мне все удалось неплохо». Энди стоял и потуже затягивал на себе пояс халата.

– Я, – сказал он, – был помолвлен с очень приличной девушкой – она работала, и мы собирались сыграть свадьбу. Я любил ее, как только мужчина способен любить женщину. У нее был гладкий лоб, прекрасные голубые глаза и не очень хорошие зубы. А ноги такие, что хоть картинки с них снимай. Звали ее Мэри, и она ладила с моей матерью. Простая она была девушка, ум заурядный, и, бывало, невероятно упивалась жизнью. Иногда мы с нею ужинали в полночь просто почему б и нет, и она мне, бывало, говорила: «Вообрази только – идем в полночь по улице, чтобы поужинать. Два обычных человека. Может, и нет никакого здравомыслия». Само собой, я не рассказывал ей, что есть множество людей вроде тех, что живут дальше по коридору в квартире 5Д и ужинают в полночь не потому, что они чокнутые, а потому, что у них такая работа, что их к этому вынуждает, – потому что, возможно, тогда она бы не получала от этого столько удовольствия. Не собирался я ей это все портить и рассказывать, что мир – не чокнутый, что мир – средней такой

приличности; да и не знал я, что всего через пару месяцев ее миленок станет в нем одним из самых чокнутых людей.

Вены у Энди на лбу стали набухать, лицо покраснело, а крылья носа вспотели.

«Все это, должно быть, для него по-настоящему важно», – подумала мисс Гёринг.

– Часто я ходил ужинать в итальянский ресторан; находился он прямо за углом от моего дома; я знал почти всех тамошних едоков, и общий дух там царил весьма компанейский. Таких нас, кто все время питался тут совместно, было несколько. Я всегда покупал вино, потому что был зажиточнее большинства из них. Потом еще там столовалась парочка стариков, но с ними никогда не связывались. Еще водился один не такой уж и старый, но держался наособицу и с остальными не общался. Мы знали, что раньше он был в цирке, но так и не выяснили, кем он там работал, ничего. Потом однажды вечером – накануне того вечера, когда он ее привел, мне случилось впериться в него ни с того ни с сего, и я увидел, как он встал и сложил газету в карман, что видеть было странновато, поскольку он даже еще не доел. Затем повернулся к нам и откашлялся, как будто горло прочищал... «Господа, – сказал он, – мне нужно сделать объявление». Парней мне пришлось утихомирить, потому что голосок у него был уж такой тоненький, и не расслышишь толком, что он там говорит... «Много времени у вас я не отниму, – продолжал он так, словно выступал на важном банкете, – но просто мне надо вам сказать, и через минуту вы поймете зачем. Просто хочу сообщить вам, что завтра вечером я приведу сюда одну даму и безоговорочно желаю, чтоб вы все ее полюбили: дама эта, господа, – как сломанная кукла. У нее нет ни рук, ни ног». После этого он тихонько сел и снова принялся за еду.

– Какая ужасная неловкость! – вымолвила мисс Гёринг. – Батюшки мои, что же вы на это ответили?

– Не помню, – сказал Энди, – а помню только, что было неловко, в точности как вы и сказали, да и не понимали мы, зачем тут какое-то объявление нужно делать... Назавтра вечером она уже сидела в своем кресле, когда мы туда пришли; накрашена славно и в очень хорошенькой чистой блузке, а спереди к ней приколата брошка в виде бабочки. Волосы горячими щипцами завиты, а была она блондинка натуральная. Я ухо остро держал и слышал, как она дядечке этому

говорит, что аппетит у нее все лучше и лучше, а спать она может по четырнадцать часов в сутки. После этих слов я стал замечать ее рот. Походил он на лепесток розы, или сердечко, или какую-то маленькую ракушку. По-настоящему прекрасный. И тут же принялся я воображать какая она; вся остальная, понимаете – вообще без всяких ног. – Он умолк и прошелся по комнате, разглядывая свои стены... – В ум мне она вползла уродливой змеей, мысль эта, и осталась там, свернувшись. Я смотрел на ее головку, такую маленькую и такую нежную на фоне той темной закопченной стены, и то было яблоком греха, от которого я вкушал впервые.

– По правде впервые? – спросила мисс Гёринг. Выглядела она ошеломленной и на миг глубоко задумалась.

– С тех самых пор впредь не думал я больше ни о чем, только лишь как выяснить; а все остальные мысли из моей головы бежали.

– А прежде мысли у вас о чем были? – чуточку недоброжелательно спросила у него мисс Гёринг. Энди, похоже, ее не услышал.

– В общем, продолжалось это сколько-то – то, что я к ней питал. Я встречался с Белль, которая часто приходила в ресторан, и с Мэри тоже встречался. С Белль мы подружились. Ничего особенного в ней не было. Она любила вино, и я его, бывало, действительно вливал ей в глотку. Она немножко слишком часто рассказывала о своей семье и была немножко чересчур хороша. Не вполне набожна, просто милосердия молоко ее немного слишком уж переполняло^[13]. А оно росло и росло – это ужасное любопытство мое или желание, покуда мой ум наконец не начал блуждать, когда я бывал с Мэри, и спать с нею я уже больше не мог. Но вела она себя все это время просто шикарно – терпелива, аки агнец. Она была слишком уж юна, чтобы с нею подобное случилось. Я же вел себя все равно что жуткий старик или кто-нибудь из тех королей-импотентов, что всю жизнь сифилисом болели.

– А вы рассказали своей милой, что так действует вам на нервы? – спросила мисс Гёринг, стараясь немного его поторопить.

– Не рассказывал я ей ничего, поскольку хотел, чтобы все здания для нее не сходили с места, чтобы звезды оставались над ее головой, а не кособочились, – я хотел, чтоб она могла гулять по парку да птичек кормить еще много-много лет с каким-нибудь другим прекрасным

человеком, кто б ее под руку держал. Не желал я, чтоб ей пришлось запереть что-то у себя внутри и выглядывать на свет божий через заколоченное окошко. Вскоре после я уже улегся с Белль в постель и заполучил себе прекраснейший сифилис, на лечение которого истратил следующие два года. Примерно тогда же пристрастился к кегельбану и наконец съехал из материного дома, бросил свою работу и перебрался в эти Ничейные Земли. В этой квартире жить я могу нормально на те немногие деньги, какие выручаю от того здания в городских трущобах, каким владею.

Он сел в кресло напротив мисс Гёринг и закрыл лицо руками. Та рассудила, что он договорил, и уже совсем было собралась его поблагодарить за гостеприимство и пожелать ему доброй ночи, когда он поднял лицо из ладоней и заговорил снова.

– Худшее помню я отчетливо; все меньше и меньше мог я общаться со своей матерью. Весь день напролет и полночи проводил в кегельбане. Потом на четвертый день июля решил, что изо всех сил постараюсь провести этот праздник с нею. В три часа после обеда у нас под окном должен был пройти большой парад. Незадолго до урочного часа я стоял в гостиной в наглаженном костюме, а мать сидела впритык к окну. День снаружи стоял солнечный – самое оно для парада. Начали его пунктуально, потому что где-то без четверти три мы уже начали слышать вдали слабую музыку. Затем вскоре после мимо пронесли красно-бело-синий флаг моей страны – держали его какие-то славные с виду парни. Оркестр наяривал «Янки Дудл»^[14]. Вдруг я закрыл лицо руками; я не мог смотреть на флаг родной страны. Тогда-то и понял я, раз и навсегда, что я себя ненавижу. С тех пор принял свое положение скунса. «Гражданин Скунс» – вот как я себя втайне прозвал, так уж вышло. Но и в грязи наслаждаться можно, кстати говоря, если просто усесться в нее, а не барахтаться.

– Ну, – произнесла мисс Гёринг, – я определенно думаю, что совсем немного усилий – и вы бы взяли себя в руки. А этому случаю с флагом я бы особого значения не придавала.

Он неопределенно глянул на нее.

– Вы говорите, как светская дама, – вымолвил ей он.

– Я и есть светская дама, – проговорила мисс Гёринг. – Кроме того, я богата, но преднамеренно понизила свой уровень жизни. Свой прелестный дом я бросила и переехала в домишко на острове. Он в

очень скверном состоянии и практически ничего мне не стоит. Что вы на это скажете?

– Скажу, что вы сбрендили, – ответил Энди, причем тоном отнюдь не дружелюбным. Он зловеще хмурился. – Таким, как вы, нельзя доверять деньги.

Мисс Гёринг удивилась, что он так неприкрыто высказывает праведное негодование.

– Прошу вас, – вымолвила она, – вы не могли б открыть окно?

– Если открою, сюда задует очень холодным ветром, – ответил Энди.

– И тем не менее, – сказала мисс Гёринг, – я бы, наверное, это предпочла.

– Признáюсь вам, – произнес Энди, неловко ерзая в кресле. – Я только что оправился от скверного гриппа и смертельно боюсь сквозняков. – Он прикусил губу, а вид у него сделался до ужаса встревоженный. – Могу выйти и постоять в другой комнате, если хотите, пока вы тут свежим воздухом подышите, – прибавил он, несколько приободряясь.

– Какая великолепная мысль, – сказала мисс Гёринг.

Он вышел и мягко прикрыл за собой дверь спальни. Мисс Гёринг была в восторге от возможности впустить сюда хоть немного прохладного воздуха и, после того, как открыла окно, положила обе руки на подоконник, слегка их раздвинув, и высунулась наружу. Это бы ей понравилось гораздо больше, не будь она уверена, что Энди неподвижно стоит у себя в комнате, сжираемый скукой и нетерпением. Он по-прежнему немного ее пугал, и в то же время она ощущала, что он жутко обременителен. Напротив многоквартирного дома располагалась бензоколонка. Хотя в кабинетике там никого сейчас не было, она оставалась ярко освещена, а радио на конторке работало. Неслись звуки какой-то народной песенки. Вскоре в дверь спальни кратко постучали – это мисс Гёринг и рассчитывала услышать. Огорченно закрыла она окно, не успела песенка доиграть.

– Входите, – окликнула его она, – входите. – Смятенно узрела она, что Энди снял с себя все и остался в одних носках и нижнем белье. Казалось, ему вовсе не стыдно, и держался он так, будто ими обоими по умолчанию подразумевалось, что явится он облаченным подобным манером.

Он сопровождал ее до тахты и вынудил сесть с собою рядом. После чего обхватил ее рукой и скрестил ноги. Они у него были до ужаса тощи, да и в целом, сняв с себя все, смотрелся он невидно. Щекою он прижался к щеке мисс Гёринг.

– Вы не могли бы сделать меня счастливым, как считаете? – спросил у нее он.

– Да ради всего святого, – воскликнула мисс Гёринг, резко выпрямившись, – я думала, вы уже выше этого.

– Ну, никому вообще-то не удастся заглянуть в будущее, кстати сказать. – Он сощурился и попытался ее поцеловать.

– Так, а насчет той женщины, – произнесла она, – Белль, у которой не было ни рук, ни ног?

– Прошу вас, дорогая, давайте не будем сейчас о ней. Можете оказать мне такую услугу? – Тон у него был слегка презрителен, но в голосе чувствовалась подспудная горячность. Он проговорил: – А теперь расскажите мне все, чего ни пожелаете. Видите ли... Эти два года я же даром времени не терял. Есть и то небольшое, чем я в себе горжусь.

Мисс Гёринг держалась очень солидно. Раздумывала об этом она весьма всерьез – подозревала, что, прими она предложение Энди, ей гораздо труднее будет положить конец своим вылазкам, если ей того захочется. До недавнего времени она никогда еще не заходила опасно далеко в действии по любому пути, какой решалась счесть нравственно верным. Едва ли она одобряла в себе эту слабость, но была до определенной степени здравомысляща и достаточно счастлива, чтобы себя машинально оберегать. Однако чувствовала она себя немного подшофе, и предложение Энди ее довольно-таки манило. «Следует допустить, чтобы то, что не способна совершить воля, частенько сопровождала некоторая беззаботность природы», – молвила себе она.

Энди глянул на дверь спальни. Настроение у него вроде бы совсем внезапно изменилось – он теперь казался смятенным. «Это не значит, что он не похотлив», – подумала мисс Гёринг. Энди встал и побродил по комнате. Наконец из-под тахты выволок старый граммофон. Долго-долго стирал с него пыль и собирал иголки, разбросанные по вертушке и под нею. Стоя подле этого инструмента на коленях, он вполне

увлекся своим занятием, и лицо у него сделалось едва ли не благожелательным.

– Это очень старая машинка, – промямлил он. – Я ее себе раздобыл очень, очень давно.

Устройство было очень маленьким и ужасно устаревшим, а будь мисс Гёринг сентиментальна, ей стало бы немного грустно наблюдать за Энди; она же теряла терпение.

– Я ни слова от вас не слышу, – крикнула ему она ненужно громко.

Не ответив ей, он встал и ушел к себе в комнату. А когда вернулся, на нем вновь был халат, а в руке – пластинка.

– Думаете, я дурачок, – промолвил он, – раз так долго возжусь с этой машинкой, когда мне всего-то и нужно, что поставить вам эту одну пластинку. Это марш; вот. – Он вручил ей пластинку, чтобы она прочла название пьесы и что за оркестр ее исполняет. – Может, – сказал он, – вы и не пожелаете его слушать. Многим маршевая музыка не нравится.

– Нет, прошу вас, поставьте, – вымолвила мисс Гёринг. – Я буду рада, правда же.

Он поставил пластинку и присел на краешек очень неудобного стула довольно-таки в отдалении от мисс Гёринг. Иголлка оказалась слишком громкой^[15], а марш – «Вашингтонской почтой»^[16]. Мисс Гёринг стало не по себе, как любому, кто слушает парадную музыку в тихой комнате. Энди же, казалось, наслаждался ею и, пока пластинка играла, отбивал ногою ритм. Но когда музыка закончилась, он, похоже, впал в еще худшее смятение, нежели прежде.

– Вы бы хотели осмотреть квартиру? – осведомился у нее он.

Мисс Гёринг проворно вскочила с тахты, чтобы он не успел передумать.

– До меня в этой квартире жила женщина, шившая платья, поэтому спальня у меня для мужчины как бы такая женственная.

Она зашла следом за ним в эту спальню. Постель он расправил довольно небрежно, а наволочки у двух подушек были посеребрившимися и мятыми. На комод с зеркалом у него стояли портреты нескольких девушек, все они до ужаса непривлекательны и обычны с виду. Мисс Гёринг они показались скорее типом исправных прихожанок, нежели любовницами холостяка.

– Симпатичные девушки, а? – спросил Энди у мисс Гёринг.

– Прелестные, – ответила она, – просто прелесть.

– Ни одна из них в этом городке не живет, – сказал он. – Они обитают в разных местах поблизости. Здесь девушек оберегают, а холостяки моих лет им не нравятся. Я их за это не виню. Время от времени кого-нибудь из них я вожу в кино, если на меня стих найдет. Даже сижу у них в гостиных по вечерам с их родителями прямо в доме. Но видят они меня нечасто, это я вам могу сразу сказать.

Мисс Гёринг все сильнее и сильнее озадачивало, но больше вопросов ему она не задавала, потому что вдруг утомилась.

– Наверное, я теперь пойду, – вымолвила она, слегка покачиваясь на ногах. И тут же осознала, до чего груба и нелюбезна, – и заметила, как Энди весь подобрался. Кулаки свои он сунул в карманы.

– Ну вы ж не можете уйти прямо сейчас, – проговорил он ей. – Задержитесь еще ненадолго, и я приготовлю вам кофе.

– Нет-нет, кофе я не хочу. Да и дома обо мне беспокоиться станут.

– Кто? – спросил у нее Энди.

– Арнолд, и Арнолдов отец, и мисс Гэмелон.

– По мне, так это жуткая толпа, – произнес он. – Я б ни за что не потерпел жить в такой толпе.

– А я люблю, – ответила мисс Гёринг.

Он обхватил ее руками и попытался поцеловать, но она отстранилась.

– Нет, честно, я слишком для этого устала.

– Ладно, – произнес он, – хорошо! – Лоб у него собрался глубокими складками, и вид стал совершенно жалким. Он снял халат и улегся в постель. Лежал там, натянув простыню до подбородка, месил ногами и глядел в потолок так, словно у него лихорадка. На столике рядом с кроватью горел ночничок, и лампочка светила ему прямо в лицо, поэтому мисс Гёринг сумела разобрать некоторые черты, которых раньше не замечала. Она подошла к кровати и склонилась над ним.

– В чем же дело? – спросила у него она. – Такой приятный же был вечер, и теперь всем нам нужно немного поспать.

Он рассмеялся ей в лицо.

– Вы какая-то малахольная, – сказал он ей, – и уж точно ничего не понимаете в людях. А мне тут, впрочем, неплохо. – Он натянул

простыню еще выше и засопел под нею. – Где-то через полчаса отходит пятичасовой паром. Вернетесь завтра вечером? Я буду в том же баре, где и сегодня.

Она ему пообещала, что вернется на завтра вечером, и, после того, как он ей объяснил дорогу до пристани, открыла ему окно и ушла.

Довольно глупо, но мисс Гёринг забыла взять с собой ключ, и ей пришлось стучаться, чтобы попасть в дом. Грохнула она дважды и чуть ли не сразу услышала, как кто-то сбегает по лестнице. Еще не успела дверь открыться, как она знала, что это Арнолд. На нем была розовая пижамная куртка и обычные брюки. На бедрах болтались подтяжки. За такое короткое время у него довольно-таки отросла борода, и он выглядел неряшливее обычного.

– Что с вами такое, Арнолд? – произнесла мисс Гёринг. – Вы жутко выглядите.

– Ну, у меня была скверная ночь, Кристина. Совсем недавно я уложил спать Живчика; она из-за вас страшно волновалась. Вообще-то мне кажется, вы о нас совсем не подумали.

– Кто это – Живчик? – спросила у него мисс Гёринг.

– Живчик, – ответил он, – это имя, которым я зову мисс Гэмелон.

– В общем, – произнесла мисс Гёринг, входя в дом и усаживаясь перед камином, – на пароме я съездила на большую землю, а там оказалась очень занята. Возможно, вернусь туда и завтра вечером, – прибавила она, – хоть мне и не очень хочется.

– Даже не знаю, с чего это вам так интересно и интеллектуально выискивать новый город, – вымолвил Арнолд, опирая подбородок в чашку ладони и пристально глядя на мисс Гёринг.

– С того, что я верю: на самом деле мне труднее всего перейти от одного к другому – отчасти, – сказала мисс Гёринг.

– Духовно, – произнес Арнолд, стараясь говорить более светски, – духовно я постоянно совершаю маленькие путешествия и целиком меняю свою натуру каждые полгода.

– Не верю в это ни минуты, – ответила мисс Гёринг.

– Нет-нет, так и есть. К тому же, могу вам сказать, я считаю абсолютной чепухой физическое перемещение из одного места в другое. Все места более-менее одинаковы.

На это мисс Гёринг ничего ему не ответила. Лишь ту же запахнулась в шаль на плечах и ни с того ни с сего вдруг показалась

довольно старой и в самом деле очень грустной.

Арнолд начал сомневаться в обоснованности того, что сказал только что, и тут же решился следующим же вечером совершить точно такую же вылазку, из какой сейчас вернулась мисс Гёринг. Он выпятил челюсть и извлек из кармана записную книжку.

– Так, вы не сообщите ли мне, как именно отсюда достигнуть большой земли? – спросил он. – В какие часы отходит поезд и тому подобное.

– Зачем вы спрашиваете? – поинтересовалась мисс Гёринг.

– Затем, что завтра вечером я отправлюсь туда сам. По-моему, вы теперь уже и сами догадались.

– Нет, если исходить из того, что вы мне только что закончили излагать, я б нипочем об этом не догадалась.

– Ну, говорю я одно, – произнес Арнолд, – но на самом деле, под кожуруй, я такой же одержимец, как и вы.

– Мне бы хотелось видеть вашего отца, – сказала ему мисс Гёринг.

– Сдается мне, он спит. Надеюсь, он возьмется за ум и отправится домой, – ответил Арнолд.

– Ну, а я надеюсь на обратное, – промолвила мисс Гёринг. – Я ужасно к нему привязалась. Давайте сходим наверх и просто заглянем к нему в комнату.

Вместе они поднялись по лестнице, а мисс Гэмелон вышла на площадку их встретить. Глаза у нее сплошь припухли, и она куталась в толстый шерстяной халат.

С мисс Гёринг она заговорила невнятно, еще не совсем проснувшись.

– Еще раз так, и больше Люси Гэмелон вы не увидите.

– Ну-ну, Живчик, – произнес Арнолд, – не забывайте, что это не обычное хозяйство, и вам следует рассчитывать на определенные чудачества со стороны заключенных. Видите ли, я теперь всех нас прозвал заключенными.

– Арнолд, – сказала мисс Гэмелон, – только не начинайте. Вы же помните, что я вам сказала днем о болтании всякой чепухи.

– Прошу вас, Люси, – ответил Арнолд.

– Будет, будет, давайте все сходим да глянем на Арнолдова отца, – предложила мисс Гёринг.

Мисс Гэмелон поплелась за ними лишь для того, чтоб и дальше попрекать Арнолда, – что она и делала тихонько. Мисс Гёринг распахнула дверь. В комнате было очень холодно, и она впервые осознала, что на улице уже светло. Все это произошло очень быстро, пока она беседовала с Арнолдом в гостиной, но там темно было постоянно из-за густых кустов снаружи.

Отец Арнолда спал на спине. Лицо его хранило спокойствие, и он размеренно дышал без храпа. Мисс Гёринг несколько раз встряхнула его за плечо.

– Обычай в этом доме, – вымолвила мисс Гэмелон, – граничат с преступными. Вот вы ни свет ни заря будите пожилого человека, которому нужно хорошенько выспаться. Я просто содрогаюсь, Кристина, стоя тут и наблюдая, во что вы превратились.

Наконец Арнолдов отец проснулся. Осознать, что стряслось, у него получилось не сразу, но, сообразив, он приподнялся на локтях и вполне бодро проговорил мисс Гёринг:

– Доброе утро, миссис Марко Поло. Что за прекрасные сокровища привезли вы с Востока? Я рад вас видеть, и если вы желаете, чтобы я куда-нибудь с вами отправился, – я готов. – И он с глухим стуком рухнул обратно на подушку.

Мисс Гёринг промолвила, что увидится с ним позже, а теперь ей очень нужно отдохнуть. Они вышли из комнаты, и, не успели закрыть за собой дверь, Арнолдов отец снова уснул. На площадке мисс Гэмелон расплакалась и на миг спрятала лицо на плече у мисс Гёринг. Та прижала ее к себе очень крепко и упростила не плакать. Затем расцеловалась и с Арнолдом, и с мисс Гэмелон и пожелала им спокойной ночи. А когда вошла к себе в комнату, ее на несколько мгновений одолел испуг, но вскорости она провалилась в глубокий сон.

Назавтра около половины шестого мисс Гёринг объявила о своем намерении снова вернуться вечером на большую землю. Мисс Гэмелон стояла, штопая Арнолдов носок. Оделась она кокетливее, нежели входило у нее в привычку: по шее платья у нее бежали оборки, а на щеках лежал щедрый слой румян. Старик сидел в большом кресле в углу и читал стихи Лонгфелло – иногда вслух, иногда про себя. Арнолд все еще не переоделся с ночи накануне, если не считать свитера, который натянул поверх пижамной куртки. Спереди по свитеру

расползлось большое кофейное пятно, а всю грудь усыпал сигаретный пепел. В полусне он лежал на кушетке.

– Вы отправитесь туда только через мой труп, – заявила мисс Гэмелон. – Прошу вас, Кристина, будьте же благоразумны и давайте проведем приятный вечер вместе.

Мисс Гёринг вздохнула.

– Ну, вы с Арнолдом можете провести совершенно приятный вечер вместе и без меня. Извините. Мне хотелось бы остаться, но у меня правда такое чувство, что я должна поехать.

– Вы меня сводите с ума своими таинственными разговорами, – промолвила мисс Гэмелон. – Если б только здесь оказался кто-нибудь из членов вашей семьи! Почему мы не позвоним и не вызовем такси? – с надеждой спросила она. – И не отправимся вместе в большой город? Там можно поесть китайского, а потом сходить в театр – или на кинокартину, если у вас еще не развеялось ваше скаредное настроение.

– А давайте вы с Арнолдом поедете в город, поедите там китайского, а затем сходите в театр? Я буду очень рада угостить вас, но, боюсь, сопровождать вас не смогу.

Арнолда раздосадовало то, с какой легкостью мисс Гёринг от него отмахнулась. Держалась она при этом так, что у него возникло скверное ощущение: он чем-то хуже нее.

– Простите, Кристина, – произнес он с кушетки, – но у меня нет никакого намерения есть китайское. Все это время я и сам планировал совершить прогулку на большую землю напротив этого конца острова, и ничто меня не остановит. Хорошо бы и вы со мною поехали, Люси; вообще-то я не понимаю, почему б нам не поехать всем вместе. Довольно бессмысленно, что Кристина превращает эту прогулку на большую землю в такое болезненное предприятие. На самом деле это же пустырь.

– Арнолд! – заорала на него мисс Гэмелон. – Вы тоже теряете рассудок, и если считаете, будто я отправлюсь за семь миль киселя хлебать на поезде и пароме, чтоб только оказаться в какой-то мышеловке, вы сумасшедший вдвойне. Как бы там ни было, я слыхала, что городишко это суровый и помимо того, что унылый и вообще без какого бы то ни было интереса.

– Тем не менее, – произнес Арнолд, садясь и утверждаясь на полу обеими ногами, – сегодня вечером я еду.

– В таком случае, – вымолвил отец Арнолда, – я еду тоже.

Втайне мисс Гёринг была в восторге от того, что они тоже туда собрались, и ей недоставало мужества их отговаривать, хотя и чувствовала она, что сделать это с ее стороны будет правильно. Такие вылазки в ее собственных глазах были бы так или иначе лишены какой бы то ни было нравственной ценности, если бы эти люди отправились с нею, но она пришла в такой восторг, что убедила себя: быть может, только на сей раз она это и позволит.

– Вам лучше поехать с нами, Люси, – проговорил Арнолд; – иначе вам придется остаться здесь совсем одной.

– В этом нет совершенно ничего особенного, дорогой мой, – ответила Люси. – В конце концов, я одна и выйду из всей этой затеи в целостности и сохранности. А кроме того, быть тут без вас, возможно, окажется восхитительным.

Арнолдов отец испустил ртом оскорбительный звук, и мисс Гэмелон вышла из комнаты.

На сей раз в маленьком поезде оказалось полно людей, и по проходу взад-вперед бродили довольно много мальчишек, продававших конфеты и фрукты. День стоял примечательно теплый, кратко пролился дождь – один из тех ливней, что так часто случаются летом, а вот осенью бывают редко.

Солнце только садилось, и ливень оставил в своем кильватере довольно красивую радугу – она видна была лишь тем, кто сидел с левой стороны поезда. Однако большинство пассажиров, сидевших на правой его стороне, теперь перегибались через попутчиков поудачливей, и им тоже доставался неплохой вид радуги.

Многие женщины вслух перечисляли своим подругам те краски, какие им в ней удалось различить. Похоже, все в поезде полюбили эту радугу, кроме Арнолда, кто, раз теперь самоутвердился, ощущал жуткое уныние – отчасти от того, что ему пришлось слезть с кушетки и ему светила перспектива скучного вечера, а отчасти потому, что он очень сомневался, удастся ли ему примириться с Люси Гэмелон. Она, не сомневался Арнолд, из тех, кто способен злиться неделями.

– Ох, мне кажется, это страшно, страшно весело, – проговорила мисс Гёринг. – И эта радуга, и этот закат, и все эти люди, что трещат как сороки. Вас не веселит? – осведомилась она у Арнолдова отца.

– Еще как, – ответил тот. – Настоящий ковер-самолет.

Мисс Гёринг всмотрелась ему в лицо, потому что голос его показался ей грустноватым. Он вообще-то и впрямь выглядел не в своей тарелке. Постоянно озирался на других пассажиров и тянул себя за галстук.

Наконец они вышли из поезда и сели на паром. Все остались вместе стоять на баке, как накануне вечером сама мисс Гёринг. В этот раз, когда паром причалил, она подняла взгляд, но по косогору никто не спускался.

– Обычно, – сообщила им она, позабыв, что сама прежде совершила это путешествие всего раз, – на этом косогоре рой людей. Даже не представляю себе, куда они сегодня вечером подевались.

– Склон крутой, – вымолвил отец Арнолда. – А есть еще какой-нибудь способ попасть в город, чтоб не карабкаться в гору?

– Не знаю, – ответила мисс Гёринг. Посмотрела на него и заметила, что у него болтаются рукава. Вообще-то все его пальто было где-то на полразмера больше нужного.

Пусть никто и не шел по косогору на паром или с него, главная улица кишела людьми. Весь кинотеатр светился, а перед кассой выстраивалась длинная очередь. Очевидно, где-то здесь случился пожар, потому что в нескольких кварталах от кинотеатра вдоль одной стороны улицы стояли три красные машины. Мисс Гёринг рассудила, что пожар незначительный, поскольку не заметила ни следов дыма, ни обугленных зданий. Однако машины добавляли улице праздничности: вокруг них толпилась молодежь, перешучивалась с пожарными, все еще сидевшими внутри. Арнолд шел вперед ходко, внимательно осматривая на улице всё и делая вид, будто сильно погружен в собственные впечатления о городке.

– Понимаю, о чем вы, – сказал он мисс Гёринг, – это великолепно.

– Что великолепно? – переспросила у него та.

– Все это. – Арнолд вдруг остановился как вкопанный. – О, взгляните, Кристина, до чего прекрасное зрелище! – Он вынудил их встать перед обширным пустырем между двух зданий. Пустырь этот превратили в новехонькую баскетбольную площадку. Ее элегантно залили серым асфальтом и ярко осветили четырьмя исполинскими фонарями, направленными на игроков и щит с корзиной. С одной стороны площадки располагалась билетная касса, где участники приобретали себе право час организованно поиграть. Большинство

игравших – маленькие мальчики. Было там и несколько мужчин в спортивной форме: Арнолд рассудил, что они работают на этой площадке и включаются в игру, когда люди покупают недостаточно билетов для того, чтобы образовать две полные команды. Арнолд зарделся от удовольствия. – Послушайте, Кристина, – сказал он, – вы бегите дальше, я тут попытаю свои силы; за вами с папенькой я потом зайду.

Она показала ему нужный бар, но у нее оставалось чувство, что Арнолд не слишком-то ее слушает. Мгновенье она постояла с его отцом, и они поглядели, как Арнолд спешит к кассе и торопливо просовывает мелочь в окошко. Мигом очутился он на площадке – бежал, не снявши пальто, и подпрыгивал, расставив руки. Один из людей в форме быстро вышел из игры, дабы уступить место Арнолду. Но теперь отчаянно пытался привлечь его внимание, потому что Арнолд у кассы так спешил, что кассир не успел выдать ему цветную нарукавную повязку, по каким игроки могли отличать членов своей команды.

– Полагаю, – произнесла мисс Гёринг, – что нам лучше пойти. Арнолд, по всей видимости, вскоре последует за нами.

Они двинулись по улице. Отец Арнолда помедлил миг перед дверью салуна.

– Что за люди сюда ходят? – осведомился он у мисс Гёринг.

– О, – ответила ему та. – Всякие, наверное. Богатые и бедные, рабочие и банкиры, преступники и карлики.

– Карлики, – тревожно повторил Арнолдов отец.

Едва они вошли, мисс Гёринг заметила Энди. Он пил у дальнего конца стойки, надвинув шляпу себе на один глаз. Мисс Гёринг поспешно усадила Арнолдова отца в кабинку.

– Снимите пальто, – велела ему она, – и закажите себе выпить вон у того человека за стойкой.

Она подошла к Энди и протянула ему руку. Выглядел он очень зловредным и надменным.

– Здравствуйте, – произнес он. – Снова решили приехать на большую землю?

– А как же, – ответила мисс Гёринг. – Я же вам обещала.

– Ну, – промолвил Энди, – за все свои годы я убедился, что ничего это не значит.

Мисс Гёринг слегка смутилась. Недолго постояли они бок о бок, не произнося ни слова.

– Простите, – выговорил Энди, – но у меня на сегодняшний вечер нет к вам предложений. В городе только один кинотеатр, а сегодня там показывают очень скверную картину. – Он взял себе еще выпить и тут же залпом выпил. Потом очень медленно стал вращать шкалу радиоприемника, пока не наткнулся на танго.

– Что ж, позвольте вас пригласить? – спросил он, вроде бы чуть приободрившись.

Мисс Гёринг кивнула.

Держал ее он очень прямо и так крепко, что она оказалась в до крайности неловком и неудобном положении. Так дотанцевали они до дальнего угла бара.

– Ну и как, – вымолвил он, – постараетесь ли вы осчастливить меня? Потому что времени лишнего у меня нет. – Энди оттолкнул ее от себя и выпрямился лицом к ней, свесив руки по бокам. – Отойдите, пожалуйста, на шаг подальше, – произнес он. – Тщательно присмотритесь к своему мужчине, а потом скажите, хотите вы его или нет.

Мисс Гёринг не понимала, как ей ответить что-либо иное, кроме «да». Теперь он стоял, склонив голову набок, и очень сильно походило, будто старался при этом не моргать, – так делают люди, когда их фотографируют.

– Очень хорошо, – проговорила мисс Гёринг, – я действительно хочу, чтоб вы стали моим мужчиной. – Она мило ему улыбнулась, но слишком уж не задумалась о том, что произносит.

Энди вытянул к ней руки, и они продолжали танцевать. Он очень гордо смотрел поверх ее головы и самую чуточку улыбался. Когда же танец завершился, мисс Гёринг с угрызением совести вспомнила, что Арнолдов отец все это время сидел один в кабинке. Вдвойне жаль стало ей оттого, что он, казалось, так сильно опечалился и постарел после того, как они сели в поезд, что едва ли уже вообще напоминал того бодрого чудака, каким был несколько дней в доме на острове, – или даже того фанатичного джентльмена, каким показался мисс Гёринг в ту первую ночь, когда они только познакомились.

– Батюшки, я должна познакомить вас с отцом Арнолда, – произнесла она Энди. – Пойдемте-ка сюда со мной.

Еще совестнее стало ей, когда она зашла в кабинку, потому что отец Арнолда все это время просидел здесь, не заказав себе ничего.

– В чем дело? – спросила мисс Гёринг – голос у нее взлетел, словно у взвинченной матери. – Отчего же вы не заказали ничего выпить?

Арнолдов отец воровато огляделся.

– Не знаю, – ответил он, – никакого желания не чувствовал.

Она познакомила мужчин друг с другом, и все они вместе уселись. Отец Арнолда весьма учтиво осведомился у Энди, живет ли тот в этом городке и чем занимается. В течение своей беседы оба они выяснили, что не только родились в одном городке, но еще и, несмотря на разницу в возрасте, проживали там одновременно, но так и не встретились. В отличие от большинства людей Энди, когда им обоим открылся этот факт, вроде бы не стал оживленнее.

– Да, – устало отвечал он на вопросы Арнолдова отца, – я правда там жил в 1920-м.

– Тогда уж точно, – проговорил отец Арнолда, выпрямляясь на сиденье, – тогда уж точно вы были хорошо знакомы с семейством Маклинов. Они жили на горке. У них было семеро детей – пять девочек и два мальчика. И все они, как вы наверняка помните, располагали зверской копной ярко-рыжих волос.

– Я их не знал, – тихонько ответил Энди, начиная багроветь лицом.

– Это очень странно, – проговорил Арнолдов отец. – Тогда вы должны были знать Винсента Коннелли, Питера Джекетсона и Роберта Булла.

– Нет, – ответил Энди, – нет, не знал. – Казалось, его доброе расположение духа совершенно улетучилось.

– Они, – произнес отец Арнолда, – управляли главными деловыми интересами городка. – Он пристально всматривался в Эндино лицо.

Тот еще раз покачал головой и уставился в пространство.

– Риддлтон? – отрывисто осведомился у него отец Арнолда.

– Что? – спросил Энди.

– Риддлтон, президент банка.

– Ну, не вполне, – ответил Энди.

Арнолдов отец откинулся на спинку сиденья и вздохнул.

– Где же вы жили? – наконец спросил он у Энди.

– Я жил, – ответил тот, – в конце Парламент-стрит, на углу с Бёрд-авеню.

– Ужасно там было, пока не начали сносить, да? – промолвил отец Арнолда, и глаза ему затуманило воспоминаньями.

Энди грубо оттолкнул столик вбок и быстро ушел к бару.

– Он не знал никого из приличных людей во всем клятом городке, – сказал Арнолдов отец. – Угол Парламент и Бёрд – это тот район...

– Прошу вас, – вымолвила мисс Гёринг. – Смотрите, вы обидели его. Стыд-то какой; потому что ни вас, ни его вообще такое не волнует! Что за мерзкий бесенок в вас обоих вселился?

– Считаю, у него скверные манеры, и он явно не того разбора субъект, с какими я бы ожидал вас встретить.

Мисс Гёринг отец Арнолда несколько раздосадовал, но ему она ничего говорить не стала, а подошла к Энди и принялась его утешать.

– Не обращайтесь на него внимания, прошу, – сказала она. – Вообще-то старикан он восхитительный и бывает вполне поэтичен. Просто в жизни у него стряслись кое-какие коренные перемены, и все – в последние несколько дней, так что, наверное, теперь на нем сказывается это напряжение.

– Поэтичен, а? – рявкнул ей в ответ Энди. – Напыщенная старая мартышка. Вот что он такое. – Энди и впрямь очень сердился.

– Нет, – ответила мисс Гёринг, – он не напыщенная старая мартышка.

Энди допил свое и развязно двинулся к Арнолдову отцу, сунув руки в карманы.

– Вы напыщенная старая мартышка! – сказал ему он. – Напыщенная, старая, никчемная мартышка!

Отец Арнолда боком сполз с сиденья, не поднимая взгляда, и побрел к двери.

Мисс Гёринг, услышавшая замечание Энди, поспешила следом за стариком, но, минуя Энди, прошептала ему, что намерена сейчас же вернуться.

Оказавшись на улице, они вместе оперлись на фонарный столб. Мисс Гёринг заметила, что отец Арнолда дрожит.

– За всю свою жизнь никогда не сталкивался я с подобной грубостью, – проговорил он. – Человек этот – хуже щенка из канавы.

– Ну, я б не стала из-за такого переживать, – ответила мисс Гёринг. – Он просто не в духе.

– Не в духе? – вымолвил Арнолдов отец. – Да он из того хамья в чужих обносках, что сегодня все гуще и гуще населяет свет.

– Ох, полноте, – произнесла мисс Гёринг, – это ни к селу ни к городу.

Отец Арнолда взглянул на мисс Гёринг. Именно в этот вечер лицо ее смотрелось особенно прелестно, и он с сожалением вздохнул.

– Я полагаю, – промолвил он, – что по-своему вы глубоко разочаровались во мне и в душе своей можете его уважать, в то время как в той же самой душе не способны отыскать никакого уважения ко мне. Человеческая натура загадочна и очень прекрасна, но не забывайте, что существуют некие непогрешимые знаки, которые я, как человек постарше, распознавать научился. Слишком я б этому человеку не доверял. Я вас люблю, дорогая моя, от всего своего сердца, знаете ли.

Мисс Гёринг стояла молча.

– Вы мне очень близки, – вымолвил он немного погодя, пожимая ей руку.

– Что ж, – сказала она, – вы не против зайти обратно в салун или же считаете, что с вас хватит?

– Вернуться в этот салун мне было б невозможно буквально, даже будь у меня на то желанье. Думаю, лучше уж я пойду дальше. Вы не хотите со мной, дорогая моя, а?

– Мне до ужаса жаль, – ответила мисс Гёринг, – но, к сожалению, у меня была предварительная договоренность. Хотите, я провожу вас до баскетбольной площадки? Быть может, Арнолд к этому времени уже утомится играть. Если ж нет, там вы сможете ненадолго присесть и посмотреть, как играют.

– Да, с вашей стороны это было бы очень любезно, – сказал Арнолдов отец так печально, что у мисс Гёринг чуть сердце не надорвалось.

Вскоро они уже пришли к баскетбольной площадке. Там все значительно поменялось. Почти все малыши из игры ушли, а их места и места зрителей заняли множество юношей и девушек. Молодые женщины визжали от хохота, а смотреть игру собралась довольно крупная толпа. Постояв там с минуту, мисс Гёринг и Арнолдов отец

сообразили, что чуть ли не главной причиной всего веселья выступал сам Арнолд. Он снял пальто и свитер, и они, к своему немалому удивлению, увидели, что на нем до сих пор пижамная куртка. Он выпростал ее из брюк, чтобы выглядеть еще нелепей. У них на глазах он неся по площадке с мячом в руках, ревя как лев. Добежав до стратегической позиции, однако, не передал мяч другому игроку своей команды, а просто выронил его на площадку у себя между ног, вслед за чем боднул противника в живот, словно козел. Толпа взревела от хохота. Смотрители в форме были от этого в особенном восторге – такое приятно и неожиданно выбивалось из их вечерней рутины. Все они стояли рядом и очень широко улыбались.

– Схожу попробую найти вам стул, – сказала мисс Гёринг. Вскоре она вернулась и подвела Арнолдова отца к складному стульчику, который один смотритель услужливо поставил у самой билетной кассы. Отец Арнолда сел и зевнул.

– До свиданья, – сказала мисс Гёринг. – До свиданья, дорогуша, и дожидайтесь тут, покуда Арнолд не наиграется.

– Но минуточку, – произнес отец Арнолда. – Когда же вы вернетесь на остров?

– Могу и не вернуться, – ответила она. – Сразу, может, и не вернусь, но пригляжу, чтоб мисс Гэмелон получила довольно средств на хозяйство и еду.

– Но я определенно должен вас видеть. Так покидать нас не очень человечно.

– Ну, тогда пойдёмте на минутку, – произнесла мисс Гёринг, взяв его за руку и с трудом таща через толпу к тротуару.

Арнолдов отец воспротивился: и за миллион долларов не вернется он в этот салун.

– Я не в салун вас веду. Не глупите, – сказала она. – Вон видите кафе-мороженое через дорогу? – Она показала ему белую лавчонку почти прямо напротив. – Если я не вернусь, а это весьма возможно, вы встретитесь со мною здесь в воскресенье утром? Это через восемь дней, в одиннадцать утра.

– Через восемь дней приду, – ответил Арнолдов отец.

Вернувшись с Энди к нему в квартиру в тот вечер, она заметила, что на столе рядом с кушеткой стоят три розы с длинными стеблями.

– Ого, какие прелестные цветы! – воскликнула она. – Мне это напомнило, что у моей матери когда-то был прелестнейший садик на много миль окрест. За свои розы она выигрывала много призов.

– Ну, – отозвался Энди, – у меня в семье никто никаких призов за розу никогда не выигрывал, но эти я купил для вас на тот случай, если вы придете.

– Я глубоко тронута, – произнесла мисс Гёринг.

Мисс Гёринг прожила с Энди восемь дней. Он все еще оставался очень нервным и напряженным, но в целом вроде бы держался гораздо оптимистичней. К удивлению мисс Гёринг, на второй день он заговорил о деловых возможностях в городке. И еще очень сильно ее удивил тем, что знал фамилии ведущих семейств местной общины, мало того – был знаком с некоторыми подробностями их частной жизни. В субботу вечером он объявил мисс Гёринг о своем намерении завтра утром провести деловое совещание с мистером Беллами, мистером Шлэгелом и мистером Докерти. Эти люди держали в своих руках почти весь рынок недвижимости не только в самом городке, но и в нескольких поселках неподалеку. Кроме этих интересов, они владели и довольно многими фермами на прилегающих землях. Он был до ужаса разгорячен, рассказывая ей о своих планах: преимущественно – продать те здания, какими владел в большом городе, за них ему уже предлагали небольшую сумму, и купить долю в их деле.

– Это три самых умных человека в городке, – сказал он, – но они вообще не гангстеры. Они из прекраснейших здешних семейств, и я думаю, тебе это будет тоже приятно.

– Такое меня ни в малейшей степени не интересует, – ответила мисс Гёринг.

– Ну, само собой, я и не рассчитываю, что это заинтересует тебя или меня, – сказал Энди, – но следует признать, что живем мы в мире, если не хотим вести себя, как чокнутые детки или сбежавшие психи, или еще что-нибудь такое.

Несколько дней мисс Гёринг было вполне ясно, что лодырем Энди больше себя не считает. Это бы доставило ей громадное удовольствие, будь она заинтересована в перевоспитании своих друзей, но, к сожалению, интересовал ее лишь тот курс, каким двигалась она, дабы достичь собственного спасения. Энди ей нравился, но последние две

ночи она ощущала позыв с ним расстаться. К тому же в немалой мере это было связано с тем, что в бар зачастила незнакомая личность.

Новичок этот был чуть ли не исполинских размеров, и те оба раза, когда она его видела, приходил он в громадном черном пальто, хорошо пошитом и, очевидно, из очень дорогой материи. Лицо его она замечала лишь мельком раз-другой, но и то, что удалось разглядеть, испугало ее так, что уже два дня она не могла думать почти ни о чем другом.

Человек этот, как они заметили, подъезжал к салуну в очень красивом крупном автомобиле, больше напоминавшем катафалк, а не личную машину. Однажды мисс Гёринг рассмотрела ее хорошенько, когда мужчина выпивал в салуне. Казалась она почти совершенно новенькой. Они с Энди заглянули в окно и несколько удивились, обнаружив на полу салона кучу грязной одежды. Мисс Гёринг теперь полностью занимала мысль, каким путем двинуться, пожелай новоприбывший сделать ее ненадолго своей любовницей. Она была почти уверена, что так он и поступит: несколько раз она перехватывала его взгляд – такой научилась распознавать она уже давно. Ей оставалась единственная надежда: он исчезнет, не успеет выпасть ей случай к нему подкатиться. Если так и случится, она будет свободна и тем самым вольна растратить еще немного времени с Энди, а тот сейчас казался настолько чуждым чего бы то ни было зловещего, что она уже начинала ссориться с ним из-за мелочей, как это бывает обычно с младшим братом.

Утром в воскресенье мисс Гёринг проснулась и увидела Энди в одной рубашке – он смахивал пыль с каких-то столиков в гостиной.

– В чем дело? – спросила она. – Зачем ты хлопчешь по дому, как невеста?

– Разве не помнишь? – с обидой переспросил в ответ он. – Сегодня важный день – день совещания. Они соберутся сюда с утра пораньше, все втроем. Живут они, как малиновки, эти деловые люди. Ты не могла бы, – попросил у нее он, – не могла бы сделать что-нибудь, чтобы комната стала покрасивее? Видишь ли, у них всех есть жены, и хоть, возможно, они тебе не скажут, как обставлена их гостиная, у их жен куча денег на всякие побрякушки и украшения, и глаза их, вероятно, привыкли к какой-нибудь мишуре.

– Так эта комната, Энди, у тебя до того отвратительна, что я не понимаю даже, что может пойти ей на пользу.

– Да, комнатенка, наверно, неважнецкая. Раньше я никогда этого особо не замечал. – Энди надел темно-синий костюм и очень аккуратно причесался, втерев в волосы немного бриолина. Затем походил взад-вперед по гостиной, сунув руки в задние карманы брюк. В окно лилось солнце, а батарея отопления раздражающе посвистывала, перегревая комнату, – как это обычно бывало с тех пор, как сюда прибыла мисс Гёринг.

Мистер Беллами, мистер Шлэгел и мистер Докерти получили записку Энди и теперь поднимались по лестнице, приняв его приглашение скорее из любопытства и застарелой привычки никогда ничего не упускать, нежели потому, что действительно верили, будто их визит принесет какие-то плоды. Почуяв же ужасную вонь дешевой стряпни в коридорах, они прикрыли рты руками, чтобы слишком уж громко не расхохотаться, и изобразили маленькую насмешливую пантомиму ретирады к лестнице. Хотя на самом деле им было вполне безразлично, поскольку стояло воскресенье, и они предпочитали общество друг друга, а не своих семейств, а потому и постучались к Энди. Тот быстро обтер руки, ибо те вспотели, и побежал открывать. Он стоял в дверях, энергично пожимал руки каждому мужчине и только после этого приглашал их войти.

– Я Эндрю Маклейн, – сказал им он, – и мне жаль, что мы не встречались раньше. – Он провел их в комнату, и все трое тут же сообразили, что здесь будет отвратительно жарко. Мистер Докерти, самый напористый из троицы, повернулся к Энди.

– Вы не будете против открыть окно, приятель? – громко осведомился он. – Тут вскипеть можно.

– Ох, – ответил, вспыхнув Энди, – мне следовало бы об этом позаботиться. – Он подошел и открыл окна.

– Как вы это терпите, приятель? – спросил мистер Докерти. – Пытаетесь тут высидеть что-то?

Трое мужчин скупились у кушетки и вытащили сигары, а после с минуту их осматривали и обсуждали.

– Двое из нас сядут на эту кушетку, приятель, – произнес мистер Докерти, – а мистер Шлэгел может устроиться вот в этом креслице. А вы где сидеть собираетесь?

Почти сразу же мистер Докерти счел, что Энди – полный олух царя небесного, и взял все в собственные руки. Это настолько обескуражило Энди, что он стоял и пялился на троих мужчин, не говоря ни слова.

– Будет вам, – произнес мистер Докерти, вынося из угла комнаты стул и устанавливая его у кушетки, – идите сюда, сядете здесь.

Энди молча сел и принялся перебирать пальцами.

– Скажите-ка мне, – проговорил мистер Беллами, немного более учтивый и воспитанный, чем те двое. – Скажите, сколько вы уже тут живете?

– Я живу тут два года, – вяло ответил Энди.

Трое мужчин недолго об этом подумали.

– Что ж, – вымолвил мистер Беллами, – так и расскажите ж нам, чем вы эти три года занимались.

– Два, – поправил его Энди.

Он приготовился рассказать им довольно пространную историю, ибо подозревал, что они примутся допрашивать о его личной жизни, дабы удостовериться, с каким человеком имеют дело, и он счел неразумным признавать, что за эти два года не занимался совершенно ничем. Но Энди воображал и что совещание будет проводиться гораздо дружелюбнее. Предполагал, что эти люди придут в восторг от того, что нашли желающего вложить немного средств в их дело, и окажутся более чем готовыми поверить, что он приличный, трудолюбивый гражданин. Теперь же, однако, он ощущал, как его подвергают перекрестному допросу и выставляют посмешищем. Ему едва удавалось сдерживать порыв опрометью выскочить из комнаты.

– Ничем, – сказал он, избегая смотреть им в глаза, – ничем.

– Меня всегда изумляет, – промолвил мистер Беллами, – как людям удается располагать свободным временем – то есть если свободного времени у них больше, чем нужно. Тут я имею в виду, что фирме нашей уже тридцать два года. И ни дня не проходило, чтобы не требовалось мне заниматься тринадцатью-четырнадцатью разными делами. Вам это может показаться легким преувеличением или даже, быть может, сильным, но это не преувеличение вообще – это правда. Перво-наперво, я лично посещаю каждый дом у нас по списку. Проверяю водопровод, канализацию и что только не. Смотрю, в исправном ли состоянии содержится дом, а также навещаю его в

разную погоду, чтобы поглядеть, как он выдерживает бурю или метель. Я точно знаю, сколько угля уходит на обогрев каждого нашего дома. Лично беседую с клиентами и пытаюсь повлиять на ту цену, какую они запрашивают за дом, – неважно, продают ли они его или сдают. К примеру, если они просят цену, а я знаю, что она чрезмерно высока, поскольку у меня есть возможность сравнить ее со всеми ценами на рынке, я стараюсь убедить их немного ее снизить, чтоб она приблизилась к норме. Если же, напротив, обкрадывают сами себя, а я знаю...

Двум другим мужчинам становилось скучно. Легко можно было видеть, что мистер Беллами – самый незначительный из троицы, хоть он с легкостью и мог оказаться тем, кто выполнял всю нудную работу. Его перебил мистер Шлэгел.

– Что ж, друг мой, – сказал он Энди, – расскажите нам, в чем тут все дело. В своем письме вы утверждали, что у вас имеются кое-какие предложения, от которых, как вы считаете, мы – а заодно, конечно, и вы – можем получить выгоду.

Энди встал со стула. Мужчинам теперь стало очевидно, что он до ужаса напряжен, и они насторожились вдвойне.

– А давайте вы зайдете как-нибудь в следующий раз? – очень быстро проговорил Энди. – Тогда я их лучше обдумаю.

– Не спешите, не торопитесь, приятель, – сказал мистер Докерти. – Раз мы здесь вместе собрались, почему б нам и не обговорить все сразу же. Мы сами, да будет вам известно, не в городе живем. Мы живем в двадцати минутах от него, в Фэрвью. Вообще-то мы его сами и построили.

– Ну, – вымолвил Энди, возвращаясь к стулу и присаживаясь на самый его краешек, – у меня самого есть кое-какая недвижимость.

– Это где? – спросил мистер Докерти.

– Здание в большом городе, в самой глубине, возле порта. – Он сообщил мистеру Докерти название улицы и откинулся на спинку, покусывая губы. Мистер Докерти ничего не ответил. – Видите ли, – продолжал Энди, – я думал передать свои права на это здание корпорации в обмен на долю вашего предприятия – хотя бы на право работать на фирму и получать свое из продаж. Мне сразу не нужны будут равные с вами права, разумеется, но я думал обсудить эти подробности потом, если вы заинтересуетесь.

Мистер Докерти зажмурился, а чуть погодя обратился к мистеру Шлэгелу.

– Я знаю ту улицу, о которой он говорит, – сказал он. Мистер Шлэгел покачал головой и скривился. Энди не отрывал взгляда от своих ботинок. – Уже долгое время, – проговорил мистер Докерти, по-прежнему обращаясь к мистеру Шлэгелу, – уже долго здания в этом районе отягощают рынок. Даже для трущоб они довольно плохи, а прибыли от любого из них едва хватает штаны поддерживать. Это все потому, как вы, Шлэгел, помните, что на удобном расстоянии там нет никаких средств транспорта, и окружают их рыбные рынки... Кроме того, – продолжал мистер Докерти, обратившись теперь уже к Энди, – у нас в уставе есть условие, запрещающее нам брать к себе больше людей, разве что строго на жалованье, а в конторе, друг мой, у нас список желающих длиной с мою руку на тот случай, если откроется вакансия. Вывалив языки, они ждут любой работы, какую мы им могли бы предложить. И при этом прекрасные молодые люди, почти все только что из колледжей, горят желанием работать и применять в деле все современные приемы торговли, каким выучились. Некоторые их семьи я знаю лично, и мне жаль, что я не могу помочь этим парням больше.

Как раз в этот миг через всю комнату пронеслась мисс Гёринг.

– Я на час или два уже опаздываю к отцу Арнолда, – завопила она через плечо, выскакивая за дверь. – Потом увидимся.

Энди встал и повернулся лицом к окну, а спиной – к троице мужчин. Лопатки у него подергивались.

– Это была ваша супруга? – осведомился мистер Докерти.

Энди не ответил, но через несколько секунд мистер Докерти повторил свой вопрос – главным образом потому, что к нему закралось подозрение: не жена она Энди, – и ему не терпелось узнать, правильно он заподозрил или нет. Он пнул в ногу мистера Шлэгела, и они друг другу подмигнули.

– Нет, – ответил Энди, повернувшись к ним и явив свое пламенеющее лицо. – Нет, мне она не супруга. Она моя подружка. Почти неделю здесь со мной жила. Что-нибудь еще желаете узнать?

– Так, послушайте-ка, приятель, – проговорил мистер Докерти, – не из-за чего вам тут заводиться. Женщина она прехорошенькая, очень прелестная, а если вы расстроены из-за наших тут небольших деловых

переговоров, для этого тоже нет оснований. Мы ясно вам все объяснили, как трое добрых товарищей. – Энди посмотрел в окно. – Знаете, – произнес мистер Докерти, – для вас найдутся и другие занятия, гораздо более подходящие вам и вашему опыту, а в итоге вы от них станете только счастливее. У девушки своей спросите, так ли это. – Энди по-прежнему не отвечал им. – Есть и другие занятия, – осмелился повторить мистер Докерти, но, поскольку никакого ответа от Энди так и не поступило, он пожал плечами, с трудом поднялся с кушетки и opravил на себе жилет и пиджак. Остальные последовали его примеру. Затем все втроем вежливо попрощались в спину Энди и вышли из комнаты.

Отец Арнолда уже полтора часа просидел в кафе-мороженом, когда туда наконец вбежала мисс Гёринг. Сидел он как в воду опущенный. Ему даже не пришло в голову купить и почитать журнал, разглядывать же в этом кафе-мороженом было некого, потому что еще стояло утро, а люди редко заглядывали сюда до полудня.

– Ох, дорогой мой, у меня даже слов не хватает вам сказать, как мне жаль, – проговорила мисс Гёринг, беря обе его руки в свои и прижимая их к губам. На старике были шерстяные варежки. – Не могу передать вам, до чего эти варежки напоминают мне о детстве, – продолжала мисс Гёринг.

– Последние несколько дней я мерз, – ответил Арнолдов отец, – поэтому мисс Гэмелон сходила в городок и мне их там купила.

– Ну и как там всё?

– Немного погодя я вам все про это расскажу, – ответил Арнолдов отец, – но сперва мне бы хотелось знать, все ли в порядке у вас, дорогая моя женщина, и намерены вы или нет вернуться на остров.

– Я... это вряд ли, – вымолвила мисс Гёринг, – еще долго.

– Ну, тогда я должен рассказать вам о многих переменах, произошедших в нашей жизни, и надеюсь, что вы не сочтете их слишком уж крутыми, внезапными или революционными – или как вы их там еще назовете.

Мисс Гёринг слабо улыбнулась.

– Видите ли, – продолжал он, – в доме последние несколько дней становилось все холоднее. У мисс Гэмелон открылся жуткий насморк, должен признать, а к тому же, как вам известно, она с самого начала

уныло брюзжит насчет устаревших кухонных устройств. Арнолд-то ни на что не возражает, лишь бы еды ему хватало, но в последнее время мисс Гэмелон отказывается и шагу в кухню ступить.

– Так к чему же, во имя небес, все это свелось? Поспешите же и все мне расскажите, – поторопила его мисс Гёринг.

– Быстрее, чем есть, не могу, – ответил Арнолдов отец. – Итак, как-то раз на днях Арнолд встретил в городке Адел Уаймен, свою старую школьную подругу, и они выпили вместе кофе. В беседе Адел обмолвилась, что живет на острове в доме на две семьи, и ей это нравится, но ее жутко беспокоит, кто вселится в другую половину.

– Стало быть, я верно понимаю, что они переехали в этот дом и теперь живут там?

– Они переехали в этот дом до тех пор, пока вы не вернетесь, – ответил Арнолдов отец. – К счастью, у вас вроде бы не было договора об аренде первого домика; а потому, раз это конец месяца, они и съехали, не стесняясь. Мисс Гэмелон желает знать, будете ли вы присылать чеки с квартплатой в новый дом. Арнолд вызвался сам оплачивать разницу в арендной стоимости, которая очень незначительна.

– Нет-нет, это не обязательно. Еще что-нибудь нового случилось? – спросила мисс Гёринг.

– Ну, вам может быть интересно узнать, – ответил Арнолдов отец, – что я решил вернуться к своей жене и в свой первоначальный дом.

– Почему? – спросила мисс Гёринг.

– Сочетание обстоятельств, включая тот факт, что я стар и мне хочется домой.

– Ох, батюшки, – вымолвила мисс Гёринг, – какая жалость, что все так разваливается, верно?

– Да, моя дорогая, жалко, но сюда я приехал просить вас об услуге – кроме того, что приехал я потому, что любил вас и хотел сказать вам до свиданья.

– Для вас я сделаю что угодно, – ответила мисс Гёринг, – что только смогу.

– Вот, – промолвил отец Арнолда, – мне бы хотелось, чтоб вы прочли эту записку – я написал ее своей жене. Хочу отправить ей, а потом, на следующий день, вернуться к себе домой.

– Разумеется, – ответила мисс Гёринг. Конверт на столе перед Арнолдовым отцом она заметила. Взяла его.

*Дорогая Этел [прочла она],
надеюсь, это письмо ты будешь читать со всем тщанием и сочувствием, какими так крепко обладаешь в своем сердце.*

Могу только сказать, что в жизни каждого мужчины есть сильный позыв ненадолго оставить позади свою жизнь и поискать новой. Если живет он у моря, сильный позыв его – сесть на первое попавшееся судно и уплыть, каким бы счастливым ни был дом его или насколько бы ни была любима жена или мать. Так же правда и то, что, если мужчина живет у дороги, у него может возникнуть сильный позыв закинуть за спину котомку и уйти прочь, опять же оставив позади счастливый дом. Очень немногие слушаются этого позыва после того, как юность их прошла, а они этого так и не сделали. Но мысль моя в том, что возраст порой воздействует на нас, как юность, будто крепкое шампанское бьет нам в голову, и мы осмеливаемся на то, на что не осмеливались раньше, быть может, еще и потому, что чувствуем: это наш последний шанс. Однако, если юношами мы бы могли продолжать это приключение, в моем возрасте очень быстро обнаруживаешь, что это попросту химера, а сил у тебя нет. Примешь ли меня обратно?

*Твой любящий супруг,
Эдгар*

– Оно простое, – вымолвил отец Арнолда, – и выражает то, что я чувствовал.

– Вы и впрямь чувствовали это? – спросила мисс Гёринг.

– Убежден, что да, – ответил Арнолдов отец. – Наверняка же. Конечно, я не упоминал ни о каких своих сантиментах к вам, но она об этом и так догадалась, а такое лучше оставлять невысказанным...

Он посмотрел на свои варежки и какое-то время больше ничего не говорил. Как вдруг залез в карман и вытащил другое письмо.

– Простите, – вымолвил он, – чуть не забыл. Вот письмо от Арнолда.

– Так, – произнесла мисс Гёринг, распечатывая конверт, – о чем же оно может быть?

– Наверняка лишь ни о чем да о той профурсетке, с которой живет, а это еще хуже, чем ни о чем. – Мисс Гёринг вскрыла письмо и принялась читать вслух:

Дорогая Кристина,

я велел папеньке объяснить Вам причины нашей недавней перемены местожительства. Надеюсь, он так и сделал, и Вы удовлетворены тем, что мы не повели себя опрометчиво или тем манером, каковой Вы бы могли счесть непродуманным. Люси хочет, чтобы ее чек Вы присылали ей на настоящий адрес. Папенька должен был Вам это сказать, но я подумал, что он мог и забыть. Люси, боюсь, очень расстроена Вашей нынешней выходкой. Настроение у нее постоянно то угрюмое, то меланхолическое. Я надеялся, что состояние это улучшится после того, как мы переедем, но она по-прежнему впадает в длительные молчания и часто плачет по ночам, не говоря уже о том, что стала нынче крайне раздражительной и уже дважды поцапалась с Адел, хотя пробыли мы здесь всего два дня. Во всем этом я вижу, что натура у Люси – крайней тонкости и болезненности, и меня завораживает быть с нею рядом. У Адел же, напротив, натура очень уравновешенная, но она до ужаса интеллектуальна, и ее весьма интересуют все ветви искусства. Мы с нею подумываем основать вместе журнал, когда более-менее обоснуемся. Она хорошенькая блондинка.

Скучаю по Вас ужасно, дорогая моя, и хочу, чтобы Вы, прошу Вас, верили: если б я только мог как-то достигнуть того, что у меня внутри, я бы вырвался из этого жуткого кокона, в каковом нахожусь. Вообще-то рассчитываю, что однажды так и произойдет. Всегда буду помнить ту историю, которую Вы мне рассказали, когда мы с Вами только познакомились: я всегда чувствовал, что в ней погребено некое странное значение, хотя должен признаться Вам теперь, я б не мог объяснить какое. Мне нужно идти и принести Живчику в комнату горячего чаю. Прошу Вас, прошу – верьте в меня.

Люблю, целую,

Арнолд

– Славный он человек, – произнесла мисс Гёринг. Письмо Арнолда отчего-то опечалило ее, а вот письмо его отца рассердило и

озадачило.

– Что ж, – вымолвил Арнолдов отец, – мне сейчас пора идти, если я хочу успеть на следующий паром.

– Погодите, – сказала мисс Гёринг, – я провожу вас до пристани. – Она поспешно отстегнула розу, которую носила у себя на воротнике пальто, и прицепила ее старику на лацкан.

Когда они дошли до пристани, уже ударили в рынду, и паром готовился отчалить на остров. Мисс Гёринг увидела это с облегчением – она опасалась затянутого сентиментального прощания.

– Что ж, успели тютелька в тютельку, – проговорил Арнолдов отец, стараясь держаться как ни в чем не бывало. Но мисс Гёринг заметила, что голубые глаза его влажны... Она и сама едва могла сдержать слезы, а поэтому отвернулась от парома и посмотрела вверх на косогор. – Не могли бы вы, – промолвил отец Арнолда, – одолжить мне пятьдесят центов? Все свои деньги я отправил жене, а занять достаточно у Арнолда сегодня утром не подумал.

Она быстро дала ему доллар, и они поцеловались на прощание. Пока паром отходил, мисс Гёринг стояла на пристани и махала; он попросил ее об этом в виде услуги ему.

Вернувшись в квартиру, она никого там не застала, поэтому решила идти в бар и пить там: она была уверена – если Энди сейчас там и нет, рано или поздно он туда явится.

Пила она там несколько часов, и уже начинало темнеть. Энди еще не явился, и мисс Гёринг ощущала небольшое облегченье. Глянув через плечо, она увидела, как в бар входит тот дородный мужчина, у которого автомобиль, похожий на катафалк. Она непроизвольно вздрогнула и мило улыбнулась Фрэнку, бармену.

– Фрэнк, – спросила она, – у вас когда-нибудь бывает выходной?

– Он мне ни к чему.

– Почему же?

– Потому что мне нравится ушки на макушке держать, а потом заняться чем-нибудь стоящим. Да мне и все равно ни от чего никакого удовольствия, кроме как о своем думать.

– А я о своем думать ненавижу, Фрэнк.

– Не, это глупо, – изрек тот.

Крупный мужчина в пальто только что взобрался на табурет и метнул вдоль по стойке полтинник. Фрэнк его обслужил. Выпив,

мужчина повернулся к мисс Гёринг.

– Выпьете? – спросил у нее он.

Как та его ни боялась, ее охватил странный трепет от того, что он наконец-то с нею заговорил. Мисс Гёринг ожидала этого уже несколько дней и чувствовала, что не может удержаться и ему об этом не сообщить.

– Большое вам спасибо, – ответила она так подобострастно, что Фрэнк, мало одобрявший дам, заговаривающих с незнакомыми мужчинами, мрачно насупился и передвинулся к другому концу стойки, где взялся читать журнал. – Большое спасибо, я была бы рада. Возможно, вам будет интересно знать, что я уже некоторое время воображаю, как мы с вами вместе вот так вот выпиваем, и меня теперь вовсе не удивляет, что вы у меня спросили. Я бы скорее вообразила, и что случится это именно в это время дня, когда здесь никого нет. – Мужчина кивнул разок-другой.

– Так чего же вы желаете выпить? – спросил у нее он. Мисс Гёринг была весьма разочарована тем, что не получила прямого ответа на свое замечание.

Когда Фрэнк подал выпивку, мужчина схватил ее у мисс Гёринг из-под носа.

– Пошли, – промолвил он, – давайте сядем в кабинке.

Мисс Гёринг слезла со своего табурета и последовала за ним к кабинке, которая располагалась дальше всего от двери.

– Ну, – вымолвил он после того, как они там некоторое время посидели, – вы тут работаете?

– Где? – переспросила мисс Гёринг.

– Тут, в этом городишке?

– Нет, – ответила мисс Гёринг.

– Ну, значит, работаете в другом городке?

– Нет, я не работаю.

– Работаете-работаете. Не надо пытаться меня дурачить, потому что это еще никому не удавалось.

– Не понимаю.

– Вы работаете проституткой в некотором роде, не правда ли?

Мисс Гёринг рассмеялась.

– Боже правый! – воскликнула она. – Вот уж точно никогда не думала, будто похожа на проститутку лишь потому, что у меня рыжие

волосы; быть может, на отщепенку или сбежавшую психичку, но только не на проститутку!

– По мне, так не похожи вы ни на отщепенку, ни на сбежавшую психичку. Вы смахиваете на проститутку, и она-то вы и есть. Я не в смысле настоящей проститутки по мелочи. Я про средний пошиб.

– Ну, против проституток я ничего не имею, но в самом деле уверяю вас – ничего подобного.

– Я вам не верю.

– Но как же нам вообще завязать хоть какую-то дружбу, – промолвила мисс Гёринг, – если вы не верите ничему, что б я ни сказала?

Мужчина опять покачал головой.

– Я вам не верю, когда вы говорите, что вы не проститутка, потому что я знаю, что вы – проститутка.

– Ладно, – выговорила мисс Гёринг, – устала я спорить. – Она заметила, что его лицо – в отличие от большинства других лиц – вроде бы не оживлялось никак дополнительно, если он вступал в разговор, и она ощутила, что все ее предчувствия относительно него оправданны.

Теперь он вел своей ступней вверх по ее ноге. Она попробовала ему улыбнуться, но не смогла.

– Будет вам, – произнесла она, – Фрэнк скорее всего увидит, что вы делаете, оттуда, где сидит за стойкой, и мне придется ужасно смутиться.

Казалось, он совсем не обратил внимания на ее реплику и продолжал жать ей на ногу все энергичнее.

– Не хотели б вы поехать ко мне домой и там поужинать стейками? – спросил у нее он. – У меня стейки с луком – и кофе. Могли б и остаться на несколько дней, если поладим, и то и на подольше. Другая девчоночка, Дороти, где-то с неделю назад только съехала.

– Думаю, это было бы славно, – ответила мисс Гёринг.

– Ну, – вымолвил он, – в машине туда ехать где-то час. Мне сейчас нужно сходить увидеться кое с кем тут в городе, но через полчаса или около того я вернусь; так что, если хотите стейка, вам тут тоже лучше быть.

– Хорошо, буду, – ответила мисс Гёринг.

Не утекло и нескольких минут после того, как он ушел, как явился Энди. Руки он держал в карманах, а воротник пальто у него был поднят. Смотрел он себе на ноги.

«Господи боже мой всемогущий! – сказала себе мисс Гёринг. – Нужно сообщить ему новость сразу, а я за всю неделю ни разу не видела его настолько подавленным».

– Что это с тобой такой? – спросила у него она.

– Был в кино, учился самообладанию.

– Это что значит?

– Это значит, что я был расстроен; у меня сегодня утром душа наизнанку вывернулась, и вариантов оказалось всего два: пить и продолжать пить – или сходить в кино. Я выбрал последнее.

– Но ты все равно ужасно угрюмый.

– Я уже не такой угрюмый. Я лишь проявляю исход жуткой битвы, какую внутри себя выдержал, а ты сама знаешь, что лицо победы часто напоминает лицо разгрома.

– Победа стирается так быстро, что становится едва очевидна, а видеть мы всегда можем лицо поражения, – ответила мисс Гёринг. Ей не хотелось ему говорить – перед Фрэнком, – что уходит, потому что она была уверена: Фрэнк будет знать, куда она ушла. – Энди, – произнесла она, – ты не против сходить со мною через дорогу в кафе-мороженое? Мне с тобой нужно кое о чем поговорить.

– Ладно, – ответил Энди чуть небрежнее, чем ожидала мисс Гёринг. – Только потом я сразу хочу вернуться сюда, чтоб выпить.

Они перешли через дорогу в маленькое кафе-мороженое и сели за столик друг напротив дружки. В заведении больше никого не было, кроме них да мальчика, который обслуживал посетителей. Когда они вошли, тот им кивнул.

– Опять явились? – осведомился он у мисс Гёринг. – Тот старик сегодня утром уж точно вас заждался.

– Да, – ответила мисс Гёринг, – ужас какой.

– Ну, вы ему же все равно цветочек подарили перед уходом. Наверняка его порадовало.

Мисс Гёринг ему не ответила – у нее было слишком мало времени.

– Энди, – промолвила она, – через несколько минут я отправляюсь в одно место, до которого отсюда час езды, и, наверное, довольно

долго не вернусь.

Похоже, Энди ухватил положение дел моментально. Мисс Гёринг откинулась на спинку и ждала, пока он все сильнее и сильнее сжимал себе виски ладонями.

Наконец он на нее посмотрел.

– Ты, – выговорил он, – как приличный человек, не можешь так со мной.

– Ну, боюсь, что могу, Энди. Мне за собственной звездой идти надо, между прочим.

– Но тебе же известно, – произнес Энди, – как прекрасно и нежно мужское сердце, когда мужчина впервые счастлив? Оно как тонкий ледок, что заключил в себя красивые юные растения, которые освободятся, стоит льду растаять.

– Ты вычитал это в каком-то стихотворении, – сказала мисс Гёринг.

– Разве от этого оно перестало быть красивым?

– Нет, – ответила мисс Гёринг, – признаю, что это очень красивая мысль.

– Нельзя теперь выдергивать растение, раз ты лед растопила.

– Ох, Энди, – вымолвила мисс Гёринг, – послушать тебя, так я такая ужасная! Я же просто чего-то для себя хочу добиться.

– У тебя нет на это права, – ответил Энди. – Ты не одна на свете. Ты же связалась со мною! – Он все больше распалялся, наверное, потому, что осознал: с мисс Гёринг разговаривать о чем-либо уже без толку. – Я встану на колени, – проговорил Энди, грозя ей кулаком. И не успел он договорить, как опустился на колени у ее ног. Официанта это до ужаса шокировало, и он почувствовал, что должен как-то вмешаться.

– Послушайте, Энди, – тихонько вымолвил он, – а почему бы вам не встать с колен и все хорошенько не обдумать?

– Потому, – отвечал Энди, все больше и больше возвышая голос, – потому, что она не осмелится отказать мужчине, стоящему перед нею на коленях. Не посмеет! Это будет святотатство.

– Не вижу, с чего бы, – произнесла мисс Гёринг.

– Если ты мне откажешь, – выговорил Энди, – я тебя опозорю, я выползу на улицу, тебе станет стыдно.

– Стыда на самом деле у меня нет и в помине, – сказала мисс Гёринг, – а твоя стыдливость, думаю, ужасно преувеличена – это помимо того, что жутко сосет у тебя жизненные силы. Теперь мне пора идти, Энди. Встань, пожалуйста.

– Ты сбрендила, – сказал Энди. – Ты чокнутое чудовище... вот правда. Чудовище. Ты совершаешь чудовищное деянье.

– Ну, – ответила мисс Гёринг, – ходы мои и впрямь кажутся странноватыми, но я уже долго думаю, что часто – очень часто – герои, сами верящие в то, что они чудовища, поскольку так далеки они от всего остального человечества, впоследствии оборачиваются и видят, что поистине чудовищные поступки совершаются во имя чего-то посредственного.

– Психичка! – заорал на нее Энди с колен. – Ты же даже не христианка.

Легонько поцеловав Энди в макушку, мисс Гёринг поспешила прочь из кафе-мороженого, поскольку сообразила, что если очень быстро его не оставит, то пропустит встречу. Вообще-то рассудила она верно: когда только приближалась, ее друг уже выходил из салуна.

– Так вы едете со мной? – спросил он. – Я закончил немного раньше, чем рассчитывал, и решил не дожидаться, потому что не думал, что вы поедете.

– Но я же, – ответила мисс Гёринг, – приняла ваше приглашение. Отчего же вы думали, что я не поеду?

– Не горячитесь так, – произнес мужчина. – Пошли, давайте уже сядем в машину.

Проезжая мимо кафе-мороженого по пути из городка, мисс Гёринг выглянула в окно – не поймает ли Энди краем глаза. К ее удивлению, кафе заполнилось людьми так, что они толпились еще и на улице, запрудив собою весь тротуар, и она не сумела заглянуть внутрь вообще.

Мужчина сидел впереди с шофером, который не носил формы, а она была на заднем сиденье одна. Поначалу такая рассадка ее удивила, но она была довольна. Вскорости она поняла, почему он так их посадил. Едва они оставили городок позади, мужчина повернулся к ней и сказал:

– Я теперь буду спать. Мне здесь удобнее, потому что не так трясет. А вы можете поговорить с шофером, если хотите.

– Не уверена, что мне хочется с кем-нибудь разговаривать, – произнесла мисс Гёринг.

– Ну тогда, к черту, чем хотите, тем и занимайтесь, – ответил тот. – А я не желаю, чтоб меня будили, пока стейки на гриле не окажутся. – И он проворно натянул шляпу на глаза и уснул.

Пока ехали, мисс Гёринг было так одиноко и грустно, как никогда прежде. Она от всей души скучала по Энди и Арнолду, мисс Гэмелон и старику и вскорости уже безмолвно плакала на заднем сиденье машины. Лишь невообразимым напряженьем воли удержалась она от того, чтобы распахнуть дверцу и выскочить на дорогу.

Они миновали несколько мелких городков и наконец, когда мисс Гёринг уже задремывала, въехали в город средних размеров.

– В этот город мы и направлялись, – произнес шофер, подразумевая, что мисс Гёринг нетерпеливо следила за дорогой. В городе было шумно, во все стороны там разъезжали трамваи. Мисс Гёринг поразились, что друг ее на переднем сиденье от такого шума не проснулся. Вскоре они выехали из центра, хоть и остались в самом городе, и остановились перед многоквартирным зданием. Шофер с некоторым трудом добудился хозяина – наконец ему это удалось: он проорал человеку на ухо его собственный адрес.

Мисс Гёринг дожидалась на тротуаре, стоя сначала на одной ноге, потом на другой. Она заметила, что вдоль одной стены многоквартирного дома тянется небольшой садик. Он был засажен вечнозелеными деревьями и кустарником, все – маленьких размеров, поскольку очевидно было, что и садик, и дом очень новые. Садик огораживала прядь колючей проволоки, и под нее пыталась пролезть собака.

– Съезжу машину поставлю, Бен, – произнес шофер.

Бен выбрался из машины и подтолкнул мисс Гёринг перед собой в вестибюль дома.

– Подделка под Испанию, – вымолвила мисс Гёринг скорее себе самой, нежели Бену.

– Это не подделка, – угрюмо ответил тот, – дом настоящий испанский.

Мисс Геринг чуть хохотнула.

– Это вряд ли, – сказала она. – Я бывала в Испании.

– Я вам не верю, – произнес Бен. – Во всяком случае, испанский он настоящий до последнего дюйма.

Мисс Гёринг оглядела стены вокруг себя, сделанные из желтой штукатурки и украшенные нишами и пучками маленьких колонн.

Вместе они вошли в крошечный автоматический лифт, и сердце мисс Гёринг чуть не отказало. Ее спутник нажал на кнопку, но кабина осталась стоять на месте.

– Я б разорвал в клочья того, кто сделал это устройство, – произнес Бен и топнул.

– Ох, прошу вас, – выговорила мисс Гёринг, – выпустите меня, умоляю, отсюда.

Он не обратил на нее внимания, а топнул еще сильнее прежнего и принялся жать и жать на кнопку, как будто страх у нее в голосе его будоражил. Наконец лифт начал подниматься. Мисс Гёринг закрыла лицо ладонями. Доехали до второго этажа, где кабина остановилась, и они вышли. Перед одной из трех дверей в узком холле они и стали ждать.

– Ключи у Джима, – сказал Бен; – он поднимется через минуту. Надеюсь, вы понимаете, что обойдемся мы без танцев и прочей ерунды. Терпеть не могу того, что люди зовут развлечениями.

– О, а я все это люблю, – промолвила мисс Гёринг. – В сущности, я беззаботная особа. То есть я наслаждаюсь всем, чем наслаждаются беззаботные люди.

Бен зевнул.

«Он никогда не будет меня слушать», – сказала себе мисс Гёринг.

Вот вернулся шофер с ключами и впустил их в квартиру. Гостиная оказалась маленькой и непривлекательной. Посреди комнаты кто-то оставил громадный узел. Через прорехи в бумаге мисс Гёринг разглядела, что в этом тюке прелестное розовое одеяло. При виде его она немного воодушевилась и спросила Бена, сам ли он его выбирал. Не ответив ей, тот позвал шофера, который зашел в кухню, примыкавшую к гостиной. Дверь между ними стояла открытой, и мисс Гёринг видела, что шофер, не снявши шляпы и пальто, разворачивает у кухонной мойки стейки.

– Я ж говорил тебе проследить, чтоб они зашли за этим чертовым одеялом, – крикнул ему Бен.

– Я забыл.

– Тогда носи с собой блокнотик и записывай для памяти – и хоть иногда не забывай доставать его из кармана. На углу такие продаются.

Бен бросился на тахту рядом с мисс Гёринг, которая туда уже села, и положил руку ей на колено.

– А что? Вам уже не хочется одеяло, которое купили? – спросила у него мисс Гёринг.

– Я его не покупал. Его купила та девчонка, что жила здесь со мной на той неделе, – нас накрывать, когда мы в постели.

– И вам цвет не нравится?

– Мне не нравится, когда лишнее валяется повсюду.

Несколько минут он просидел мрачно, и мисс Гёринг, у которой сердце начинало колотиться слишком сильно, стоило ему только провалиться в молчание, шарила у себя в уме, какой бы еще вопрос ему задать.

– Вы не склонны к обсуждениям, – сказала ему она.

– В смысле – к разговорам?

– Да.

– Нет, не склонен.

– И почему?

– Когда говоришь, болтаешь слишком много, – рассеянно ответил он.

– Ну а вам разве не хочется про людей узнавать?

Он покачал головой.

– Не надо мне ничего ни про кого узнавать, а еще важнее тут – им не надо узнавать ничего про меня. – И он глянул на нее краем глаза.

– Что ж, – слегка задышливо произнесла она, – должно же вам что-то нравиться.

– Мне очень нравятся женщины и мне нравится сшибать деньги, если дается быстро. – Без предупреждения он вскочил на ноги и потянул за собой мисс Гёринг, довольно грубо схватив ее запястье. – Пока он заканчивает со стейками, зайдемте-ка внутрь на минуточку.

– Ох, прошу вас, – взмолилась мисс Гёринг, – я так устала. Давайте здесь немного отдохнем до ужина.

– Хорошо, – согласился Бен. – Тогда я пойду к себе и полежу, пока стейки готовятся. Мне они нравятся пережаренными.

Пока его не было, мисс Гёринг сидела на тахте и дергала себя за вспотевшие пальцы. Ее разрывало между почти невыносимым желанием выскочить прочь из комнаты и тошнотворным позывом остаться там, где была.

«Очень надеюсь, – сказала себе она, – что стейки поджарятся до того, как мне случится выбрать».

Однако когда шофер разбудил Бена, объявив, что стейки готовы, мисс Гёринг приняла решение, что ей совершенно необходимо остаться.

Вместе они сидели за небольшим раскладным столиком и молча ели. Не успели доесть, как зазвонил телефон. Бен ответил, а договорив, сообщил мисс Гёринг и Джиму, что все втроем они едут в большой город. Шофер понимающе на него посмотрел.

– Отсюда это недолго, – произнес Бен, натягивая пальто. Затем повернулся к мисс Гёринг. – Мы едем в ресторан, – сказал он ей. – Вы посидите терпеливо за отдельным столиком, пока я поговорю о делах кое с кем из друзей. Если запозднимся, мы с вами заночуем в городе в гостинице, где я всегда останавливаюсь, в центре. Джим отгонит машину обратно и переночует тут. Все всё поняли?

– Досконально, – ответила мисс Гёринг, которая, само собой, была в восторге, что они выходят из квартиры.

В ресторане было не очень весело. Он представлял собой большую квадратную комнату на первом этаже старого здания. Бен подвел ее к столику у стены и велел сесть.

– Время от времени можете что-нибудь заказывать, – произнес он и ушел к трем мужчинам, стоявшим у самодельной стойки бара из тонких дощечек и папье-маше.

Гостями здесь были почти сплошь мужчины, и мисс Гёринг заметила, что среди них нет никаких изысканных лиц, хоть никто и не был одет бедно. Те трое, с кем разговаривал Бен, были уродливы и даже зверски с виду. Вот она заметила, как Бен подал знак женщине, сидевшей неподалеку от нее. Та приблизилась, поговорила с ним, а затем быстро подошла к столику мисс Гёринг.

– Он хочет вам передать, что пробудет тут долго – возможно, больше двух часов. Мне поручили принести вам, чего захотите. Может, спагетти или сэндвич? Я вам принесу все, чего пожелаете.

– Нет, спасибо, – ответила мисс Гёринг. – Но вы не присядете и не выпьете ли со мной?

– Сказать вам правду, нет, – произнесла женщина, – хотя очень вас за это благодарю. – Прежде чем попрощаться, она чуть помедлила. – Конечно, мне бы хотелось, чтоб вы подсели к нашему столику и составили нам компанию, но здесь трудно объяснить. В основном мы все тут близкие подруги и, когда видимся, рассказываем друг дружке обо всем, что происходило.

– Понимаю, – ответила мисс Гёринг, довольно-таки погрузневшая от того, что женщина уходит, потому что ей вовсе не улыбалось просидеть в одиночестве два или три часа. Хотя ее не очень тянуло в общество Бена, неопределенность такого долгого ожидания почти без какого бы то ни было источника развлечения была почти что невыносима. Ей пришло в голову, не позвонить ли какой-нибудь подруге и не попросить ли ее прийти и выпить с нею в ресторане. «Разумеется, – подумала она. – Бен не станет возражать, если я поболтаю с другой женщиной». Единственными, кого она знала настолько хорошо, чтобы пригласить так поспешно, были Анна и миссис Копперфилд. Из этих двоих она предпочитала последнюю и полагала, что миссис Копперфилд примет приглашение скорее. Но мисс Гёринг не была уверена, что та уже вернулась из своей поездки по Центральной Америке. Она подозвала официанта и потребовала, чтобы тот проводил ее к телефону. Задав ей несколько вопросов, он ввел ее в продуваемый сквозняком вестибюль и набрал ей номер. Знакомицу застать ей удалось – миссис Копперфилд ужасно разволновалась, едва услышав голос мисс Гёринг.

– Лечу к вам немедленно, – сказала она ей. – Не могу даже передать, как здорово вас слышать. Вернулась я совсем недавно, между прочим, и, думаю, надолго тут не задержусь.

Как раз когда миссис Копперфилд ей это говорила, в вестибюль вошел Бен и выхватил трубку из руки мисс Гёринг.

– Что это вообще такое, господи ты боже мой? – рявкнул он.

Мисс Гёринг попросила миссис Копперфилд секундочку обождать.

– Звоню своей знакомой, – сказала она Бену, – мы давненько не виделись с этой женщиной. Она человек оживленный, и я подумала, не

подъехать ли ей сюда и не выпить ли со мною. Мне за столиком становилось одиноко.

– Алло, – проорал в трубку Бен, – вы едете сюда?

– Всенепременнейше и *tout de suite*^[17], – ответила миссис Копперфилд. – Я ее обожаю.

Бен, казалось, этим удовлетворился и вернул трубку мисс Гёринг, не сказав больше ни слова. Однако прежде, чем покинуть вестибюль, он объявил мисс Гёринг, что двух женщин угощать не намерен. Та кивнула и возобновила свою беседу с миссис Копперфилд. Сообщила ей адрес ресторана, который официант для нее записал, и попрощалась.

Примерно через полчаса миссис Копперфилд прибыла – в сопровождении женщины, которую мисс Гёринг никогда раньше не видела. При виде старой своей знакомицы она пришла в смятение. Та очень похудела и, судя по виду, страдала от какой-то кожной сыпи. Подругу миссис Копперфилд мисс Гёринг сочла сравнительно симпатичной, но волосы у нее были слишком уж, на ее вкус, жестки. Обращены обе женщины были дорого и в черное.

– Вот она, – завопила миссис Копперфилд, хватая Пасифику за руку и подбегая к столику мисс Гёринг... – Даже сказать вам не могу, в каком я восторге от того, что вы позвонили, – сказала она. – Я хотела, чтобы меня видел единственный человек на свете, и это вы. А это Пасифика. Она со мной у меня в квартире.

Мисс Гёринг пригласила их сесть.

– Послушайте, – сказала мисс Гёринг Пасифика, – у меня свидание с мальчиком далеко от центра на севере. Вас чудесно видеть, но он станет нервничать и будет очень несчастен. Пускай она с вами поговорит, а я пока съезжу с ним повидаюсь. Вы же большие друзья, она мне говорила.

Миссис Копперфилд поднялась на ноги.

– Пасифика, – произнесла она, – ты должна остаться тут и сначала выпить с нами. Это чудо, и тебе следует при нем присутствовать.

– Уже так поздно, что, если я сейчас же не поеду, мне чертовски туго придется. Она не хотела идти сюда одна, – сказала Пасифика, обращаясь к мисс Гёринг.

– Не забудь, ты обещала заехать потом и забрать меня, – вымолвила миссис Копперфилд. – Я тебе протелефонирую, как только

Кристина соберется уходить.

Пасифика попрощалась и заспешила из комнаты.

– Что вы о ней скажете? – спросила у мисс Гёринг миссис Копперфилд, но дожидаться ответа не стала, подозвала официанта и заказала два двойных виски. – Что вы о ней думаете? – повторила она.

– Откуда она?

– Испанская девушка из Панамы – чудеснейшая натура, что когда-либо жили на свете. Мы друг без дружки ни шагу. Я совершенно удовлетворена и довольна.

– Но я должна сказать, что вид у вас немного утомленный, – произнесла мисс Гёринг, которую ее знакомица откровенно тревожила.

– Я вам скажу, – вымолвила миссис Копперфилд, подаваясь к ней ближе через столик с неожиданным напряженьем. – Я немного беспокоюсь – не ужасно волнуюсь, поскольку не позволю случиться тому, случаться чему не желаю, – но немного беспокоюсь: Пасифика познакомилась с таким юным блондинчиком, он живет в предместье и попросил ее выйти за него. Он и рта никогда не открывает, а по характеру слабак. Но мне кажется, он ее околдовал, потому что все время говорит ей комплименты. С нею я ездила к нему домой, потому что не могу позволить, чтобы они остались наедине, и она дважды готовила ему ужин. Он с ума сходит по испанской кухне и прожорливо поглощает все, что б она перед ним ни поставила.

Миссис Копперфилд откинулась назад и пристально уставилась в глаза мисс Гёринг.

– Увезу ее обратно в Панаму, как только забронирую места на пароходе. – Она заказала еще двойной виски. – Ну и что вы на это скажете? – пылко спросила она.

– Возможно, вам бы лучше подождать и посмотреть, действительно ли она намерена за него выходить.

– Не будьте безумной, – ответила миссис Копперфилд. – Я жить без нее не могу – ни минуты. Тогда я совсем расклеюсь.

– Но вы же и так расклеились – или я ужасно ошибаюсь в вас?

– И то верно, – согласилась миссис Копперфилд, громыхнув кулаком по столу с очень неприятным видом. – Я и *впрямь* расклеилась, а это мне хотелось сделать много лет. Знаю, виновна я так, что клейма ставить некуда, но ко мне пришло мое счастье, я сторожу его, как волк, и мне теперь достаёт авторитета и некоторого

количества дерзости, каких, если вы припоминаете, раньше за мною никогда не водилось.

Миссис Копперфилд все больше напивалась и выглядела неприемлемей.

– Помню, – промолвила мисс Гёринг, – вы были несколько застенчивы, но, должна сказать, очень храбры. Нужно довольно много мужества, чтобы жить с таким мужчиной, как мистер Копперфилд, с кем, как я понимаю, вы больше не живете. Я вами тогда очень восхищалась. Не уверена, что восхищаюсь и сейчас.

– Мне это без разницы, – ответила ей миссис Копперфилд. – Я же все равно чувствую, что вы изменились и утратили свое очарование. Теперь вы мне кажетесь закоснелой и не так утешительны. Раньше вы были обходительной и понимающей; все считали, будто у вас не все дома, но я-то думала, что вы до крайности инстинктивны и одарены волшебными силами. – Она заказала себе еще выпить и какое-то мгновение сидела, тяжело размышляя. – Вы же согласитесь, – продолжала она очень ясным голосом, – что все люди равно важны, но, хоть я и очень люблю Пасифику, я считаю очевидным, что из нас двоих я важнее.

Мисс Гёринг не ощущала себя вправе оспаривать это заявление миссис Копперфилд.

– Понимаю ваши чувства, – произнесла она, – и, возможно, вы правы.

– Слава богу, – вымолвила миссис Копперфилд, беря руку мисс Гёринг в обе свои. – Кристина, – взмолилась она, – прошу вас, больше не перечьте мне, я этого не вынесу.

Мисс Гёринг надеялась, что миссис Копперфилд теперь расспросит ее касательно ее жизни. Было у нее громадное желание рассказать кому-нибудь все, что произошло за последний год. Но миссис Копперфилд лишь пила свое большими глотками, то и дело проливая чуточку себе на подбородок. Она даже не смотрела на мисс Гёринг, и десять минут они просидели молча.

– Думаю, – наконец произнесла миссис Копперфилд, – я позвоню Пасифике и скажу, чтобы зашла за мною через три четверти часа.

Мисс Гёринг проводила ее к телефону и вернулась за столик. Мгновение спустя перевела взгляд и увидела, что к Бену и его друзьям подсел еще один человек. Когда знакомица ее вернулась от телефона,

мисс Гёринг тут же заметила: что-то тут очень не так. Миссис Копперфилд рухнула на стул.

– Она говорит, что не знает, когда приедет, а если ее тут не будет к тому времени, как вам захочется уйти, мне придется возвращаться домой с вами или совершенно одной, самой по себе. Вот и со мною это произошло, верно? Но вся моя красота в том, что я все время лишь на шаг отстою от отчаяния, и я из тех немногих моих знакомых, кому насилие – проще пареной репы.

Она помахала над головой рукою.

– Насилие проще пареной репы, – произнесла мисс Гёринг. Миссис Копперфилд к этому времени стала ей уже совершенно противна – вот она поднялась со своего места и кривою дорожкой двинулась к бару. Там она и осталась вливать в себя порцию за порцией, не поворачивая своей маленькой головы, которую почти совсем скрывал громадный меховой воротник ее пальто.

Мисс Гёринг подошла к миссис Копперфилд всего раз, полагая, будто ей удастся убедить знакомицу вернуться за столик. Но та обратила к ней свое яростное заплаканное лицо, отвела руку вбок и замахнулась – ударила мисс Гёринг в нос. Мисс Гёринг вернулась на место и осталась сидеть, ухаживая за своим носом.

К ее величайшему удивлению, минут двадцать спустя заявила Пасифика в сопровождении своего молодого человека. Представила его мисс Гёринг, после чего поспешила к бару. Юноша остался стоять, сунув руки в карманы и довольно неуверенно озираясь.

– Сядьте, – велела ему мисс Гёринг. – Я думала, Пасифика не вернется.

– Она и не собиралась, – очень медленно ответил он, – а потом решила все-таки приехать – беспокоилась, что ее подруга может расстроиться.

– Боюсь, миссис Копперфилд в высшей степени взвинченная женщина, – промолвила мисс Гёринг.

– Я с нею не очень хорошо знаком, – осмотрительно проговорил юноша.

Пасифика вернулась от барной стойки вместе с миссис Копперфилд, которая теперь была до ужаса весела и желала заказать всем выпивки. Но ни мальчик, ни Пасифика предложение ее принимать не хотели. Мальчик с виду был очень грустен и вскоре

откланялся, сказав, что лишь намеревался проводить Пасифику до ресторана, а затем вернуться домой. Миссис Копперфилд сочла нужным довести его до дверей, по пути все время поглаживая его по руке и так пошатываясь, что ему пришлось обхватить ее за талию, чтобы не упала. Меж тем Пасифика склонилась к мисс Гёринг.

– Это ужас, – вымолвила она. – Ну и ребенок же малый эта ваша подруга! Ее и на десять минут не оставишь – у нее сразу же душа чуть ли не рвется в клочья, а ведь она такая добрая и щедрая женщина, у нее такая красивая квартира и такая прекрасная одежда. Что мне с нею делать? Она совсем младенец. Я пыталась это объяснить моему молодому человеку, но такое вообще-то никому не объяснишь.

Миссис Копперфилд вернулась и предложила им всем пойти поесть куда-нибудь еще.

– Не могу, – ответила мисс Гёринг, опуская взгляд. – У меня назначено с джентльменом. – Ей бы хотелось чуть дольше поговорить с Пасификой. С какой-то стороны та ей напоминала мисс Гэмелон, хотя, разумеется, Пасифика была личностью гораздо приятнее и физически привлекательней. В этот миг она заметила, что Бен и его друзья надевают пальто и готовятся уходить. Колебалась она лишь секунду, после чего стала поспешно прощаться с Пасификой и миссис Копперфилд. Она уже запахивалась в пелерину, когда, к ее изумлению, увидела, что четверо мужчин очень быстро идут к двери прямо мимо ее столика. Бен не подал ей никакого знака.

«Должно быть, вернется», – подумала мисс Гёринг, но все равно решила выйти в вестибюль. Там их уже не было, поэтому она открыла дверь и встала на верхней ступеньке крыльца. Отсюда она увидела, как все они садятся в черную машину Бена. Сам он забирался в нее последним и, едва ступил на подножку, повернул голову и увидел мисс Гёринг.

– Эй, – вымолвил он, – про вас-то я и забыл. Мне далеко ехать по некоторому важному делу. Не знаю, когда вернусь. До свиданья.

Он хлопнул за собою дверцей, и они уехали. Мисс Гёринг принялась спускаться по каменным ступеням. Длинная лестница казалась ей короткой, будто сон, что вспоминается еще долго после того, как приснился.

Она стояла на улице и ждала, чтобы ее охватили радость и облегчение. Но вскорости осознала у себя внутри какую-то новую

печаль. Надежда, чувствовала она, сбросила свой детский облик навсегда.

«Разумеется, я ближе к тому, чтобы стать святой, – размышляла мисс Гёринг, – но возможно ли, что часть меня, скрытая от моего же взгляда, громоздит один грех на другой так же быстро, как миссис Копперфилд?» Эта последняя возможность, сочла мисс Гёринг, представляет значительный интерес, но невеликую важность.

---

notes

Примечания

Хелвеша Пёркинз (1895–1965) – разведенная женщина, с которой Джейн Боулз познакомилась в Мексике в 1940 г., когда работала над «Двумя серьезными дамами». Они жили вместе с 1943 по 1946 г., а весь их роман длился до 1958 г. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Софи Такер (Соня Калиш, 1887–1966) – американская певица, актриса, комедиантка и радиоведущая. Эл Джолсон (Аса Йоэлсон, 1886–1950) – американский эстрадный певец и киноактер, стоявший у истоков популярной музыки США.

3

В люминесцентной краске, наносимой на циферблаты часов в США с 1910-х до 1970-х годов, применялся радий-226.

Виктория – пассажирская коляска, первоначально производившаяся во Франции до 1844 года, как считается, на основе модели фаэтона английского короля Георга IV. Название употребляется с 1870-х годов.

Шёрли Темпл Блэк (1928–2014) – американская актриса, ребенок-кинозвезда, впоследствии политик.

«Over There» (1917) – патриотическая песня американского автора песен, артиста и драматурга Джорджа Майкла Кохэна, популярная среди американских военных и в Первую и во Вторую мировые войны.

«Who Cares?» (1931) – песня американского композитора Джорджа Гершвина на слова Айры Гершвина из оперетты «О тебе пою я».

Man o' War (1917–1947) – американская чистокровная верховая лошадь, считается величайшей скаковой лошадью XX века.

9

Ты им снаружи нужен (*исп.*).

«Old Fashioned» – один из первых американских коктейлей: виски (реже – бренди) с сахаром, толченым в разбавленной горькой настойке, а также с ломтиком лимона и вишней. В том или ином виде существует с начала XIX века.

Ну и жара! (*исп.*)

Какое бескультурье! (*исп.*)

Отсылка к «Макбету» (1606) Уильяма Шекспира, I, 5, пер. А. Радловой.

«Yankee Doodle» – европейская народная (предположительно – ирландская или голландская) юмористическая песня, в середине XVIII века ввезенная английскими войсками в Америку, где она постепенно стала восприниматься как патриотическая. Гимн штата Коннектикут.

Для граммофонов без электронных средств усиления звука (если не считать дверок на раструбе) иголки производились нескольких типов («громкие», «средние» и «тихие», а также «экстрагромкие» и «экстратихие»). «Громкие» иглы обычно применялись для проигрывания пластинок на открытом воздухе или в большом помещении.

«The Washington Post» (1889) – марш американского композитора Джона Филипа Сусы, написанный для церемонии вручения призов в конкурсе одноименной газеты.

Незамедлительно (*фр.*).